

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

100

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

6

1977

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Димитрова-Душкова Стелла</i> (НРБ). Великий Октябрь и большевизация Болгарской коммунистической партии	3
<i>Фалькович С. М.</i> К столетию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского	14
<i>Чуркина И. В.</i> Освещение Октябрьской революции в работах Б. Зихерла и Д. Кермавера	22
<i>Пиримкулов Ш. Д.</i> К истории создания Союза польских патриотов в СССР	28
<i>Макарова Г. В.</i> Освещение солидарности трудящихся Советского Союза и Польши газетой «Трыбуна радзецка» (1927—1938)	35
<i>Свадбова Бланка</i> (ЧССР). Божена Немцова в прогрессивной чешской критике межвоенного двадцатилетия	46
<i>Ильина Г. Я.</i> Мирослав Крлежа и становление революционной литературы в Югославии	58
<i>Соксоловская О. В.</i> Открытие Салоникского фронта державами Антанты осенью 1915 года и Греция	65
<i>Овчинникова Е. Н.</i> Обзор словацкой диалектной лексикологии и лексикографии последних десятилетий	79
<i>Эккерт Райнер</i> (ГДР). О роли сложных слов и соотносительных с ними сочетаний при определении семантики древнеславянского слова	89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Калениченко П. М., Мирошниченко И. М.</i> «Братство по оружию»	96
<i>Манько А.</i> Болгарская историография о формировании ленинской стратегии и тактики БКП (1917—1923 гг.)	98
<i>Королюк В. Д.</i> Л. І. Крушельницька. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза	103
<i>Л. К.</i> Чешская литература в ее связях с культурой Европы	106
<i>Смирнов И. И. А.</i> Чернов. Из лекций по теоретическому литературоведению. I. Барокко: литература/литературоведение	107
<i>Таценко Т. Н. J. Kašpar.</i> Uvod do novověké latinské paleografie se zvláštním zřetelem k českým zemím	110

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре, языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976—1977 гг. (продолжение)	113
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Горенков А.</i> Встреча советских и польских историков	119
<i>Петрова Н. К.</i> Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР	119
<i>Булатова Р., Хелимский Е.</i> Конференция по вопросам ностратического языкознания	121
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1976 г.	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛIEВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ПЕШТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубликовский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией И. И. Козловская

СТЕЛЛА ДИМИТРОВА-ДУШКОВА

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Идеи Октябрьской революции дали мощный импульс освободительной борьбе пролетариата и широких масс трудящихся в капиталистических странах, зажгли пламя свободы для зависимых и угнетенных народов. Они вызвали к жизни небывалый революционный подъем, который потряс основы капиталистического строя.

Великое историческое свершение пролетариата России под руководством большевистской партии нашло широкий отклик среди трудящихся масс болгарского народа, указав ему пути борьбы против войны, эксплуатации и гнета буржуазии и монархии.

К концу первой мировой войны Болгария переживала острый экономический кризис. В результате продолжительных войн различные отрасли ее хозяйства были разорены, дороговизна достигла невиданных размеров, трудящиеся жили в ужасающей нищете. Измученные войной солдатские массы были охвачены сильным недовольством. Вследствие тяжелого экономического положения и под влиянием освободительных лозунгов Великой Октябрьской социалистической революции, которые распространяла партия тесных социалистов, в Болгарии наступил революционный подъем. Как только было получено известие о свержении Временного правительства и установлении Советской власти в России, орган партии — газета «Работнически вестник» горячо приветствовала всемирно-историческую победу русского пролетариата: «Грандиозные события в России, — писала газета, — вновь приковывают к себе внимание всего мира. Самоотверженный петроградский пролетариат, который принес неисчислимые жертвы во имя дела революции, снова под руководством большевиков поднялся и мощным стремительным ударом сверг коалиционное правительство Керенского, которое преграждало путь миру и революции. Сегодня Петроград, где бьется пульс жизни России, полностью во власти революционной демократии. Мы горячо приветствуем самоотверженный пролетариат России — носителя мира, свободы и братства народов»¹.

Несмотря на цензуру и преследования властей тесные социалисты через газету «Работнически вестник», нелегальные брошюры и листовки призывали болгарских рабочих и крестьян по примеру своих русских братьев встать на путь борьбы за мир и социализм. Парламентская группа партии в Народном собрании выступила с официальным требованием рассмотреть и принять предложения Советского правительства о немедленном заключении демократического мира без аннексий и контрибуций. Во

¹ «Работнически вестник», 10 XI 1917.

многих городах страны были организованы массовые митинги, призывающие принять советское предложение.

Заключение мира с Советской Россией (март 1918) было встречено с огромной радостью членами партии, солдатскими и трудовыми массами. Многие письма солдат с фронта проникнуты воодушевлением, с которым было воспринято заключение мира. «Теперь у нас есть мир с Россией, — говорилось в одном из них. — Это самая большая радость для нас и товарищей»². А в другом: «Сегодня лично получил очень радостное известие, что мир с Великой Россией уже подписан...»³.

В результате ухудшения положения на фронте и революционной пропаганды возросла политическая активность масс. Участились волнения в частях, некоторые из них перерастали в открытые восстания, как например, в 27-м Чепинском полку. Внутри страны проходили революционные демонстрации и голодные бунты женщин с требованием мира. Наиболее сильными были волнения в больших индустриальных городах — Сливене, Пловдиве, Софии.

Чтобы подавить революционное брожение, правящая верхушка приняла против «бунтарских элементов» суровые меры. Многие тесные социалисты, а также другие прогрессивные деятели были арестованы, отданы под суд и расстреляны. За активную антивоенную деятельность в царские тюрьмы были брошены видные деятели партии — Георгий Димитров, Тодор Луканов, Тодор Петров, Коста Ципоранов и другие.

Несмотря на неслыханный террор, правящие круги не смогли овладеть положением. В сентябре 1918 г. армии Антанты прорвали фронт в районе Добро поле. У отступавших солдат созрела мысль повернуть оружие против своих правителей и потребовать у них отчета за бесконечные несчастья, которые претерпел болгарский народ. Так, следуя примеру своих русских братьев, болгарские солдаты стихийно превращали империалистическую войну в гражданскую. В г. Радомире они объявили монархию низложенной и провозгласили Болгарию республикой. Под руководством Райко Даскалова, одного из руководителей левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, они двинулись на Софию. Восставшие вступили в упорные бои с правительственными частями и германскими войсками, но потерпели поражение.

Главной причиной неуспеха солдатского восстания было то, что партия тесных социалистов не возглавила борьбу восставших солдатских масс, несмотря на ее огромную антивоенную работу и участие в восстании отдельных тесных социалистов. Партия не возглавила восстания потому, что не стала еще в тот период большевистской партией, не усвоила то новое, что В. И. Ленин внес в сокровищницу марксизма. Это обстоятельство не позволило ей правильно ориентироваться в событиях; народные массы потерпели поражение в тот момент, когда власть буржуазии была распатана до основания.

При всем этом следует подчеркнуть, что в связи с Октябрьской социалистической революцией начался переход от теснячества к ленинизму, началось превращение БРСДП (т. с.) в партию нового ленинского типа⁴.

² «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919 г.». София, 1957, с. 249.

³ Там же.

⁴ Уже сразу после победы революции в России ЦК БРСДП (т.с.) издал и распространил на фронте и в тылу листовку, в которой решительно выступил за лозунги большевиков, призывая массы следовать примеру своих русских братьев. (См. «БКП в революции и решения на конгрессите, конференциите и пленумите на ЦК», т. I. София, 1957, с. 452—459).

Непосредственно после победы революции идеи Октября начали оказывать глубокое воздействие на тесных социалистов. Это объясняется тем важным обстоятельством, что партия тесных социалистов обладала рядом замечательных революционных качеств, которые приближали ее к большевизму: она отличалась верностью марксизму и пролетарскому интернационализму, классовой непримиримостью к буржуазии и реформистам. В. И. Ленин высоко ценил партию тесных социалистов и называл ее левой революционной партией болгарского пролетариата.

Для Д. Благоева и других тесных социалистов, которые с небывалым воодушевлением встретили победу Великой Октябрьской революции, отношение к ней стало основным критерием верности различных партий и их руководителей интересам пролетариата и научного социализма. Защиту русской революции от врагов они считали самой жизненной задачей и священным долгом болгарского пролетариата.

С неукротимой революционной страстью деятели партии беспощадно разоблачали клевету псевдосоциалистических идеологов в Болгарии и за границей, и не остановились перед такими авторитетами в международном рабочем движении, как К. Каутский и Г. В. Плеханов⁵. С чувством глубокой озабоченности руководители тесняков подчеркивали, что в кульминационный для русского пролетариата момент, против него наряду с буржуазией ополчились и социал-патриоты.

Партия и трудящиеся массы осуждали врагов Октябрьской революции. На собраниях в Сливене, Плевене, Старой-Загоре, Пловдиве и других городах страны они выражали солидарность со всемирно-исторической победой русского рабочего класса⁶, неоднократно заявляли, что считают дело российского пролетариата своим собственным делом и готовы оказать всестороннюю поддержку для его полного торжества. 2 декабря 1917 г. трудящиеся Софии, собравшиеся на многолюдный митинг, выслушав речи Д. Благоева, Г. Димитрова и Хр. Кабакчиева, приветствовали победу Октября словами: «Наше собрание, будучи убеждено, что выражает желание пролетариата и громадной части народа Болгарии, шлет самый горячий, братский привет русскому пролетариату»⁷.

Несмотря на клевету буржуазной печати на Страну Советов, симпатии трудящихся Болгарии к завоеваниям братского народа непрерывно возрастали. В победе Октябрьской революции они видели «...великое дело народа, который будучи доведен преступлениями и грабежом правящих классов до края пропасти, титаническими усилиями сумел разорвать железные оковы, свергнуть все троны и идолов, преодолеть свои собственные предрассудки и заблуждения и стать полным самовластным хозяином своей судьбы»⁸.

Партия тесняков оценила грандиозное дело Октября как огромный источник опыта и знаний по применению учения Маркса и Энгельса. Она поняла, что большевизм — это единственная надежда, спасительный маяк для всех эксплуатируемых и угнетенных масс, который освещает им путь к свободе и новому общественному строю.

Руководители партии заявляли, что те, кто отвергает опыт Октябрьской революции и учение Ленина или фальсифицирует его, фактически выступают против подтвержденных жизнью принципов и методов борьбы за ликвидацию буржуазного общества и установление социалистического строя.

⁵ ЦПА, ф. 1, оп. 2, а. е. 234, с. 4, ф. 3, оп. 4, а. е. 4, л. 1; ф. 13, оп. 1, а. е. 103, 112, 113; ф. 207, оп. 1, а. е. 11; «Работнически вестник», 2 XI 1921; 17 IX 1922.

⁶ ЦПА, ф. 1, оп. 2, а. е. 239, с. 4; ЦДИА, ф. 173, оп. 3, а. е. 1648, л. 68—69.

⁷ «Великата Октомврийска социалистическа революция...», с. 188.

⁸ В. Коларов. Избрани произведения, т. I. София, 1954, с. 394—395.

Идеи и лозунги Октября оказали глубокое воздействие на воззрения и деятельность тесных социалистов. То, что партия восприняла идеи Октябрьской революции и выступила в их защиту, стала распространять их среди широких масс и бедноты, сыграло решающую роль в процессе освобождения ее от ряда устаревших социал-демократических взглядов.

Д. Благоев указывал, что опыт российского пролетариата выдвинул проблемы социалистической революции, которые до войны вожди и теоретики II Интернационала игнорировали, затуманивали, извращали или разбавляли оппортунизмом. Он отметил, что победившая Октябрьская революция заставляет по-новому отнестись к важнейшим актуальным проблемам революционного рабочего движения.

В партии началась борьба за освобождение от устаревших социал-демократических взглядов, за дальнейшее развитие и укрепление присущих ей положительных черт.

Процесс большевизации партии неизбежно затруднялся всей сложностью и противоречивостью, в которых обычно прокладывает себе путь все новое. В жизни партии в те годы были моменты, когда, хотя и временно, это новое существовало лишь потенциально, сведенное до степени едва заметной тенденции, которую подавляло старое и оказывало решающее воздействие на все поведение партии. Это особенно остро проявлялось во время таких событий в стране, которые требовали быстрых, всесторонне обдуманных, гибких решений и действий со стороны партийного руководства. Выражением старого доктринерского понимания марксизма явилось отношение партийного руководства к солдатскому восстанию (1918), к событиям 9 июня 1923 г. и другим.

Важнейшими этапами в процессе большевизации партии являлись безоговорочное принятие ею принципов и лозунгов Коммунистического интернационала, участие в его создании под руководством партии большевиков и В. И. Ленина, вхождение в него без внутренних потрясений и раскола. Особенно важную роль при этом сыграли решения состоявшегося в мае 1919 г. Первого съезда партии. Съезд изменил название партии: тесносоциалистическая партия была переименована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов); в решениях съезда были провозглашены большевистские идеи.

Огромное историческое значение для ленинизации партии имело проведенное под ее руководством Сентябрьское антифашистское восстание 1923 г. Во время подготовки и в ходе сентябрьской вооруженной борьбы, творчески применяя идеи Октября, БКП (т. с.) добились перелома в процессе большевизации. Этот перелом выразился в том, что партия развернула борьбу за преодоление социал-демократических представлений и на деле восприняла взгляды большевиков. Она перешла от теоретического овладения ленинизмом к его практическому применению.

Необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период партия ошибочно оценивала ленинизм, не воспринимала его как дальнейшее развитие марксизма в эпоху империализма. Отсюда вытекала и ее ошибочная оценка теснячества как большевизма на болгарской почве. Непонимание качественной разницы между теснячеством и большевизмом и запоздалое освобождение партии от такого ошибочного понимания теснячества затрудняло и замедляло превращение ее в партию нового типа. С течением времени, однако, эти взгляды были преодолены. После 1929 г. левосектантский уклон, представители которого временно взяли верх в партийном руководстве, преградил путь дальнейшей большевизации БКП. Однако здоровые силы в партии продолжали борьбу с догматизмом и фракционностью. Решающую роль в деле преодоления сектантских извращений и большевизации Коммунистической партии сыграли решения VII

конгресса Коминтерна. Восприняв эти решения как руководство к действию и применяя их на практике, БКП накануне второй мировой войны превратилась в мощный политический фактор, в организующую и руководящую силу, в партию нового ленинского типа.

Обобщая историю большевизации БКП на V съезде партии, Г. Димитров подчеркнул: «На протяжении трех десятилетий, особенно после Сентябрьского восстания 1923 г., преодолевая небольшевистские тесносоциалистические пережитки, борясь против различных праволиквидаторских и левацких тенденций и групп в своей среде и в рабочем движении, учась на опыте партии большевиков и накапливая все более богатый собственный опыт, наша партия развилась, преобразовалась и идейно перевооружилась в марксистско-ленинском духе»⁹.

Как известно, перевооружение партии в духе идей Великого Октября было трудным и длительным процессом. Восприятие и применение отдельных идей началось не одновременно и развивалось не одинаковыми темпами. Теория империализма была одним из положений ленинизма, которое наша партия начала изучать непосредственно после Октябрьской революции.

До Октябрьской революции тесные социалисты, хотя и придерживались до известной степени позиций теоретиков II Интернационала об империализме, одновременно начали самостоятельно приближаться к пониманию В. И. Лениным этого явления¹⁰. Этим и объясняется то обстоятельство, что еще в мае-июне 1918 г. в серии статей, напечатанных в газете «Работнически вестник», Димитр Благоев излагал и популяризировал ленинское учение об империализме. Благоев полностью солидаризировался с Лениным в том, что для империализма характерно господство не промышленного, а финансового капитала и что наиболее кратким и верным определением империализма является оценка его как «монополистического этапа капитализма».

Осознав ошибочность оценок империализма Каутским, Благоев приходит к важным выводам относительно практической деятельности партии. В статье «Сущность полемики об империализме» он пишет: «События, которые произошли в результате войны, особенно в рядах социалистического интернационала, служат большим уроком, который заставляет нас по-новому оценить многие понятия, которые до нее считались непоколебимыми, по-новому ориентироваться в принципах Маркса и Энгельса»¹¹.

Позднее, в 1919 г. в принятой на I съезде БКП программной декларации, характеристика империализма была дана под влиянием ленинского его определения¹². Кроме ленинской характеристики экономики и политики империализма Болгарская коммунистическая партия официально восприняла и ленинское определение империализма как последней стадии капитализма, как кануна пролетарской революции¹³. Независимо от которой неполноты в понимании партией теории империализма необходимо отметить, что уже тогда, в 1918—1919 гг., восприняв ленинское учение об империализме как высшей стадии капитализма, она в этом вопросе вплотную приближается к ленинизму.

Как в статьях Д. Благоева об империализме, так и в программной декларации I съезда был недостаток — не отмечалось, что открытый Лениным закон неравномерного развития капитализма обуславливал то обстоя-

⁹ Г. Димитров. Съч., т. 14. София, 1955, с. 222.

¹⁰ Подробнее см. К. Василев. Тесните социалисти за проблемите на империализма. «Известия на Института по история на БКП», т. 1—2. София, 1955, с. 3—47.

¹¹ Д. Благоев. Съч., т. 18. София, 1962, с. 316.

¹² «БКП в резолюция и решения...», т. II, с. 10.

¹³ Там же, т. II, с. 11.

тельство, что предпосылки для социалистической революции в различных странах созревают в разное время. В партии тесняков господствовали социал-демократические представления, согласно которым в отсталой Болгарии, где пролетариат гораздо малочисленнее, чем в развитых капиталистических странах, социалистическая революция — дело далекого будущего.

Однако, осваивая опыт Октябрьской революции, партия начала постепенно отходить от старой догмы, что победа социалистической революции в слабо- или среднеразвитых капиталистических странах, (например, в таких как Болгария) невозможна.

На своем I съезде БКП восприняла идею пролетарской революции не как задачу неопределенного будущего, а как главную ближайшую задачу, для которой созрели объективные условия, и успех которой зависит в значительной мере от способности самой партии организовать революцию и руководить ею ¹⁴. Провозгласив пролетарскую революцию как близкую непосредственную задачу, признав восстание высшей формой революционной борьбы, решающим путем завоевания политической власти пролетариатом, Болгарская коммунистическая партия сделала важный шаг на пути своей большевизации.

Благодаря всесторонней работе партии среди болгарского пролетариата все шире начинает распространяться идея о большевистском, «русском» пути взятия власти ¹⁵. Позднее, в период подготовки и проведения Сентябрьского восстания 1923 г., учась на опыте большевиков, Болгарская коммунистическая партия поставила вопрос о власти, использовала вооруженное восстание как средство свержения фашистской диктатуры и установления рабоче-крестьянского правительства. Тем самым совершился перелом в развитии БКП от тесносоциалистического понимания революции к ленинскому.

В 1941—1944 гг., в период вооруженной борьбы против фашизма, творчески применяя опыт КПСС и идеи ленинизма, БКП поставила задачу завоевания власти и с помощью всенародного восстания 9 сентября 1944 открыла путь социалистической революции в Болгарии, обеспечив затем мирное ее развитие.

Другой важной стороной большевизации БКП было восприятие ею опыта Октябрьской революции по вопросу о союзниках пролетариата в социалистической революции, учения о союзе рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата.

Как известно, в период теснячества партия относилась к крестьянству как к консервативной массе, неспособной вести революционную борьбу против буржуазии. Она привлекала крестьян под свои знамена только тогда, когда они переходили на позиции пролетариата. Придерживаясь таких позиций, БКП в программной декларации I съезда не разработала вопрос о союзниках пролетариата в социалистической революции и прежде всего — о рабоче-крестьянском союзе при гегемонии пролетариата. Она продолжала платить дань тесняческим взглядам на самостоятельность пролетариата в революционной борьбе.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что для победы революции необходимо, чтобы Коммунистическая партия вела за собой не только пролетариат, но и большинство трудящегося крестьянства. Наблюдая за развитием революционного процесса в Болгарии, В. И. Ленин в январе 1921 г. в беседе с Г. Димитровым дал ценные напутствия, касающиеся работы БКП. После того, как Г. Димитров рассказал ему, что по оценке

¹⁴ Там же, т. II, с. 13; Д. Б л а г о е в. Там же, с. 472.

¹⁵ Д. Б л а г о е в. Там же, с. 408; «БКП в резолюции и решения...», т. II, с. 13—19.

партии в стране уже созрели возможности для курса на вооруженное восстание, В. И. Ленин выразил свое несогласие с такой постановкой вопроса. Он сказал приблизительно следующее: «Нет, нет, товарищ Димитров, это в корне ошибочно. Это пахнет авантюризмом, как бы ни были хороши намерения вашей партии. Ваша страна — небольшая, преимущественно крестьянская страна, со слабым рабочим классом, с мелкобуржуазной стихией, где Коммунистическая партия только теперь укрепляется... Да, не увлекайтесь! — советовал Ленин, — иначе неизбежно подобное восстание будет подавлено и этим будет нанесен огромный вред делу революции, может быть, непоправимый вред»¹⁶. В. И. Ленин попросил Г. Димитрова передать руководству партии его следующие советы: сосредоточить главное внимание на укреплении БКП как авангарда рабочего класса и создавать союз между рабочими и крестьянами — главное с сельской беднотой и середняками, расширяя свое влияние и в солдатских массах¹⁷.

Оценки В. И. Ленина были совершенно правильны. Большинство трудящихся в стране, и прежде всего крестьянские массы, не были готовы к борьбе за социализм. Крестьяне, которые в силу своего социального положения мелких собственников труднее воспринимали социалистические идеи, в своем огромном большинстве не были убеждены, что только социалистическая революция может решить назревшие вопросы общественной жизни. Огромная масса крестьян шла за Болгарским земледельческим народным союзом, который, руководствуясь мелко-буржуазной идеологией, выражал стремление улучшить положение крестьян без свержения капитализма.

Под влиянием идей Октября и непосредственной помощи со стороны Коминтерна партия начала понимать, что социалистическая революция не может быть делом только авангарда и идущей за ним части рабочего класса, что в такой мелкобуржуазной стране как Болгария, крестьянские массы должны быть вовлечены в борьбу пролетариата за социализм. Усваивая опыт партии большевиков, БКП начала менять свое отношение к крестьянству, все более активно разворачивать работу на селе, хотя она и не сразу перешла на последовательно ленинские позиции по крестьянскому вопросу.

После II конгресса Коммунистического интернационала, который принял ленинские тезисы по аграрному вопросу, БКП ориентируется на позиции большевиков, и на своем III съезде официально принимает линию на союз с беднейшим крестьянством и завоевание поддержки или хотя бы нейтрализацию середняка¹⁸. Необходимо, однако, подчеркнуть, что БКП не сумела разработать с учетом конкретных условий страны ленинскую идею о союзе рабочего класса и крестьянства. Она продолжала выдвигать по аграрному вопросу программу-максимум без переходных лозунгов, которые бы постепенно привлекли сельские массы к революционной борьбе.

Партия не пересмотрела своего отношения к Земледельческому союзу, хотя она и поддержала некоторые реформы, проведенные правительством Стамболийского; БКП обычно причисляла БЗНС к лагерю буржуазии, не видела базы для прочного сближения с Земледельческим союзом и не взяла твердого курса на единство действий с ним.

Лишь в трудных условиях после переворота 9 июня 1923 г. и установления в стране фашистской диктатуры в августе-сентябре 1923 г. БКП разработала и начала творчески осуществлять ленинскую тактику единого фронта, стремясь объединить все политические организации трудящихся

¹⁶ ЦПА, ф. 146, оп. 1, а. е. 468, л. 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «БКП в резолюции и решения...», т. II, с. 63.

для борьбы с фашизмом. БКП достигла соглашения с левой частью БЗНС о совместной борьбе за свержение фашизма и установление революционной рабоче-крестьянской власти. Партия обратилась также к социал-демократической и радикальной партиям с призывом к единству действий в борьбе против фашизма, несмотря на то, что обе эти организации фактически поддержали переворот; но руководители названных партий отказались участвовать в едином фронте.

Во время Сентябрьского восстания БКП стремилась привлечь под знамена единого фронта широкие народные массы. В восстании приняли участие и отдали свои жизни тысячи людей труда, сторонники разных политических убеждений, выступающие против фашизма, в первую очередь — члены БКП и комсомольцы, члены Земледельческого союза, а также отдельные представители других партий и беспартийные ¹⁹.

Главной движущей силой и руководителем Сентябрьского восстания был рабочий класс во главе с Коммунистической партией. Одной из движущих его сил было крестьянство — ближайший союзник пролетариата. В революционных комитетах, которые были созданы в захваченных повстанцами городах и селах, в качестве местных органов рабоче-крестьянской власти участвовали коммунисты, земледельцы и другие антифашисты. Так, опираясь на опыт Великого Октября, БКП после Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. пересмотрела свою позицию по крестьянскому вопросу.

Линию на союз рабочего класса с крестьянством под руководством пролетариата партия продолжала проводить (хотя и не без некоторых ошибок) и в дальнейшем.

Позднее, в соответствии с изменениями в соотношении классовых сил в стране и в международной обстановке, партия видоизменяла лозунг единого фронта. После 1935 г., например, она наряду с борьбой за единство рабочего класса, проводила тактику сочетания единого пролетарского фронта и народного антифашистского фронта ²⁰. Используя самые разнообразные формы работы, БКП сумела вовлечь широкие народные массы в антифашистскую борьбу, на защиту их жизненных интересов, за мир и независимость страны. В годы вооруженной борьбы партия выдвинула идею Отечественного фронта, становым хребтом которого стал союз рабочего класса и крестьянства. Под его знаменем она сплотила все антифашистские силы на борьбу против господства монархо-фашизма ²¹.

После победы восстания 9 сентября 1944 г. во главе государства, общества, всей общественно-политической и культурной жизни встал рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством и ремесленниками при активном сотрудничестве с интеллигенцией, братски сплоченными в могучий Отечественный фронт, при общепризнанной руководящей роли коммунистов ²².

Существенной стороной влияния идей Октября на развитие БКП было восприятие партией того нового, что В. И. Ленин внес в марксистское учение о диктатуре пролетариата. До победы Октябрьской революции и в первое время после нее партия не осмысливала диктатуру пролетариата как проблему непосредственно практического значения.

Но под влиянием опыта Октября и идей ленинизма на своем I съезде в 1919 г. БКП восприняла диктатуру пролетариата как основной вопрос

¹⁹ Д. Т и ш е в. За съюз между работниците и селяните 1917—1923. София, 1964, с. 187.

²⁰ «БКП в революции и решения...», т. III, с. 332—337.

²¹ Г. Д и м и т р о в. Там же, т. II, 1951, с. 161.

²² Там же, с. 167.

пролетарской революции и включила его в свою программу²³. Отдавая себе отчет в том, что общественные условия для установления пролетарской диктатуры уже созрели, БКП разъясняла, что она считает своей непосредственной, неотложной задачей подготовить рабочий класс к скорому овладению политической властью в Болгарии, к осуществлению программы-максимум через «диктатуру пролетариата и неимущих слоев»²⁴. Своим новым отношением к лозунгу диктатуры пролетариата партия еще более четко размежевалась с оппортунистами II Интернационала. Но нужно сказать, что она тогда еще не воспринимала этот ленинский принцип во всей его полноте, не видела в пролетарской диктатуре особую форму союза рабочего класса с трудовым крестьянством при гегемонии пролетариата.

Опираясь на опыт партии Ленина после октября 1917 г., БКП считала советскую форму диктатуры пролетариата самой подходящей формой, с помощью которой рабочий класс может осуществлять свою власть. С учетом этого на своем I съезде БКП официально восприняла советскую власть как форму пролетарской диктатуры²⁵.

В то же время руководители партии, глубже овладевая ленинизмом, стремились найти такую форму подхода к социалистической революции, посредством которой можно было бы привлечь к классовой борьбе пролетариата огромное большинство трудящихся.

После военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г., когда резко изменилась обстановка в стране, партия выдвинула лозунг демократической антифашистской власти рабоче-крестьянского правительства.

Партия понимала рабоче-крестьянское правительство как революционную, демократическую власть рабочих и крестьян под руководством пролетариата в лице их политических организаций, прежде всего — Коммунистической партии и Земледельческого союза. БКП указывала, что предстоящая вооруженная борьба имеет целью «установить рабоче-крестьянскую демократию и расчистить путь к построению социализма и коммунизма»²⁶. Выдвижением Центральным комитетом лозунга о рабоче-крестьянском правительстве партия впервые поставила на практике вопрос о сочетании демократических и социалистических задач в революционной борьбе.

Позднее, используя ценный опыт БКП в Сентябрьском восстании 1923 г. по вопросу о формах перехода к социализму, Г. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна развил дальше идею о формах подхода к пролетарской революции. Выдвинув политическую линию борьбы против фашистской диктатуры — за демократию, мир и свободу народов, Димитров указал на правительство единого или антифашистского народного фронта как на форму перехода к социализму²⁷.

Опираясь на указания VII конгресса Коминтерна, БКП развернула борьбу за установление в Болгарии антифашистского правительства народного фронта, а с 1942 г. при изменившейся обстановке она восприняла как форму перехода к социалистической революции правительство Отечественного фронта.

9 сентября 1944 г. в нашей стране при определенном уровне экономического развития, при благоприятном соотношении классовых и международных сил и в результате длительной борьбы большинство крестьян

²³ «БКП в резолюции и решения...», т. II, с. 24.

²⁴ Д. Б л а г о е в. Там же, с. 484.

²⁵ «БКП в резолюции и решения...», т. II, с. 14—15.

²⁶ «Сентябрьского антифашистского встание 1923 г. Документы и материалы», т. I. София, 1973, с. 144.

²⁷ Г. Д и м и т р о в. Там же, т. 10, 1954, с. 101.

и трудящихся поняли, что коренное улучшение их жизни наступит только при социализме. Народная демократия в Болгарии, в отличие от некоторых других стран, где она была формой перехода к социализму, с самого первого момента начала осуществлять функции диктатуры пролетариата. Этим БКП на деле подтвердила гениальное предвидение В. И. Ленина, что рабочее движение породит многообразие форм диктатуры пролетариата.

Перелом, происходивший в процессе большевизации БКП в период Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г., нашел свое выражение и в том, что в ходе его подготовки и проведения партия впервые встала во главе широкой вооруженной борьбы, показав, что главной своей задачей она считает не агитацию и пропаганду, а руководство рабочим классом и трудящимися в их борьбе за власть. Партия стала настоящим авангардом рабочего класса, организатором и руководителем масс в революционной борьбе.

В период подготовки и проведения антифашистского восстания 1923 г. перед партией с особой остротой встал вопрос об усвоении большевистского опыта о сочетании нелегальных и легальных форм работы и борьбы. После установления фашистской диктатуры и террора в 1923 г. Коммунистическая партия продолжала свою деятельность нелегально. Она создала конспиративный аппарат и восстановила свою деятельность как нелегальная политическая организация рабочего класса. БКП добилась успехов в овладении конспиративными методами работы и просуществовала в подполье более двадцати лет — вплоть до свержения в стране монархо-фашистской диктатуры.

Наряду с усвоением нелегальных методов работы БКП стремилась постоянно поддерживать связь с широкими массами трудящихся. Для расширения своей деятельности в народе она использовала особенности фашистского режима в Болгарии, вынужденного сохранить некоторые остатки парламентаризма и прочих буржуазно-демократических форм.

Применяя тактику сочетания легальных и нелегальных методов борьбы, БКП вела работу в массовых организациях трудящихся, создала свою легальную печать, участвовала в избирательных кампаниях и выборах органов; она создала различные легальные организации, которые служили прикрытием ее деятельности и связывали ее с массами трудящихся.

Замечательных успехов партия добилась в деле организации различных выступлений трудящихся в защиту их жизненных интересов. БКП руководила забастовочной борьбой рабочих, выступлениями с требованием амнистии, работой по оказанию помощи жертвам фашистского террора и т. д. Коммунисты были во главе антифашистских демонстраций, в первых рядах выступлений трудящихся. Важную роль в развертывании легальной работы партии среди трудящихся сыграли созданные ею нелегальные коммунистические группы (фракции) в легальных массовых экономических и политических организациях, в союзе ремесленников, обществах инвалидов, арендаторов, национально-революционных организациях, продовольственных комитетах и т. д. Успехи, которых БКП добилась в создании и укреплении единого, а позднее народного фронта и вообще в объединении антифашистских сил страны, во многом объясняются деятельностью коммунистических фракций, умелым сочетанием нелегальной и легальной форм работы.

Позднее, в 1941—1944 гг., творчески применяя ленинские принципы и опыт КПСС, БКП развернула в стране подпольное движение сопротивления фашизму во всех его формах.

Одновременно через свою печать, радиостанции и другие средства БКП развернула большую пропагандистскую деятельность, стремясь рассказывать массам об исторических победах Советской Армии. Благодаря этому

народные массы Болгарии ясно осознали, что без победы Советского Союза и без их собственного посильного вклада в эту победу, болгарский народ не сможет освободиться от ига капитализма и фашизма и от зависимости от внешних империалистических сил.

Боевые подвиги и победы Советской Армии и наступавший в результате этих побед распад фашистского блока оказали мощное влияние на подъем борьбы масс, на развертывание вооруженного антифашистского сопротивления по всей стране. В эти трудные годы неоценимую пользу партии принес советский опыт организации партийных комитетов и организаций в повстанческой армии, введения института политкомиссаров, организации политической работы в партизанских отрядах. Широкий фронт борьбы народа не позволил монархо-фашистской верхушке правящих классов Болгарии послать свои войска на Восточный фронт, а позднее оказать сопротивление наступавшей Советской Армии-освободительнице.

Добившись новых успехов в сплочении народных масс в единый антифашистский боевой союз, в Отечественный фронт, в создании его ударной силы — Народно-освободительной армии, ВКП подготовила антифашистское восстание 9 сентября 1944 г. и завоевала с решающей помощью Советской Армии победу над гитлеризмом и монархо-фашизмом и установила народно-демократическую власть.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции, пример и опыт КПСС, победы и помощь Советского Союза были решающим условием победы над фашизмом в Болгарии. Умелое политическое руководство партии, творческое применение ею ленинизма и советского опыта были другим решающим условием превращения антифашистского народного восстания 9 сентября 1944 г. в начало социалистической революции в Болгарии и ее мирного развития.

Путь, который прошла Болгарская коммунистическая партия после 9 сентября 1944 г., отмечен новыми серьезными успехами; партия добилась сплочения вокруг себя всех демократических сил, утвердилась ее руководящая роль в борьбе за построение нового общества. Под ее руководством с помощью Советского Союза болгарский народ достиг замечательных успехов на социалистическом пути, в построении развитого социалистического общества, во всех областях жизни. Идеи Великого Октября всегда были и будут для Болгарской коммунистической партии исходным пунктом в руководстве социалистическим строительством, в борьбе партии за торжество социализма и коммунизма в нашей стране.

С. М. ФАЛЬКОВИЧ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

1977 год — год столетия со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского, чье имя вписано золотыми буквами в историю КПСС, неразрывно связано с историей революции и социалистического строительства в нашей стране. Образ Дзержинского живет в сознании каждого советского человека как образ негибаемого большевика-ленинца, рыцаря революции и партии, олицетворяющего ее честь и совесть. Более полувека он служит примером для поколений советской молодежи, решающей вопрос: «Сделать бы жизнь с кого».

О Ф. Э. Дзержинском как деятеле Советского государства и большевистской партии написано много художественных и научно-популярных книг, воспоминаний, созданы пьесы и фильмы. Менее известна советскому читателю и зрителю та сторона жизни и деятельности Дзержинского, которая связана с его ролью в рабочем движении Польши, с участием в руководстве польской социал-демократией. Между тем анализ взглядов и деятельности Дзержинского как одного из создателей и руководителей революционной партии СДКПиЛ имеет решающее значение для определения его пути к ленинизму, к активному участию в создании и укреплении первого в мире социалистического государства.

Важнейшей чертой, характеризовавшей позицию Дзержинского с самого начала его революционной борьбы, был интернационализм. Этому способствовала сама обстановка середины 90-х годов в Вильно, где молодой Феликс Дзержинский, решивший стать профессиональным революционером и начавший работать печатником, попал в среду польских, литовских, еврейских рабочих. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что один из виленских революционных кружков самообразования явился для Дзержинского первой школой интернационализма; руководителем кружка был сербский революционер В. Перазич¹.

Став в 1896—1897 гг. одним из руководителей революционного рабочего движения в Литве, ведя большую практическую работу по организации стачек в Вильно и Ковно, по изданию и распространению революционной литературы, Дзержинский одновременно боролся за интернационалистский курс Литовской социал-демократической партии, против принятия ею мелкобуржуазной националистической программы. В 1896 г. руководимые им интернационалистские элементы выделились в «Союз литовских рабочих», и усилия Дзержинского оказались направленными к новой цели — объединению Союза с Социал-демократией Королевства

¹ J. Sobczak. Feliks Dzierżyński. Warszawa, 1976, s. 47.

Польского. Обе организации сходились в программном и тактическом отношении, опирались на принципы марксизма, выдвигая на первый план задачи классовой борьбы пролетариата. Их лозунгом была борьба рабочих Польши и Литвы за социализм и демократию в едином строю с рабочими других национальностей России².

Путь к осуществлению этого лозунга Дзержинский видел в организационном объединении с недавно созданной РСДРП. Арестованный в 1897 г., он из тюрьмы писал одному из руководителей Литовской социал-демократии Домашевичу, упрекая его за отказ от объединения с РСДРП на ее I съезде в Минске³. На этих позициях его еще более укрепили годы пребывания в ссылке в Вятской губернии, когда он лучше узнал жизнь русского народа, ближе познакомился с русскими революционерами. Совершив побег из ссылки в 1899 г., Дзержинский вновь активно включается в революционную деятельность, работает над восстановлением разгромленной социал-демократической организации Варшавы. Он стремится объединить созданный им «Рабочий союз социал-демократии» с «Союзом литовских рабочих», а в перспективе выдвигает задачу объединения рабочего движения Польши и Литвы с общероссийским рабочим движением на основе программы РСДРП.

Создание в 1900 г. Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), ставшее важнейшей вехой в развитии польского рабочего движения, было результатом усилий революционных и интернационалистских элементов. И в том, что эта партия возникла как партия, стоявшая на классовых революционных позициях, что с момента основания на ее знамени был начертан лозунг пролетарского интернационализма, огромная заслуга принадлежала Ф. Э. Дзержинскому, являвшемуся одним из основателей и фактическим руководителем СДКПиЛ на переломе XIX и XX вв., когда происходило ее идейное становление⁴. Уже в этот период Дзержинский ставит вопрос о необходимости для СДКПиЛ войти в РСДРП. После ареста его в 1900 г. в обвинительных материалах, представленных полицией, говорилось, что Дзержинский на сходке «произнес речь о необходимости слияния польской рабочей партии, в видах низвержения царизма, с русскими социал-демократами»⁵.

Позиция Дзержинского и его роль в польском социал-демократическом движении не могли не обратить на себя внимания революционных сил РСДРП. Ленинская «Искра» опубликовала материал о революционной деятельности Дзержинского, отметила на своих страницах факт побега его из якутской ссылки в 1902 г.⁶ Руководящее место Дзержинского в СДКПиЛ и незыблемость его интернационалистских взглядов подтвердила его деятельность по возвращении в Польшу. При его активном участии в 1903 г. был созван IV съезд СДКПиЛ, принявший решение о желательности объединения партии с РСДРП, велись переговоры по этому вопросу с «искровцами»⁷.

Как известно, на II съезде РСДРП в 1903 г. объединения не произошло, так как посланцы СДКПиЛ выразили несогласие с программным требованием РСДРП о праве наций на самоопределение. Но этот факт,

² А. Ф. Хацкевич. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск, 1970, с. 36—37.

³ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1967, с. 2.

⁴ И. С. Яжборовская. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973, с. 102.

⁵ Цит. по кн. А. Ф. Хацкевич. Там же, с. 57.

⁶ «Искра», № 15, 15 I 1902; № 24, 1 IX 1902.

⁷ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, с. 74; А. Г. Шевелев. Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Киев, 1966, с. 35—37.

явившийся следствием ошибочной позиции теоретиков СДКПиЛ по национальному вопросу, не поколебал убежденности Дзержинского в том, что «не может быть движения пролетарского отдельных национальностей, а должно быть *одно* пролетарское движение — *одна* партия социал-демократическая, которая стремилась бы охватить весь пролетариат без различия национальностей»⁸.

Революционная борьба многонационального пролетариата России в 1905—1907 гг. еще больше укрепила эту уверенность. Польские рабочие, возглавленные СДКПиЛ, шли в авангарде общероссийской революции. Всеобщая стачка в Варшаве в январе 1905 г., ознаменовавшая солидарность с пролетариатом Петербурга и выразившая протест против преступлений царизма, была организована при активном участии Дзержинского. Под его руководством прошла 20-тысячная первомайская демонстрация трудящихся Варшавы, на расстрел которой III съезд РСДРП откликнулся специальной резолюцией, заклеив палачей и заявив о солидарности с героическими пролетариями Польши⁹.

То, что польский пролетариат так чутко отзывался на каждый новый факт борьбы русских товарищей и сам выступал в первых рядах этой борьбы, в немалой мере обуславливалось марксистским революционным руководством со стороны социал-демократии. Практически во главе всей работы СДКПиЛ в Королевстве Польском стоял в это время Дзержинский, близко сходящийся в важнейших вопросах революционной борьбы с большевиками, с В. И. Лениным.

Так, он придавал большое значение развернувшемуся крестьянскому движению, подчеркивал задачи работы партии в деревне¹⁰. Подобно большевикам Дзержинский высоко оценил восстание лодзинских рабочих и увидел закономерность перехода к новой, высшей фазе борьбы — вооруженному восстанию. «Я убедился, что необходимы маузеры», — писал он после декабрьского вооруженного восстания в Москве¹¹. Сам Дзержинский принимал активное участие в военно-революционной работе, будучи представителем СДКПиЛ в Военно-революционной организации РСДРП. Одновременно Дзержинский уделял самое серьезное внимание идеологической работе, стремился наладить печатание и пересылку в Польшу теоретической и агитационной литературы¹². Еще в марте 1905 г. он ставил вопрос о систематическом изучении тактики РСДРП и предлагал Главному правлению СДКПиЛ издавать специальный бюллетень, посвященный революционным событиям в России, организовать выпуск брошюр по вопросам идеологии и тактики русской социал-демократии¹³. Особо важное место он отводил большевистским изданиям, наладил их доставку из Петербурга, установил контакт с ленинской печатью¹⁴.

По-прежнему стремлением Дзержинского было осуществить объединение польской и общероссийской социал-демократии, которое революция сделала неотложным. На IV съезде РСДРП в 1906 г. эта цель была достигнута. Дзержинский в качестве представителя СДКПиЛ на съезде выступил с критикой меньшевистской тактики и отстаивал интернационалистскую линию СДКПиЛ против Бунда, заявив, что польские социал-

⁸ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 40.

⁹ «ЖПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. М., 1970, с. 121.

¹⁰ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 53. См. также А. Г. Шевелев. Там же, с. 62—63.

¹¹ Цит. по кн. T. Daniszewski. F. Dzierżyński, jego życie, praca, walka. Warszawa, 1948, s. 26.

¹² И. С. Яжборовская. Там же, с. 152—153.

¹³ А. Г. Шевелев. Там же, с. 61.

¹⁴ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, с. 146—147.

демократы ведут работу среди всех рабочих Королевства Польского без различия национальности¹⁵.

На IV съезде состоялась личная встреча Ф. Э. Дзержинского с В. И. Лениным, ставшая началом их дальнейшей близости и дружбы. Поскольку съезд избрал Дзержинского в состав ЦК, он в августе-сентябре 1906 г. тесно общался с В. И. Лениным и другими большевиками в Петербурге, а затем в Куоккала, где происходили конспиративные встречи членов ЦК Дзержинского, сумевшего уже ранее высоко оценить роль Ленина в рабочем движении России, видевшего огромное значение его «мощной руки»¹⁶ для руководства революционной борьбой пролетариата, непосредственный контакт с Лениным и большевиками еще больше убедил в правоте ленинского течения, боровшегося против оппортунизма меньшевиков.

Об этом он заявил на V съезде СДКПиЛ, созванном в 1906 г. при его непосредственном участии. Съезд принял устав партии, проект которого разработал Дзержинский, заслушал его отчет о работе Главного правления СДКПиЛ, об участии в работе IV съезда РСДРП и вынес Дзержинскому благодарность¹⁷, отметив тем самым его роль в объединении российской и польской социал-демократии. Сам же Дзержинский подчеркнул на съезде, что это объединение представляет собой важнейший вопрос внешней партийной политики СДКПиЛ. Он показал, что в основе объединения лежит идейная близость обеих партий, стоящих «на чисто классовом уровне зрения, на почве пролетарского социализма» и следующих принципу, «что в Российском государстве должна существовать только одна партия рабочего класса»¹⁸.

После того как СДКПиЛ сделалась частью РСДРП, а Дзержинский вошел в ее руководящий орган, его революционная интернационалистская позиция стала важным фактором в борьбе за победу ленинского курса. Большевики отмечали значение пребывания Дзержинского в ЦК и его усилий, направленных на созыв общепартийного съезда в противовес попыткам меньшевиков созвать беспартийный так называемый «рабочий съезд»¹⁹. Идею «рабочего съезда» Дзержинский подверг критике на II конференции РСДРП в Таммерфорсе осенью 1906 г.²⁰ Тогда же он поддержал Ленина в вопросе о пересмотре отношения к участию во II думе. В июле 1907 г. Дзержинский вместе с Лениным выступил против бойкотистов на III конференции РСДРП в Котке, а на IV конференции РСДРП в Гельсингфорсе в ноябре 1907 г. боролся с меньшевиками за революционную тактику думской фракции²¹.

На V съезде РСДРП в мае 1907 г. Дзержинский, арестованный в начале этого года, был заочно избран членом ЦК. Освобожденный под залог на средства, предоставленные партией²², он вскоре вновь попадает в заключение, на этот раз в печально знаменитый X павильон Варшавской цитадели. О проведенных там тяжелых годах (1908—1909 гг.) рассказывает «Дневник заключенного», написанный Дзержинским в камере и по ключкам вынесенный из цитадели при содействии товарищей и сочувственно настроенных тюремных стражников. Сам этот факт, свидетельствующий об интернациональной солидарности и революционном сотрудничестве

¹⁵ «IV (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, с. 344, 409.

¹⁶ J. Sobczak. Ibid., s. 25.

¹⁷ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, с. 136—137, 147; А. Ф. Хацкевич. Там же, с. 91.

¹⁸ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 108—109.

¹⁹ Там же, с. 121—122.

²⁰ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, с. 148—149.

²¹ Там же, с. 140—141; А. Г. Шевелев. Там же, с. 117—119, 194.

²² А. Ф. Хацкевич. Там же, с. 96.

стве, как нельзя лучше соответствует духу дневника Дзержинского — потрясающего документа человеческой веры в идеал, душевной чистоты и силы, проникнутого пролетарским интернационализмом, глубоким сочувствием к русскому народу, к тем его представителям, одетым в серые шинели, кого царизм бросает на подавление революции, на подавление других народов²³. Огромный заряд революционности, содержащийся в «Дневнике заключенного», был использован польской социал-демократией, опубликовавший его в своем журнале. Существовали также планы издания «Дневника» в переводе на русский язык²⁴.

В 1909 г. личный опыт Дзержинского обогатился еще одним фактом проявления интернациональной солидарности: ему удалось осуществить побег из сибирской ссылки при помощи и содействии местного населения²⁵. После недолгого лечения на Капри он вновь активно включился в работу по руководству СДКПиЛ (VI съезд СДКПиЛ в 1908 г. заочно избрал Дзержинского кандидатом в члены Главного правления) и уже в августе 1910 г. выступал с докладом на конференции партии в Кракове. Положение дел в России и в РСДРП вызывали его пристальное внимание и волновали. Еще на Капри он обсуждал эти вопросы с Горьким, жадно стремился получить интересующую его информацию, читал большевистский «Пролетарий»²⁶. В Кракове, где Дзержинский обосновался по возвращении в Польшу, он организовал клуб самообразования для изучения истории международного и русского революционного движения и, в первую очередь, опыта революции 1905—1907 гг.²⁷ Опыт борьбы и организации русских пролетариев Дзержинский стремился использовать в практической деятельности СДКПиЛ, например, при перестройке профсоюзной работы²⁸. Одновременно он старался содействовать работе русских товарищей, в частности, в таком важном вопросе, как налаживание деятельности Русской коллегии ЦК, рвался в Россию, чтобы оказать личную помощь в этом деле²⁹.

В 1910—1911 гг. Дзержинский наиболее решительно и последовательно из членов руководства СДКПиЛ осуществлял антиликвидаторскую линию и поддерживал ленинцев в их борьбе за партию³⁰. Заявляя о согласии с Лениным, он высказывал недовольство недостаточно четкой позицией СДКПиЛ в этой борьбе³¹, добивался от Главного правления поддержки большевистской «Рабочей газеты», разоблачал троцкистов и их газету «Правда»³².

Дзержинский сыграл существенную роль в созыве и проведении в июне 1911 г. совещания заграничных членов ЦК, принявшего важные для партии решения и, в первую очередь, решение о созыве конференции РСДРП³³. Он проявил огромный интерес к докладу Ленина на совещании и выразил полную солидарность с ним в вопросе о необходимости изгнать

²³ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 140—142, 175, 179—180, 182, 186, 187, 192.

²⁴ С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М., 1975, с. 228.

²⁵ А. Ф. Хацкевич. Там же, с. 106.

²⁶ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 211.

²⁷ А. Ф. Хацкевич. Там же, с. 113—114.

²⁸ А. Г. Шевелев. Там же, с. 214.

²⁹ Там же, с. 188—189; С. М. Фалькович. Там же, с. 300—301.

³⁰ См. А. Г. Шевелев. Там же, с. 186—187; С. М. Фалькович. Там же, с. 294—295.

³¹ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, с. 239.

³² Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 235—236.

³³ См. J. Sobczak. Feliks Dzierżyński na naradzie paryskiej członków KC SDPRR w czerwcu 1911 roku. «Z pola walki», 1965, № 1; С. М. Фалькович. Там же, с. 332—335.

ликвидаторов из РСДРП³⁴. И хотя принятые на совещании резолюции несли на себе печать колебаний и примиренчества, проявленных руководством СДКПиЛ, а в дальнейшем этот курс, которому подчинялся и Дзержинский, привел к тому, что СДКПиЛ оказалась вне ленинского центра объединения партии, созданного на Пражской конференции в январе 1912 г., тем не менее позиция Дзержинского в это время характеризовалась горячим сочувствием большевикам-ленинцам и выразилась, в частности, в том, что он был на их стороне в технических и финансовых вопросах, связанных с созывом конференции, помогал в устройстве явок для делегатов конференции³⁵, проявлял интерес к ее решениям³⁶. Революционное движение в России оставалось в центре его внимания. Он призывал Главное правление к немедленной реакции на ленские события 1912 г., ознаменовавшие начало нового подъема массового движения³⁷.

1 сентября 1912 г. Дзержинского арестовали в Варшаве, и в 1914 г. суд приговорил его к 3 годам каторги. Сообщая об аресте, руководство СДКПиЛ заявило: «Сила и слава СДКПиЛ были и есть единственной целью его жизни и с его деятельностью неразрывно связаны»³⁸. С тревогой и сочувствием об осуждении Дзержинского писала ленинская «Правда»³⁹. Через Краковский Союз помощи политзаключенным В. И. Ленин и Н. К. Крупская старались оказать ему поддержку⁴⁰.

Р. Люксембург не раз говорила, что Дзержинский «имеет большевистское сердце». В одном из писем 1911 г. сам Дзержинский назвал свое сердце «большевистским»⁴¹. До вступления его в партию большевиков оставалось еще 6 лет, но весь пройденный им путь говорил о том, что слова эти заключают в себе большой смысл. Несгибаемая воля и мужество, честность и самоотверженность, революционность и интернационализм — эти подлинно большевистские качества Дзержинского вели его все ближе к Ленину, заставляя преодолевать непоследовательность и ошибки. Они определили его место в 1917 г., когда трудящиеся России совершили Февральскую революцию, сбросив иго царизма.

Освобожденный из Бутырской тюрьмы в Москве, Дзержинский сразу же выступил с речью в Московском совете в здании думы, а затем обратился с балкона к манифестантам, призывая к борьбе, к международному единству и братству. Под лозунгом интернационализма он стремился объединить и организовать поляков, находившихся в России. В написанном им воззвании к польским социал-демократам в России говорилось: «На основе братского соглашения всех народов найдет свое полное разрешение польский вопрос, и польский пролетариат, свободный и объединенный, примет участие в дальнейшей борьбе за осуществление социализма»⁴².

Под руководством Дзержинского в марте 1917 г. на конференции московской группы СДКПиЛ было принято обращение «Ко всем русским рабочим», где собравшиеся заявили: «Мы с вами, товарищи!». В резолюции о вступлении группы в РСДРП подчеркивалось, что имеется в виду большевистское течение, наиболее близкое польским социал-демократам как в прошлом, так и в настоящем⁴³. Дзержинский указывал, что во время

³⁴ Ленинский сборник, т. XXV, с. 90.

³⁵ J. Sobczak. Feliks Dzierżyński, s. 56—57.

³⁶ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 245.

³⁷ А. Ф. Хавцевич. Там же, с. 132.

³⁸ Там же, с. 135.

³⁹ «Путь правды», № 70, 3 V 1914.

⁴⁰ W. Najdus. Lenin i Krupska w Krakowskim Związku Pomocy Więźniom Politycznym. Kraków, 1965, s. 119—120, 219—220.

⁴¹ А. Ф. Хавцевич. Там же, с. 123, 137.

⁴² J. Sobczak. Feliks Dzierżyński, s. 70—71.

⁴³ А. Ф. Хавцевич. Там же, с. 152.

революции в России «большевики — это единственная активная [социал]-демократическая организация пролетариата, и если бы мы были вне ее, то оказались бы вне пролетарской революционной борьбы»⁴⁴. Так, революционная классовая позиция и интернационалистские убеждения Дзержинского определили его путь — путь в ленинскую партию.

Уже как член этой партии Дзержинский входит в состав МК РСДРП и избирается на VII (Апрельскую) конференцию, где под влиянием выступлений Ленина происходит его дальнейшее приближение к большевизму. Дзержинский являлся также членом ИК Моссовета, а после переезда в Петроград осенью 1917 г. стал членом ИК Петросовета. Он участвовал в I съезде Советов и был избран по большевистскому списку в созданный на съезде ЦИК Советов.

Одновременно Дзержинский выступал как представитель всех зарубежных групп СДКПиЛ в России. В этом качестве он вошел в состав ЦК РСДРП в июле 1917 г. На VI съезде РСДРП он, как делегат от СДКПиЛ, высказался против явки Ленина на суд, заявив: «...Мы не доверяем Временному правительству... мы не выдадим Ленина...»⁴⁵.

VI съезд избрал Дзержинского членом ЦК, и с этого времени до конца жизни он входил в состав руководящего органа большевистской партии. Вскоре после съезда он стал членом секретариата ЦК и на этом посту вел огромную работу в канун осуществления Великой Октябрьской социалистической революции. Дзержинский активно участвовал в деятельности Комитета народной борьбы с контрреволюцией, Военно-революционного Комитета и его Военно-революционного (партийного) центра. Он был среди тех, кто всецело поддержал Ленина в вопросе о своевременности и безотлагательной необходимости вооруженного восстания на историческом заседании большевистского ЦК⁴⁶.

В дни Великого Октября Дзержинский руководил взятием таких важнейших объектов, как Главпочта и Телеграф. На него была возложена оборона штаба революции — Смольного. После победы вооруженного восстания, когда 8 ноября 1917 г. на II съезде Советов были оглашены первые декреты Советской власти, Дзержинский выступил с их горячим одобрением и поддержкой, еще раз заявив о своих интернационалистских убеждениях: «У нас будет, — сказал он, — одна братская семья народов, без распрей и раздоров»⁴⁷.

Избранный во ВЦИК Советов и его Президиум, Дзержинский отдал всю свою кипучую энергию строительству нового социалистического государства, служению Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, а затем Союзу Советских Социалистических Республик. До конца жизни он стоял на самых трудных и ответственных участках государственной и партийной работы, действуя как подлинный интернационалист, борец за дело пролетариата, за социализм.

Выступая с этих позиций, он горячо принимал к сердцу революционную борьбу трудящихся Польши, судьбы польского народа. Еще накануне Октября он предупреждал об опасности польской контрреволюции, ставил задачу организовать революционные силы польского общества на отпор ее проискам. Летом 1919 г. Дзержинский вошел в созданное при ЦК РКП(б) Польское бюро агитации и пропаганды, а спустя год во Временный польский революционный комитет (Польревком) — прообраз революционного правительства Польши, сформированный польскими революционными деятелями в Белостоке в период наступления Красной

⁴⁴ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 249.

⁴⁵ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, с. 31.

⁴⁶ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, с. 424.

⁴⁷ Ф. Э. Дзержинский. Там же, т. I, с. 253.

Армии против войск буржуазно-помещичьей Польши. Деятельность Дзержинского в Польревкоме, позиция, занятая им по ряду важнейших и актуальнейших вопросов, показали, что работа в большевистской партии бок о бок с Лениным оказала огромное влияние на его взгляды, в решающей степени способствовала усвоению им ленинизма. Доказательством служило, в частности, требование Дзержинского о передаче польским крестьянам помещичьих земель, — т. е. о проведении ленинской аграрной политики⁴⁸. Под влиянием ленинской мысли Дзержинский преодолел и ошибки в национальном вопросе, заявив в 1925 г., что путь, указанный Лениным, является единственным для завоевания свободной и независимой социалистической Польши. Осознание правильности ленинской постановки национального, и в частности, польского вопроса, сделало интернационалистские взгляды Дзержинского более глубокими и цельными.

С этих позиций он высоко оценил первую Конституцию СССР (1924 г.) как документ, ярко демонстрирующий политику пролетарского интернационализма и демократии. «Никакая другая конституция в мире, — писал он, — не содержит такой свободы наций, ни одно буржуазное государство не осмеливается объявить своим народам право на государственное отделение»⁴⁹.

Интернационализм Дзержинского, засвидетельствованный всей его жизнью, составляет одну из ярчайших черт этой легендарной фигуры. Не случайно именно на эту сторону деятельности Дзержинского обращали внимание советские историки, исследовавшие проблемы русско-польского революционного сотрудничества, влияния Ленина на польское рабочее движение, утверждения в нем ленинских идей⁵⁰. Указывая на ошибки и непоследовательность Дзержинского в ряде вопросов, все исследователи отмечают его близость к Ленину и большевикам, сходятся в высокой оценке роли и места его в истории польского и российского рабочего движения, видят в его жизни лучший пример служения делу пролетарского интернационализма.

В 1926 г. в связи со смертью Дзержинского Исполком Коминтерна опубликовал обращение «Всем коммунистам всех стран!», где были такие строки: «Феликс Дзержинский, самый близкий боевой товарищ Розы Люксембург, верный ученик и соратник Ленина, принадлежит не только русским, польским и литовским рабочим, но и всему международному пролетариату»⁵¹. Тем самым был подчеркнут не только интернационализм Дзержинского и его заслуги перед рабочими всего мира, но и то, что пройденный им путь имеет значение типического, а изучение этого пути — важная задача коммунистов всех стран.

Всестороннее исследование жизни, деятельности, мировоззрения Ф. Э. Дзержинского, успешно начатое советскими учеными, продолжается. На базе изучения отдельных сторон, отдельных периодов его революционной борьбы будет создана полная научная биография этого замечательного человека⁵². Это долг советских историков перед его памятью, важный вклад в дело коммунистического воспитания советского народа.

⁴⁸ Ф. К о н. Ф. Э. Дзержинский. Биографический очерк. М., 1939, с. 76.

⁴⁹ Ф. Э. Д з е р ж и н с к и й. Там же, т. 2, с. 194—195.

⁵⁰ См. упоминавшиеся выше в ссылках работы А. Г. Шевелева, Р. А. Ермолаевой, А. Я. Манусевича, И. С. Яжборовской, С. М. Фалькович, а также «Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики». М., 1970; «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917». М., 1976 и др.

⁵¹ Цит по кн. А. Ф. Х а ц к е в и ч. Там же, с. 445.

⁵² Существующие биографии (А. Ф. Х а ц к е в и ч. Солдат великих боев...; Н. Зубов. Дзержинский. Биография. М., 1965) опираются на большой фактический материал, но написаны в популярной манере и упрощенно излагают многие важные проблемы.

И. В. ЧУРКИНА

ОСВЕЩЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ Б. ЗИХЕРЛА и Д. КЕРМАВНЕРА

Одними из самых горячих приверженцев и пропагандистов идей Великой Октябрьской социалистической революции в Словении были Борис Зихерл и Душан Кермавнер. Жизненные пути их во многом сходны. Оба — коммунисты, активные участники борьбы против фашизма, за создание новой Югославии, оба — крупные ученые, члены Словенской академии наук и искусств.

Б. Зихерл (1910—1976) связал свою жизнь с коммунистическим движением в конце 20-х годов. Затем были годы нелегальной деятельности, активное участие в народно-освободительной борьбе, в строительстве новой Югославии. Работы Зихерла сыграли большую роль в формировании современной социологии, философии и литературоведения Югославии. В своей борьбе за укрепление позиций марксизма-ленинизма в стране Зихерл опирался на опыт русских марксистов, на опыт Великого Октября.

Д. Кермавнер (1903—1975), друг и соратник Зихерла, с 1920 г. включился в коммунистическое движение Югославии, а в 1924 г. как делегат участвовал в IV конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи в Москве. В 1928 г. Кермавнер опубликовал в журнале «Свободна младина» статью «Россия и мы». В ней он призывал всех патриотически настроенных словенцев ориентироваться на новую Россию «не только ради социального, но и ради нашего национального освобождения»¹. Затем — многие годы подпольной борьбы, аресты, тюрьмы в старой Югославии, концентрационные лагеря в Италии и Германии, в числе которых был и Бухенвальд. Особый интерес представляют его труды о начале рабочего и социалистического движения в словенских землях, очерки по истории национального движения словенцев во второй половине XIX в. Своими работами Кермавнер во многом способствовал утверждению марксизма в исторической науке Словении.

Изучение опыта Великой Октябрьской социалистической революции, применение его к условиям словенской действительности было одной из главных задач обоих ученых. И эту задачу нельзя было выполнить без исследования русской революционной мысли, без рассмотрения наиболее важных событий русского революционного движения. При этом Зихерл большее внимание уделял разработке теоретических вопросов, Кермавнер — влиянию русских революций на развитие словенского революционного движения.

¹ Цит. по Д. Кермавнер. Oktobrska revolucija in slovinci. «Sodobnost», 1967, № 11, s. 1071.

Зихерл глубоко изучал работы В. Г. Плеханова. Впервые труды Плеханова вышли на словенском языке в 1934 г. Предисловие к ним написал Зихерл. В нем словенский коммунист отмечал роль Плеханова в разработке социологических основ марксизма². Философские труды Плеханова Зихерл характеризовал как необходимый учебник для каждого, кто желает изучить марксистскую философию. Высоко ставил Зихерл Плеханова и как литературного критика, давшего оценку классикам русской литературы: Л. Толстому, М. Горькому, В. Белинскому, Н. Некрасову и др.³ Спустя много лет Зихерл написал предисловие к собранию сочинений первого русского марксиста⁴, актуальность его работ он видел в его борьбе с ревизионизмом, с анархизмом и прочими антимарксистскими течениями в рабочем движении⁵.

Много внимания уделил Зихерл изучению и пропаганде произведений В. И. Ленина. Он понимал, что ленинизм представляет собою высшее достижение творческого марксизма в XX столетии⁶. Уже в 30-е годы молодой публицист широко использовал в своих трудах произведения Ленина, хотя даже само имя вождя международного пролетариата находилось под строжайшим запретом в старой Югославии. И в 50—70-е годы Зихерл постоянно обращается к ленинским работам. Он неоднократно подчеркивал, что Ленин — величайший марксист нашего столетия⁷, величайший продолжатель дела Маркса и Энгельса⁸. Для Зихерла Ленин — великий мыслитель-диалектик и революционер, отличающийся глубиной познаний, необыкновенной дальновидностью и революционным характером своей деятельности, человек, который олицетворяет собою творческий марксизм⁹. Ленин как теоретик обосновал возможность победы социалистической революции в России, правильно учел расстановку классовых сил в ходе ее проведения, сумел не только определить момент для ее начала, но и обеспечить победу. Зихерл подчеркивал международное значение ленинского учения о социалистической революции¹⁰.

Из теоретического наследия В. И. Ленина наряду с проблемами социалистической революции и диктатуры пролетариата Зихерла особо интересовало ленинское понимание национального вопроса. И это не случайно — Югославия, как и СССР, многонациональная страна, и решение этой проблемы в духе марксизма-ленинизма имело для нее жизненно важное значение. Зихерл отмечал, что при разработке Лениным национального вопроса ему приходилось вести борьбу с теориями австрийских социал-демократов, которые недооценивали значение социально-экономических причин национального угнетения. «Ленин первым, — писал Зихерл, — поставил национальный вопрос во всей его комплексности...» Он провозгласил принцип права наций на самоопределение, который после победы Октября реализовался во внутренней и внешней политике Советского государства. Зихерл подчеркивал, что ленинское решение национального вопроса имело огромное значение в борьбе за новую федеративную Юго-

² B. Z i h e r l. Predgovor k prvi slovenski izdaji Plehanova «Osnovnih problemov marksizma». В сб. Včeraj in danes, Ljubljana, 1974, s. 1—2.

³ Ibid., s. 23.

⁴ G. V. P l e h a n o v. Izbrani spisi. Ljubljana, 1973.

⁵ B. Z i h e r l. Plehanov in njegovo delo. В сб. Včeraj in danes, s. 409.

⁶ B. Z i h e r l. Nekaj problemov marksističnega izobraževanja. В сб. Včeraj in danes, s. 360.

⁷ B. Z i h e r l. Nekaj problemov..., s. 388.

⁸ B. Z i h e r l. Lenin in njegovi kritiki danes in prvi nas. В сб. Včeraj in danes, s. 451.

⁹ B. Z i h e r l. Ob devetdesetletnici leninovega rojstva. В сб. O humanizmu in socializmu. Ljubljana, 1965, s. 89.

¹⁰ B. Z i h e r l. Oktobrska revolucija in marksistična misel. В сб. Včeraj in danes, s. 234.

славию¹¹. Он акцентировал внимание на высказываниях В. И. Ленина о необходимости обеспечения действительно демократического развития межнациональных отношений, при которых особо бережно следует относиться к народам, прежде угнетенным, к их культуре, к их национальной индивидуальности¹².

Зихерл был не только марксистом-философом и социологом, но и квалифицированным литературоведом, одним из тех, кто способствовал созданию новой, социалистической культуры в Югославии. И в этом нелегком и важном деле он также опирался на труды Ленина. Зихерл отмечал, что борьба В. И. Ленина за социалистическую культуру являлась частью его борьбы против врагов марксизма на идейном фронте. Особенно большое значение для понимания роли партии в деле создания новой социалистической культуры, писал Зихерл, имела статья Ленина — «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.)¹³.

Касаясь вопроса о культуре, Зихерл приводил ленинскую мысль о том, что становление новой социалистической культуры идет одновременно с развитием социалистического общества, что в этот процесс втягиваются широкие трудящиеся массы, которые на основе всего того, что было лучшего в мировой культуре, путем ее усвоения и переосмысления, создают новую, социалистическую культуру, гуманистическую по своему содержанию¹⁴. Опираясь на произведения Ленина, Зихерл резко критиковал различные модернистские течения, появившиеся в югославской литературе и искусстве.

Неустанно пропагандируя идеи Ленина, Зихерл неоднократно подчеркивал огромное их значение для югославских коммунистов. Он видел в трудах Ленина и его деятельности пример «творческого развития марксистской мысли, пример, который нас вдохновлял в нашей революционной борьбе с силами буржуазной реакции и фашизма и уже четверть века вдохновляет нас на пути, который мы в наше время избрали, как единственно ведущий к достижению исторической цели — социализма в нашей стране»¹⁵.

Зихерл решительно боролся против всяческих искажений марксистско-ленинского учения. В своих статьях он выступал против тех философов и социологов, которые называли себя марксистами, но на самом деле извращали Маркса и его труды¹⁶, пытались выхолостить из них то, что составляет их сущность, а именно революционную диалектику, основанную на материализме, идеи о диктатуре пролетариата¹⁷. Зихерл был твердо убежден, что марксизм-ленинизм является драгоценным компасом в строительстве социалистического общества в Югославии, при изучении ее социальной структуры, соотношения между материально-экономическим базисом и политической надстройкой, духовного развития югославского общества¹⁸.

Немало сделал Зихерл в области изучения Великой Октябрьской социалистической революции, считая ее главным событием двадцатого века, которое ознаменовало начало новой эры в истории всего человечества, эры

¹¹ B. Z i h e r l. Oktobrska revolucija in marksistična misel..., s. 236—237.

¹² B. Z i h e r l. Lenin in kulturni problemi socializma. В сб. Včeraј in danes, s. 293.

¹³ B. Z i h e r l. Lenin o književnosti in umetnosti. В сб. O humanizmu in socializmu, s. 96—98.

¹⁴ B. Z i h e r l. Ibid., s. 100—107.

¹⁵ B. Z i h e r l. Lenin in kulturni problemi socializma, s. 301.

¹⁶ B. Z i h e r l. Za kakšen marksizem gre? В сб. Včeraј in danes, s. 378.

¹⁷ B. Z i h e r l. G. V. Plehanov, s. 428.

¹⁸ B. Z i h e r l. Lenin in njegovi kritiki..., s. 467

социализма¹⁹. Рассматривая причины победы Великого Октября он справедливо выделял одну, главную — существование организованного авангарда рабочего класса, пролетарской партии, единой в своей революционной воле и в своем революционном действии. Именно поэтому русская революция победила, в то время как революционные выступления в Германии, Югославии, Венгрии потерпели поражение. «Русское рабочее движение, — писал Зихерл, — располагало такой могучей политической руководящей силой, какой была большевистская партия, может быть не столь мощная по числу членов, сколько по силе ленинского духа, по ясному сознанию того, что в решительные минуты истории надо делать и как это надо делать, мощная благодаря безграничному доверию, которое она в период тяжелых испытаний предвоенных и военных лет и особенно в революционном 1917 г. имела в широких массах русских рабочих и крестьян»²⁰.

Зихерл неоднократно подчеркивал в своих статьях огромное значение Октября для революционного движения во всем мире. Оно заключалось не только в том, что была разорвана цепь империализма и в мире созданы совершенно новые условия для борьбы рабочего класса и других революционных сил, но и в том, что Октябрьская революция стала прообразом для других социалистических революций. «Все ее основные черты, — отмечал Зихерл, — а именно: ликвидация капиталистических собственников отношений, изменение социального носителя власти и т. д. — в последующие десятилетия обнаружили свое всеобщее, международное значение»²¹. Зихерл указывал также и на ряд других черт Октябрьской революции, имевших очень важное для многих стран значение, например, соединение революционного рабочего движения с борьбой крестьян за землю и с борьбой угнетенных народов за национальное равноправие. Сравнивая социалистическую революцию в России с социалистической революцией в Югославии, он приходил к выводу, что югославская революция стоит в ряду революций того же типа, что и Великая Октябрьская социалистическая революция²². Как и в России, в Югославии социалистическая революция проходила под руководством испытанного авангарда рабочего класса — коммунистической партии. В период проведения социалистической революции, утверждения народной власти югославские коммунисты руководствовались гениальными идеями Ленина о государстве и революции, о необходимости последовательной ликвидации всех остатков феодализма в деревне, о главных путях строительства социализма в сравнительно отсталой стране²³.

Зихерл подчеркивал, что строительство социализма в СССР было первым опытом подобного рода и его успехи как в теоретическом, так и в практическом плане имели огромное значение для всего передового человечества²⁴. Особую важность для Югославии имело решение в СССР национального вопроса. В период между двумя мировыми войнами «не было ни одной значительной международной или внутривосточной проблемы, которая бы не решалась с учетом существования и развития первой социалистической державы мира, занимавшей одну шестую часть мира»²⁵. В годы второй мировой войны, указывал Зихерл, народы Советского Союза вынесли на своих плечах главное бремя борьбы против фашистских

¹⁹ B. Z i h e r l. Dve obletnice. В сб. Včera j in danes, s. 205.

²⁰ B. Z i h e r l. Ob štiridesetletnici Velike Oktobrske socialistične revolucije. — В сб. O humanizmu in socializmu, s. 196—198.

²¹ B. Z i h e r l. Dve obletnice, s. 209.

²² Ibid., s. 223.

²³ B. Z i h e r l. Ob štiridesetletnici..., s. 199—200.

²⁴ B. Z i h e r l. Oktobrska revolucija..., s. 239.

²⁵ B. Z i h e r l. Ob štiridesetletnici..., s. 201.

агрессоров. Победа над фашизмом создала условия для успеха социалистических революций в ряде стран Европы и Азии, для успеха национально-освободительного движения в Азии и Африке²⁶. После второй мировой войны силы социализма возросли. Во-первых, социализм превратился в мировую систему; во-вторых, произошел распад колониальной системы; в-третьих, в связи с гигантским развитием науки и техники проблема мирного сосуществования государств с разным общественным строем стала главной в международной жизни. И Зихерл подчеркивал, что тот новый мир, который был создан после второй мировой войны, не мог бы существовать, если бы не было Великой Октябрьской революции, не было бы СССР²⁷.

Д. Кермавнер посвятил революции 1905 г. монографию «Словенская публицистика и первая русская революция», целью которой, по словам автора, было раскрыть, как под влиянием этой революции «изменилось представление наших отцов и дедов о русском обществе»²⁸. Он показал, какой резонанс вызвала русская революция в различных слоях словенского общества. После «кровавого воскресенья» 1905 г. словенские социал-демократы и демократическая интеллигенция решительно встали на сторону русской революции. В знак протеста против расправы царских войск над рабочими они организовали демонстрацию словенских и итальянских рабочих перед русским консульством в Триесте. Первым очерком, посвященным революции 1905 г., вышедшим из-под пера словенского социал-демократа, было обозрение К. Линхарта «Афоризмы о русской революции». В нем автор использовал статьи Плеханова и в оценке перспектив русской революции полностью пошел за ним. В противовес концепции Линхарта газета социал-демократов «Рдечи прапор» отмечал, что революцию возглавил русский пролетариат. Подчеркивая, что словенская буржуазия солидаризируется с царизмом, «Рдечи прапор» заявлял: «Словенские пролетарии присоединяют свои требования к требованиям страдающего русского народа. Их лозунг является лозунгом русского пролетариата: проклятие царизму! победа русской революции!»²⁹.

Социал-демократические лидеры Словении связывали определенные надежды с победой русской революции. Д. Лончар, например, мечтал о том, чтобы новая Россия вдохнула в понятия «свобода» и «прогресс» новое содержание. Кермавнер отметил сочувственное отношение словенской демократической интеллигенции к революции 1905 г. Она желала поражения царизма. В частности, замечательный словенский поэт А. Ашкерц выражал уверенность, «что только свободный русский народ может стать мощной моральной опорой другим славянам»³⁰. Надежду на улучшение положения словенцев он связывал с победой русской революции.

Позднее в своей статье, посвященной влиянию Октябрьской революции на словенцев, Кермавнер отмечал, что во всех слоях словенского общества наблюдалась глубокая симпатия к русским, как к братскому славянскому народу³¹. В период 1914—1918 гг. словенские солдаты независимо от своей партийной принадлежности охотно сдавались в плен к русским. Они первыми из словенцев выразили свое отношение к Октябрьской революции. Подавляющее большинство их, представлявших трудящиеся массы, с восторгом встретило ее лозунги о мире. Военнопленные

²⁶ Ibid.

²⁷ B. Z i h e r l. Oktobrska revolucija..., s. 241—242.

²⁸ D. K e r m a v n e r. Slovenska publicistika in prva ruska revolucija. Ljubljana, 1960, s. 5.

²⁹ Ibid., s. 35.

³⁰ Ibid., s. 14.

³¹ D. K e r m a v n e r. Oktobrska revolucija in slovinci..., s. 1058.

словенцы вернулись на родину с самыми пылкими антивоенными и антимо-нархическими настроениями.

Сразу приняли идеи Октября, как подчеркивает Кермавнер, революционные массы словенских рабочих и крестьян, левые социал-демократы. После версальского мира наиболее радикальные круги мелкобуржуазной интеллигенции стали связывать с Советской Россией свои надежды на освобождение и объединение словенских земель³². Кермавнер справедливо отмечал, что и социальное и национальное освобождение словенцев явилось в конечном счете следствием Великой Октябрьской социалистической революции, поскольку именно под ее непосредственным воздействием была создана Коммунистическая партия Югославии, которая и возглавила социалистическую революцию в стране.

Работы Б. Зихерла и Д. Кермавнера сохраняют свою актуальность благодаря своей высокой научности. Они способствуют пропаганде марксистско-ленинских идей в Югославии и помогают укреплению традиционных дружеских связей между народами СССР и СФРЮ.

³² Ibid., s. 1060—1064.

Ш. Д. ПИРИМКУЛОВ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В СССР

К началу Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии на территории СССР оказалась значительная масса польских граждан. Среди них были деятели бывшей КПП и других левых партий, нашедшие политическое убежище в Советской стране, беженцы, спасавшиеся от гитлеровского террора, солдаты и офицеры польской армии, взятые в плен во время освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. Советские власти приняли меры по трудоустройству польских эмигрантов, обеспечению материальных и культурных условий их жизни. Польские эмигранты работали на предприятиях, в колхозах и учреждениях.

Правительство СССР, заинтересованное в объединении усилий советского и польского народов в борьбе с фашистскими захватчиками, вступило в переговоры с польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне, относительно совместных действий против общего врага. 30 июля 1941 г. было подписано советско-польское соглашение. Восстановливались дипломатические отношения между правительствами СССР и Польши. Оба правительства обязывались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Правительство СССР выразило согласие на создание на территории СССР польской армии, которая должна была действовать под оперативным руководством Верховного командования Красной Армии¹. К соглашению был приложен протокол, в котором указывалось, что Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся в заключении в качестве военнопленных, или на других достаточных основаниях².

14 августа 1941 г. было заключено соглашение между Верховным командованием Красной Армии и Верховным командованием вооруженных сил Польши, в котором определялись условия формирования польской армии на территории СССР и ее использования в войне против гитлеровских оккупантов³. Советско-польская декларация от 4 декабря 1941 г. предусматривала оказание обоими государствами друг другу военной помощи в борьбе против общего врага и установление добрососедского сотрудничества после войны⁴.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, с. 138.

² Там же.

³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — ДИМ), т. VII. М., 1973, с. 217—218.

⁴ Там же, с. 257.

Советское правительство всемерно содействовало польскому правительству в формировании польской армии и обеспечении запросов польских граждан. К 25 октября 1941 г. польская армия насчитывала уже более 40 тыс. человек. Однако польское эмигрантское правительство уклонялось от выполнения своих обязательств. Оно откладывало ввод в действие польских войсковых соединений. Командование и многие офицеры польской армии отрицательно относились к сотрудничеству с СССР, насаждали в армии национализм и ярый антисоветизм. Представители польского посольства в СССР и некоторые польские военнослужащие занимались разведкой, скупкой драгоценностей, вели антисоветскую пропаганду. Польское правительство при поддержке британских властей добивалось вывода польской армии из СССР. Советское правительство, убедившись что польская армия не намерена воевать на советско-германском фронте, согласилось на эвакуацию ее из СССР. Весной и летом 1942 г. польская армия была эвакуирована на Ближний Восток.

Демократические силы польской эмиграции в СССР решительно осуждали политику эмигрантского правительства, уклонявшегося от сотрудничества с СССР. Видя в Советском Союзе поборника свободы и независимости народов, они требовали установления дружественных отношений с СССР, стремились принять активное участие в борьбе с гитлеровскими захватчиками, за возрождение демократической Польши. Эти стремления и чаяния получили широкое отражение на страницах журнала «Новые виднокренги», созданного польскими коммунистами (редактор В. Василевская). В первом номере журнала (май 1942) была опубликована статья А. Лямпе «Условия победы». В ней указывалось, что из фашистского ада есть только один выход — активная борьба с оружием в руках вместе с другими свободолюбивыми народами Европы и Америки, вместе с народами великого Советского Союза против немецких захватчиков. Создание национального фронта освободительной борьбы является требованием настоящего исторического момента. Этот фронт должен опираться на широчайшие массы народа, объединять все без исключения общественные слои и политические партии, которые стремятся к самоотверженной борьбе за освобождение Польши⁵.

Пропагандируемые журналом идеи оказывали большое воздействие на польских эмигрантов. Примечательно высказывание читателя Е. Новицкого из Алма-Атинской области: «Люди, которые еще недавно мыслили категориями, бывшими в ходу до 1939 г., под влиянием „Новых виднокренгов“ начинают все более трезво рассуждать о наших польских вопросах. Наблюдая здесь некоторых наших земляков, я прихожу к выводу, что влияние „Новых виднокренгов“ изменяет образ мышления этих людей»⁶. В июне 1942 г. фельдшер из Кызыл-Орды (Казахстан) писал: «На многие вопросы... мы находим ответ на страницах вашего журнала. До сих пор нам как раз не хватало такого компаса, который бы указывал нам правильный путь на бездорожье сегодняшней эмигрантской мысли»⁷. Из статей в вашем журнале я понял, сообщил другой читатель, «как мы должны помогать Красной Армии в разгроме немцев, чтобы освободить нашу страну... от проклятого фашистского ярма»⁸.

Вокруг журнала объединились широкие круги польской эмиграции. Стремясь сплотить польских эмигрантов под знаменем борьбы за демократическую Польшу, польские коммунисты выступили с инициативой созда-

⁵ «Nowe Widnokreği», 1942, № 1, s. 1—2.

⁶ Е. В а с и њ с к и. Związek Patriotów Polskich w ZSRR — rzecznik idei frontu narodowego. Warszawa, 1966, s. 11.

⁷ Я. Б р о н е в с к а я. Записки военного корреспондента. М., 1956, с. 45.

⁸ «Nowe Widnokreği», 1943, № 2, s. 13.

ния общественной организации, которая объединила бы всех польских патриотов и представляла бы их интересы. 4 января 1943 г. В. Василевская и А. Лямпе направили письмо Советскому правительству. В письме говорилось: «Мы считаем, что необходимо создать центр по польскому вопросу, который будет объединять уже имеющиеся кадры, привлекать и воспитывать новые, будет руководить практической работой среди поляков, сотрудничать в работе среди военнопленных, координировать проводимую в разных областях и касающуюся польского вопроса организацию и издательскую деятельность»⁹.

Советское правительство положительно отнеслось к этому предложению. В середине февраля 1943 г. состоялась встреча ведущих деятелей редакции журнала «Нове виднокренги» с И. В. Сталиным, во время которой были обсуждены вопросы организации и направления деятельности Союза польских патриотов в СССР (СПП). Было принято решение об издании газеты «Вольна Польшка» — органа СПП. Организационный комитет СПП возглавили В. Василевская и А. Лямпе¹⁰.

1 марта 1943 г. в Москве вышел первый номер еженедельной газеты «Вольна Польшка». В передовой статье редакция заявляла: «Начиная издавать газету, мы стремимся сплотить вокруг нее всех тех, кто, находясь на территории Советского Союза, борется оружием труда и словом за свободную, независимую, освобожденную от гитлеровского ига Польшу». В статье указывалось, что новая Польша может быть действительно свободной, независимой и сильной только в том случае, если она будет связана братскими добрососедскими отношениями с Советским Союзом. В новой демократической Польше крестьянин должен получить землю, а рабочий и интеллигент — работу, опеку государства, достойные человека условия жизни¹¹.

Выпуск первого номера газеты «Вольна Польшка», по словам Я. Броневской, означал, что ее издатели «стали организацией политической, идейной организацией, группирующей вокруг себя все патриотические силы»¹².

Газета информировала о зверствах гитлеровцев в оккупированной стране, призывала польских патриотов к решительной борьбе против фашистских захватчиков, осуждала выжидательную политику эмигрантского правительства, его антисоветскую деятельность. «В течение последних месяцев это правительство, — писала газета, — шаг за шагом осуществляет самоубийственный план ухудшения отношений с Советским Союзом и довело наконец до того, что отношения между нами и Советским Союзом начинают напоминать времена Бека»¹³.

На страницах газеты формулировалась программа социально-экономических преобразований в освобожденной Польше, концепция ее внешней политики, идея создания в СССР польских воинских частей, которые, сражаясь плечом к плечу с Красной Армией, внесли бы достойный вклад в освобождение страны от гитлеровской оккупации.

Патриотические призывы журнала «Нове виднокренги» и газеты «Вольной Польски» вызвали живой отклик среди польской эмиграции.

⁹ Archium akt nowych, zespół ZPP w ZSRR, sygn. 1, s. 3.

¹⁰ Дим, с. 361—362; К. С о б с з а к. Z genezy Armii Polskiej w ZSRR. «Wojskowy przegląd historyczny», 1973, № 3, s. 133; Центральный государственный архив-музей литературы и искусства (ЦГАМЛИ УССР), фонд В. Л. Василевской, оп. 1, д. 258, л. 1.

¹¹ «Wolna Polska», 1943, № 1.

¹² Я. Б р о н е в с к а я. Там же, с. 75.

¹³ «Wolna Polska», 1943, № 8.

Тадеуш В.¹⁴ из Саратовской области писал: «...Вопрос надо поставить ясно и твердо. Сегодня, когда весь мир содрогается от орудейного гула, когда подходит момент окончательного расчета с немцами, когда все прогрессивное, все человеческое на всех континентах и во всех странах ринулось в бой,— мы не хотим оставаться пассивными созерцателями.

Надо, чтобы нашелся кто-то, кто сформирует части такой польской армии, которая самым прямым путем, через Великие Луки и Украину принесла бы в страну польское знамя с лозунгом „За нашу и вашу свободу!“ Сейчас самое время, чтобы создать эти соединения. Этого хотят, об этом думают многочисленные группы поляков»¹⁵.

«Письмо Тадеуша В. оказалось началом потока,— сообщает в своих воспоминаниях Я. Броневская,— я просто не успеваю сортировать ежедневную почту»¹⁶. С. Лиманович писал: «В связи с письмом читателя,— которое опубликовано во втором номере „Новых виднокренгов“ за текущий год, позвольте поделиться с Вами несколькими мыслями простого человека. Я беседовал со многими людьми, и то о чем я пишу, является не только моей личной точкой зрения... Тадеуш В. правильно говорит, что от Великих Лук до Польши ближе, чем от Африки.

Мы хотим создания польской армии в СССР. Мы хотим сражаться вместе с Красной Армией за великие цели человечества, за свободу и независимость нашей Родины. Мы хотим принять активное участие в ее освобождении; мы призываем к созданию польской армии в СССР»¹⁷.

Вопреки стремлениям польской демократической эмиграции в СССР и народных масс в оккупированной стране к боевому сотрудничеству с советским народом, польское эмигрантское правительство проводило политику, осложнявшую польско-советские отношения. Оно заявляло претензии на западно-украинские и западно-белорусские земли и попыталось использовать гитлеровскую провокацию, так называемое Катынское дело для нажима на СССР. Резко осудив этот враждебный акт польского правительства в отношении СССР, Советское правительство 25 апреля 1943 г. прервало с ним дипломатические отношения¹⁸.

Несмотря на это позиция Советского правительства в отношении польского народа и в частности польских граждан в СССР оставалась неизменно благожелательной. «Что касается польских подданных в СССР и их дальнейшей судьбы,— говорилось в письме И. В. Сталина от 29 апреля 1943 г. Ф. Рузвельту,— то могу заверить Вас, что органы Советского правительства всегда обращались и будут обращаться с ними, как с близкими людьми и товарищами»¹⁹.

28 апреля 1943 г. В. Василевская выступила по Московскому радио. Она осудила противоречащую интересам народа политику эмигрантского правительства и заявила, что Союз польских патриотов предпринимает меры для создания польских воинских частей на территории СССР для совместной с Красной Армией борьбы против гитлеровской Германии. «В Польшу, на родину, в родные дома,— указывала она,— ведет лишь один путь — путь борьбы и труда во имя победы. И кратчайший путь именно отсюда — из Советского Союза». А тот, кто останется в тылу, должен самоотверженно трудиться для победы над врагом²⁰.

¹⁴ Тадеуш Вислицкий. См. (F. Z b i n i e w i c z. W sprawie listu Tadeusza W. «Wojskowy przegląd historyczny», 1961, № 3.)

¹⁵ «Nowe Widnokreği», 1943, № 2, s. 13.

¹⁶ Я. Б р о н е в с к а я. Там же, с. 68.

¹⁷ «Nowe Widnokreği», 1943, № 5, s. 14—15.

¹⁸ ДиМ, с. 356—357.

¹⁹ Там же, с. 362.

²⁰ Там же, с. 360—361.

В конце апреля 1943 г. от имени СПП В. Василевская обратилась к Советскому правительству с просьбой разрешить формирование польской воинской части на территории СССР. «Газета „Свободная Польша“ уже выходит второй месяц,— писала она.— Мы получили очень большое число писем и телеграмм от поляков со всех концов Советского Союза. Из них видно, что уже пришло время, когда создание польской военной части у нас просто необходимо.... Мы рассчитываем, что нам удастся начать в дивизии»²¹.

Советское правительство удовлетворило просьбу СПП. Началось формирование польской пехотной дивизии. Одной из важных задач СПП стала организация польских народных вооруженных сил на территории СССР, подготовка их к совместным действиям с Красной Армией.

Одновременно развернулась деятельность по созданию организационных основ СПП. В письме, направленном И. В. Сталину в конце апреля 1943 г., В. Василевская указывала: «Необходимо также оформить организационно союз польских патриотов. Для этого, мне кажется, нужно: 1. Создание организационной комиссии союза в составе шире, чем редколлегия газеты „Свободная Польша“. 2. Посылка людей в места концентрации польского населения для отбора наших пропагандистов. 3. Провести в Москве конференцию союза с вызовом с периферии наиболее активных товарищей поляков (предлагаем 50—60 человек). 4. Для помощи в нашей работе прошу выделить в ЦК ВКП(б) постоянного ответственного работника по польским делам»²².

Предложения Организационного комитета СПП получили одобрение и стали претворяться в жизнь. 16 мая 1943 г. в газете «Вольна Польшка» был опубликован проект Устава СПП. Членом Союза мог быть каждый поляк, проживающий в СССР, солидарный с идейной линией Союза и платящий членские взносы. Основными задачами Союза являлись: создание польских воинских частей, которые вместе с Красной Армией будут сражаться против гитлеровской Германии; ведение широкой пропагандистской деятельности с учетом создания после победного окончания войны независимой и демократической Польши; забота о духовных и материальных интересах польских граждан в СССР²³.

В конце мая началась подготовка к съезду СПП. На страницах «Вольной Польски» и «Новых виднокренгов» публиковались статьи о целях и основных направлениях деятельности Союза.

5—6 июня 1943 г. в Москве состоялось информационное собрание делегатов I съезда СПП. На нем рассматривались вопросы опеки над польскими гражданами, находящимися на территории СССР, и школьное дело²⁴.

Историческим событием в жизни польской эмиграции был I съезд СПП, который проходил 9—10 июня 1943 г. На съезде присутствовало 66 делегатов с решающим голосом. Среди делегатов были офицеры польской армии, деятели различных польских партий, писатели, публицисты, рабочие, крестьяне и др.

С отчетным докладом о деятельности Организационного комитета СПП выступила В. Василевская. «Образование СПП,— говорила она,— не было случайностью, это была историческая необходимость. Истоки следует искать задолго до образования союза, еще в 1939 г. и до 1939 г... Два года бушует в Польше борьба не на жизнь, а на смерть. А мы находимся вдали от событий. Польша должна была спросить себя: где польская армия, что

²¹ Там же, с. 364.

²² Там же, с. 364—365.

²³ «Wolna Polska», 16 V 1943.

²⁴ «Najnowsze dzieje Polski», t. VI. Warszawa, 1962, s. 158.

она для нас делает? Поляки, находящиеся в СССР, вынуждены были молчать, они не могли ответить. Эта ситуация была почвой, на которой родился СПП». Удовлетворив просьбу СПП, Советское правительство обеспечило условия для создания польской армии. «Союз польских патриотов обязан работать так, чтобы сохранить доброе имя Польши. Мы обязаны развивать польскую национальную культуру. У нас есть польские дети, которые должны вернуться в Польшу поляками. Другой важный вопрос, которым обязан заняться СПП, это социальное обеспечение». В заключение В. Василевская подчеркнула демократический и общенародный характер организации СПП. «Важнейшей задачей СПП является объединение всех, кто хочет бороться за освобождение Польши. К ним должны прийти все поляки — без различия возраста, происхождения, политических взглядов, вероисповедания, люди разных партий и направлений»²⁵.

Съезд принял Декларацию СПП по программно-политическим вопросам. В декларации раскрывались общественные, экономические и политические причины сентябрьской катастрофы 1939 г., антинародная внутренняя и внешняя политика буржуазного польского государства. Считая эмигрантское правительство ген. Сикорского «фактическим наследником и продолжателем политики, которая однажды уже привела Польшу к гибели», СПП решительно отказывался от системы и форм правления досентябрьской Польши и объявлял эмигрантское правительство несостоятельным представлять польский народ, а также польскую эмиграцию в СССР.

В декларации подчеркивалось, что в условиях сложившейся обстановки в Польше и на фронтах второй мировой войны, вошедшей в свою решающую фазу, поляки в эмиграции не могут остаться в стороне от текущих событий, они сознают необходимость своего участия в общенародной борьбе с гитлеризмом, чтобы возродить Польшу и не допустить повторения сентябрьской катастрофы. Первой и главной политической задачей является разгром врага. Она может быть решена только путем вооруженной борьбы с оккупантами в тесном союзе с СССР. СПП провозглашал борьбу за Польшу демократическую, парламентскую, свободную от господства помещиков и монополистов, справедливую, независимую, сильную, прогрессивную и миролюбивую, за воссоединение с ней ее исконных земель на севере и западе. Признавая право на самоопределение украинского и белорусского народов, СПП заявлял: «Восточная граница Польской республики может и должна быть связующим звеном, а не преградой между нами и нашим восточным соседом»²⁶. Идейно-политические положения декларации были во многом сходными с выработанными в это же время программными установками ППР.

Съезд принял решение по вопросам социального обеспечения польских граждан и культурно-просветительной работы Союза²⁷. Он избрал Главное правление СПП. Председателем его стала В. Василевская.

В письме Президиума съезда СПП председателю СНК СССР И. В. Сталину говорилось: «Съезд Союза польских патриотов выражает горячую и искреннюю благодарность Советскому правительству и Вам лично за Ваше согласие на формирование Польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, за всестороннюю помощь в ее формировании, а также за Ваше доброжелательное отношение к делу организации помощи польским беженцам и обеспечения их культурно-просветительных нужд.

Съезд Союза польских патриотов заверяет Вас и Советское правительство, что поляки в СССР выполняют свой долг перед объединенным фронтом народов, борющихся с гитлеровской тиранией, в особенности же в том,

²⁵ «Wolna Polska», 1943, № 15; ДиМ, с. 382—384.

²⁶ ДиМ, с. 388—392.

²⁷ Там же, с. 384—388.

что они выполняют свой солдатский долг, и, борясь плечом к плечу с героической Красной Армией против немецких захватчиков, спаяют кровью братство оружия и дружбу между польским народом и народами Советского Союза»²⁸.

Председатель СНК СССР И. В. Сталин на письмо Президиума СПП ответил следующими словами:

«Благодарю Вас за ваше теплое и дружеское обращение к Советскому правительству.

Горячо приветствую Вас и Союз польских патриотов в СССР, начавший успешную работу по сплочению своих сил и укреплению дружбы между народами Польши и Советского Союза.

Можете быть уверенными в том, что Советский Союз сделает все возможное, чтобы ускорить разгром нашего общего врага — гитлеровской Германии, укрепить польско-советскую дружбу и всемерно содействовать воссозданию сильной и независимой Польши.

Желаю Вам успеха в Ваших делах!»²⁹.

I съезд СПП завершил процесс создания демократической общественно-политической организации польских эмигрантов в СССР.

²⁸ Там же, с. 392.

²⁹ Там же, с. 393.

Г. В. МАКАРОВА

ОСВЕЩЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПОЛЬШИ ГАЗЕТОЙ «ТРИБУНА РАДЗЕЦКА» (1927—1938)

Печати на польском языке в СССР в 20—30-х годах принадлежало видное место среди изданий на национальных языках. Воспитательная ее роль в самом широком смысле слова была очень велика — она являлась средством воздействия на формирование мнения населения польской национальности, проживавшего в СССР¹, на выработку его социалистического мировоззрения. Центральным изданием на польском языке в этот период являлась выходившая в Москве в 1927—1938 гг. газета «Трибуна радзецка», орган Польбюро ЦК ВКП(б).

В советской и польской исторической литературе немного работ, в которых рассматриваются вопросы развития этой печати в СССР. Значительный интерес в этом отношении представляют две книги польского ученого К. Сероцкой: «Из истории польской периодики в СССР („Культура масс“, 1929—1937)», один из разделов которой посвящен изданиям на польском языке в СССР в исследуемый автором период, и «Советская Польша. Из истории культурной и литературной жизни»². В этой работе раздел о печати в СССР значительно расширен, в него внесены уточнения и дополнения, в частности и при изложении истории издания газеты «Трибуна радзецка». Поскольку, однако, основное внимание автора книги сосредоточено на проблемах историко-литературного и историко-культурного характера, то и «Трибуна радзецка» интересует ее прежде всего как издание, на страницах которого публиковались произведения польских и советских писателей.

История печати на польском языке в СССР исследуется в статье А. Слиша о польской коммунистической печати в СССР в 1917—1927 гг.³, т. е. в период, непосредственно предшествовавший организации «Трибуны радзецкой».

Из работ советских исследователей следует отметить опубликованную в Польше статью Я. Дашкевича о печати на польском языке на Украине⁴. Как известно, большая часть газет, журналов и книг, выходивших в СССР на

¹ По переписи 1926 г. на территории СССР проживало около 800 тыс. поляков. Они сосредотачивались в некоторых районах Украины и Белоруссии, а также в крупнейших промышленных центрах страны — Москве и Ленинграде.

² K. Sierocka. Z dziejów czasopiśmiennictwa polskiego w ZSRR. «Kultura mas». 1929—1937. Warszawa, 1963; e e ж e. Polonia Radziecka. Z działalności kulturalnej i literackiej. Warszawa, 1968.

³ A. S l i s z. Polsk aprasa komunistyczna w ZSRR w latach 1917—1927. «Kwartalnik prasoznawczy», 1958, № 2, 3.

⁴ J. D a s z k i e w i c z. Prasa polska na Ukrainie Radzieckiej. Zarys historyczno-bibliograficzny. «Rocznik czasopiśmiennictwa polskiego», 1966, t. V, zes. 2. Wrocław — Warszawa — Kraków.

польском языке, издавалась именно на Украине, где круг читателей был наиболее значителен. Выводы автора статьи, основанные на широком фактическом материале и касающиеся истории развития этой печати на Украине, во многих случаях могут быть отнесены и к истории всей печати на польском языке в СССР. Кроме исторического очерка, статья содержит библиографический указатель, в котором приводятся сведения о названиях, периодичности, месте издания газет и журналов и их местонахождении в настоящее время, что особенно важно, так как даже крупнейшие библиотеки страны далеко не всегда располагают их полными комплектами.

Кроме упомянутых выше работ исследовательского плана, материалы об этой печати в СССР можно найти в изданиях информационно-пропагандистского характера, в которых наряду с другими вопросами жизни населения польской национальности в СССР, кратко излагалась история развития периодической печати на польском языке в СССР⁵.

Основным источником изучения истории издания «Трыбуны радзецкой» являются материалы, опубликованные на ее страницах⁶. В этом плане особенно интересны праздничные и юбилейные номера газеты, связанные с годовщинами Великой Октябрьской социалистической революции, Днем печати, с очередными годовщинами издания самой газеты. Они широко освещали достижения в различных областях социалистического строительства, в том числе и успехи развития печати на польском языке в СССР.

Непосредственным предшественником «Трыбуны радзецкой» являлось издание «Свит», выходившее в Москве с апреля 1926 г., редактором его был Ст. Будзинский. Первоначально предполагалось, что это издание будет называться «Трыбуна правды»⁷.

Сведения о составе редколлегии «Трыбуны радзецкой» весьма отрывочны, газета не сообщала официально об изменениях в ее составе, только фамилия редактора указывалась в каждом номере. Первым редактором газеты был видный деятель польского революционного движения Ф. Кон, его заместителем — Б. Пшибышевский, членами редколлегии — Я. Нейман, М. Здзярский, Т. Домбаль, М. Шехура⁸. В марте 1929 г. редактором «Трыбуны радзецкой» стал Т. Домбаль⁹.

На страницах газеты, наряду с членами редколлегии, активно выступали видные советские и польские деятели, представители советской и польской культуры: С. Добиньский, С. Пестковский, Е. Сохацкий, Ю. Уншлихт, С. Ланцудский, В. Мицкевич-Капсукас, Е. Брандт, Г. Валецкий, Л. Домский, С. Будкевич, Б. Шмидт, Л. Битнер, Х. Бобиньская, Ц. Бобиньская, Б. Ясенский, В. Броневский, Р. Станде, М. Кольцов и др.

Создание в СССР центральной газеты на польском языке вызывалось необходимостью централизации периодической печати, укрепления

⁵ S. B o r s k i. Prasa polska w ZSRR. Moskwa, 1929 (В книге идет речь не только о польской периодической печати, но и об изданиях в СССР книг на польском языке.); Wł. T e g o b o r s k i. Polacy Związku Radzieckiego. Ich pochodzenie, udział w Rewolucji Październikowej i w budownictwie socjalistycznym. Szkic historyczno—opisowy. Moskwa, 1929.

⁶ Архив газеты по данным ЦПА ИМЛ не сохранился.

⁷ «Młot», 4 III 1926.

⁸ «Trybuna Radziecka», 29 VI 1930.

⁹ С конца июня 1930 г. редколлегию, в состав которой входили С. Борский, С. Дзержинская, Ф. Гжегожевский, К. Радлинский, возглавил Я. Нейман. С января 1933 г. редактором газеты стал Р. Максимовский, с августа 1937 г. — А. Федорович, в 1938 г. последним редактором газеты была М. Розвадовская. Среди сотрудников газеты, подписавших приветствие газете «Серп» в связи с ее десятилетием, были Нейман, Мазекус, Якимович, Уланьский, Радлинский, Гем, Станкевич, Заблоцкая («Sieg», 26 VI 1932).

единства в руководстве работой среди населения польской национальности в СССР, возглавлявшейся Польшбюро ЦК ВКП(б). Расширение связей газеты с польскими трудящимися, с «местами», постоянно находилось в центре внимания редакции. Популярность газеты во многом зависела от связи с читательской аудиторией. Нередко на ее страницах публиковались письма читателей, высказывавших наряду с положительными оценками работы газеты также и различного рода критические замечания, предложения по ее улучшению. Освещение конкретных вопросов, волновавших население советских республик, было делом трудным, во многом зависевшим от количества и качества корреспонденций, поступающих с мест. Возникали затруднения и с распространением газеты, что в определенной степени объяснялось существованием ко времени начала издания «Трибуны радзецкой» республиканских газет на польском языке на Украине и Белоруссии — они начали выходить значительно раньше и уже нашли своего читателя: в Харькове с 1922 г. выходил «Серп», в Минске — с 1918 г. «Млот», а с 1926 г. вместо него — «Орка». Поэтому с самого возникновения «Трибуна радзецка» неустанно заботилась о расширении круга читателей. Из номера в номер печатались объявления о подписке, призывавшие каждого читателя газеты привлечь еще пятерых подписчиков. Распространение издания было тесно связано с вопросами его объема, периодичности и тиража¹⁰. Первоначально «Трибуна радзецка» выходила еженедельно, с июля 1929 г. — два раза в неделю, с декабря 1929 г. — два раза в «пятидневку», с августа 1931 г. до 1935 г. — ежедневно, с 1935 г. она выходила через день¹¹.

ЦК ВКП(б) уделял самое серьезное внимание развитию печати на польском языке в СССР. Участники состоявшегося осенью 1928 г. совещания Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и Польшбюро пришли к выводу, что тираж польских изданий очень мал. Перед редакциями польских газет была поставлена задача его увеличения: «Серп» должен был довести число подписчиков до 10 тыс., «Орка», — до 6 тыс., «Трибуна радзецка» — до 3 тыс. Расширение сферы воздействия польской печати диктовалось задачами большой политической важности. На совещании было принято также решение о проведении месячника польской книги (с 1 ноября по 1 декабря 1928 г.)¹², который бы способствовал распространению польских изданий. Этап особенно активной борьбы за увеличение тиража и периодичности газеты начался с приходом к руководству газетой Т. Домбала. Этим вопросам была посвящена его первая как редактора «Трибуны радзецкой» статья (март 1929 г.). В ней говорилось, что с достижением тиража в 5000 экземпляров газета сможет выходить два раза в неделю, а при 10 000 — стать ежедневной¹³.

В связи с развертыванием весной — летом 1929 г. широкой кампании за участие в Варшавском съезде¹⁴ делегации от населения со-

¹⁰ С. Борский, сведения которого достаточно достоверны, отмечает, что в июле 1929 г. тираж газеты достиг 7000 экз., раньше же он «упорно держался на уровне, едва насчитывающем 1000—2000 экз.» (S. B o r s k i. Ibid., s. 17). К. Сероцкая пишет, что тираж газеты с первоначальных 3500 вырос к концу существования газеты до 15000. (K. S i e r o c k a. Polonia Radziecka..., s. 53.)

¹¹ В книге К. Сероцкой ошибочно отмечается, что с 1935 г. до конца своего существования газета выходила ежедневно (K. S i e r o c k a. Polonia Radziecka..., s. 52).

¹² «Trybuna Radziecka», 23 IX 1928; в следующем номере была напечатана статья Я. Неймана «Месячник польской книги» о проведении предстоящей кампании.

¹³ «Trybuna Radziecka», 31 III 1929.

¹⁴ Варшавский съезд зарубежных поляков состоялся в июле 1929 г., однако советские делегаты, несмотря на ранее присланные им приглашения, не были допущены на него польскими властями.

ветских республик возникла необходимость в увеличении тиража газеты. В августе 1929 г. Т. Домбаль в связи с приездом польской рабоче-крестьянской делегации в СССР обратился с письмом в ВЦСПС, в котором обосновывал необходимость выделения дополнительных средств для изданий: «С целью развития широкой кампании вокруг пребывания делегации рабочих и крестьян Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, — писал Домбаль, — мы получили соответствующие директивы по массовому распространению целого ряда номеров нашей газеты „Трыбуна радзецка“ среди зарубежных поляков, а также в погранполосе. Мы предполагаем распространить в общем около 100 000 (сто тысяч) экземпляров газеты. Кроме того, нами должны быть распространены книги, брошюры и т. д.»¹⁵. На состоявшемся 14 августа заседании Президиума ВЦСПС было принято решение «ассигновать из средств ВЦСПС 4000 руб. для редакции газеты „Трыбуна радзецка“»¹⁶. К 1930 г. тираж газеты вырос до 10 000 экз.

Газета активно стремилась расширить круг своих читателей. Редколлегия «Трыбуны радзецкой» искала пути улучшения газеты: в соответствии с требованиями дня изменялась тематика помещаемых материалов, постоянно совершенствовалась форма их подачи. Материалы, публиковавшиеся газетой, отражали самые различные стороны жизни населения СССР, а также проблемы экономического, политического и культурного строительства страны. Основными разделами газеты были: важнейшие события жизни в СССР, положение населения польской национальности, вопросы социалистического строительства; значительное внимание уделялось, особенно в первые годы издания, положению трудящихся в Польше. Раздел «Из Польши» был не только информационным, но и документальным — он публиковал материалы Коммунистической партии Польши, письма польских рабочих и крестьян, письма политзаключенных и др. Кроме того, в газете открывались временные разделы, связанные с проведением юбилейных кампаний, событиями внутренней жизни страны (подготовка к съездам, конференциям и т. д.). Много внимания уделялось антирелигиозной пропаганде, работе среди женщин, молодежи и т. д. Вначале довольно большой объем в газете занимали материалы литературного характера, позднее, с появлением специального литературного издания «Культура масс» (1929), количество их значительно сократилось. После ряда писем читателей, в которых говорилось о сложности языка газеты, — имелись в виду статьи теоретического характера — было решено создать специальное приложение «Мысль большевицка», где предполагалось публиковать статьи широкого теоретического плана. Вышло всего несколько номеров этого издания, отражавшего развернувшуюся тогда дискуссию о возможности создания пролетарской культуры населения польской национальности, проживавшего в СССР.

Постепенно газета стала все больше внимания уделять освещению вопросов социалистического строительства во всей стране, «удельный вес» польского аспекта постоянно снижался. С начала 30-х годов газета все чаще начинает перепечатывать материалы из других советских газет и журналов, выходивших на русском языке. Соотношение между освещением вопросов, связанных с жизнью населения польской национальности в СССР и освещением общесоюзных проблем меняется в пользу последнего. С середины 30-х годов «Трыбуна радзецка» почти полностью утрачивает свою специфику. В 1938 г. ее издание было прекращено¹⁷.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 24, л. 10.

¹⁶ Там же, л. 1 об.

¹⁷ J. D a s z k i e w i c z. Ibid., s. 107.

«Трибуна радзецка» сыграла определенную роль в формировании социалистического мировоззрения населения польской национальности, проживавшего в СССР, в частности, в воспитании его в духе пролетарского интернационализма, чему способствовало широкое освещение газетой связей между трудящимися СССР и Польши.

Проблема связей и контактов между трудящимися СССР и Польши в межвоенный период, проблема солидарности принадлежали к числу важнейших и занимали одно из центральных мест в газете в период с 1927 по 1933 гг., однако они сравнительно мало исследованы. В определенной степени это объясняется отсутствием достаточного круга источников. Материалы, опубликованные в «Трибуне радзецкой», значительно восполняют этот пробел.

Передовая статья одного из первых номеров газеты, четко отразившая программные установки издания, в частности, отмечала: «Нашей задачей является показать общность интересов польских рабочих и крестьян (СССР) со всеми трудящимися Польши. Борьба польских трудящихся в защиту СССР по обе стороны границы одновременно является борьбой за освобождение рабочих и крестьян Польши от экономического и политического угнетения помещиками и капиталистами, является борьбой за Польскую республику Советов. Лозунгу национального единства с угнетателями мы должны противопоставить лозунг солидарности пролетариата СССР и Польши»¹⁸.

Весь комплекс опубликованных в газете материалов, отражающий интернациональные связи трудящихся СССР и Польши, можно разделить на две группы: 1) информационного характера (сообщения, корреспонденции, статьи и т. д. (и 2) документы (письма и заявления польских трудящихся, воззвания КПП, тексты выступлений видных деятелей и т. д).

Приводя на своих страницах множество интересных источников, газета выступала в данном случае в качестве первого публикатора подлинных документов по истории связей между трудящимися СССР и Польши. Для своего времени публикация таких документов имела большое воспитательное значение. Это был яркий, интересный, понятный широким кругам читателей материал, несший большую идеологическую нагрузку.

Связи между трудящимися СССР и Польши проявлялись в различных формах: это были непосредственные личные контакты — поездки делегаций польских трудящихся в Советский Союз, приезды в СССР видных деятелей польского революционного движения, а также популярные в те годы письменные контакты — письма польских политзаключенных, рабочих, крестьян, ответные письма советских трудящихся. Значительное место занимают в газете материалы о проведении многочисленных кампаний солидарности — выступления трудящихся Польши в годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в дни Первого мая, антивоенные демонстрации в годовщину начала первой мировой войны — 1 августа и т. д. Советскими трудящимися проводились также кампании протеста против политики и действий польского правительства в отношении польских рабочих и крестьян, кампании по оказанию материальной помощи политзаключенным и бастующим рабочим. Следует отметить, что сам факт публикации «Трибуной радзецкой» материалов о положении трудящихся в Польше, о революционном движении в стране, о деятельности Коммунистической партии Польши и др. были конкретным проявлением связей между трудящимися двух стран.

Ярким проявлением интереса к молодому социалистическому госу-

¹⁸ «Trybuna Radziecka», 19 VI 1927.

дарству являлись приезды делегаций польских трудящихся в Советский Союз. За межвоенный период польским рабочим и крестьянам трижды удалось направить своих представителей в нашу страну: в 1927, 1929 и 1931 гг. Все эти поездки нашли отражение в газете.

«Трибуна радзецка» помещала сообщения о подготовке поездки делегации в 1927 г., о выборах участников, проводившихся по всей Польше. Так, 13 ноября 1927 г. газета сообщала, что городской совет г. Челябин (Домбровский бассейн) принял решение послать в СССР делегацию «с целью ознакомления с коммунальным хозяйством в пролетарском государстве», что по всей Польше рабочими, политическими и общественными организациями с большим успехом проводится кампания по выборам делегатов для посещения СССР. В газете было опубликовано интервью с одним из приехавших в Советский Союз делегатов — Е. Сохацким, в котором он рассказал о формировании делегации, ее составе, о тех трудностях, которые пришлось преодолеть делегатам, чтобы приехать в СССР. Большинство из них прибыло нелегальным путем.

Широко освещалось на страницах газеты пребывание делегаций польских трудящихся в Советском Союзе, публиковались заявления и декларации делегаций, выступления отдельных участников, интервью с ними, сообщения о посещении членами делегации различных промышленных предприятий, колхозов, детских учреждений и т. д. Поездки делегаций не только помогали польским трудящимся лучше узнавать советскую действительность, но и имели большое значение для ознакомления трудящихся СССР с положением в Польше. Появилась возможность самых широких и разнообразных сравнений, являющихся наглядным свидетельством в пользу социализма.

Польская делегация, приехавшая в Советский Союз в дни празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции, присутствовала на праздничной демонстрации трудящихся на Красной площади. Она приняла участие в работе проходившего в те дни Международного конгресса друзей СССР. На конгрессе был зачитан указ Реввоенсовета СССР о награждении орденом Красного Знамени видных деятелей международного революционного движения. Среди награжденных был находившийся в то время в тюрьме Станислав Ланцуцкий, его орден был передан польской делегации (4 XII 1927).

Е. Сохацкий выступил в «Трибуне радзецкой» со статьей «На дороге к польскому Октябрю», в которой, в частности, подчеркнул традиции совместной революционной борьбы польских и русских трудящихся: «Годовщина Октября,— писал он,— особенно близка и дорога рабочим Польши. Ведь десятки лет польский пролетариат боролся плечо к плечу с русскими рабочими против царя и буржуазии. Они вместе шли в бой с самого возникновения социалистического движения, вместе гибли на баррикадах 1905 года, вместе строили великую большевистскую партию, вместе находились долгие годы на каторге в Сибири...» (20 XI 1927).

Значение приезда в Страну Советов первой делегации польских трудящихся «Трибуна радзецка» охарактеризовала следующими словами: «В великой стене лжи, которой в течение долгих лет буржуазия и соглашательская пресса преграждала путь правде о Союзе ССР, пробита наконец брешь» (20 XI 1927).

Особенно широкое освещение получила на страницах газеты поездка делегации польских рабочих и крестьян, состоявшаяся в 1929 г.¹⁹. Мате-

¹⁹ Подробнее см. Г. В. Макарова. Поездка делегации трудящихся Польши в СССР (1929). В сб. «Советско-польские отношения. 1918—1945». М., 1974.

риалы, опубликованные «Трибуной радзецкой» в связи с этой поездкой, являются одними из наиболее ярких и интересных по истории связей между трудящимися СССР и Польши за весь период существования газеты. На ее страницах были помещены многочисленные подробные сообщения о поездке делегатов по стране, выступления членов делегации на проводившихся по случаю их приезда приветственных митингах, записи бесед с ними корреспондентов газеты, приглашения советских трудящихся посетить их предприятия и т. д.

После отъезда делегации из СССР газета информировала своих читателей об отчетной кампании, которую пытались организовать возвратившиеся в Польшу участники поездки. «Трибуна радзецка» информировала читателей о дальнейшей судьбе членов делегации, многие из которых были арестованы.

Некоторым участникам этой поездки, несмотря на преследования властей, удавалось поддерживать связь с «Трибуной радзецкой». Так, 29 октября 1931 г. газета опубликовала письмо одного из членов делегации, посетившей СССР в 1929 г., — Оборкувны, которое было написано в варшавской тюрьме. В нем, в частности, говорилось, что по возвращении в Польшу все участники поездки были арестованы и что сама Оборкувна осуждена на пять лет тюремного заключения (29 X 1931).

Приезд в СССР делегации из Польши в 1931 г. газета освещала менее детально, при этом фамилии большинства делегатов не назывались, так как учитывалось, что участники поездки в СССР в 1929 г. подверглись суровым репрессиям со стороны польских властей. 26 ноября 1931 г. газета сообщила о приезде в СССР польской рабоче-крестьянской делегации. Целью поездки, как писала газета, было стремление разоблачить клевету и ложь буржуазной польской прессы, «донести до трудящихся масс Польши всю правду о пролетарском государстве, строящем социализм». В этом же номере упоминалось об издании делегацией первого отчетного бюллетеня, свидетельствующего о поисках новых путей доведения до трудящихся Польши правдивой информации о Советском Союзе. При публикации бюллетеней учитывался опыт предыдущих делегаций, которым не удавалось провести достаточно широких отчетных кампаний ввиду сложной внутриполитической обстановки в Польше, в условиях жестоких репрессий со стороны буржуазных властей.

Таким образом, «Трибуна радзецка» может дать в распоряжение исследователя значительный по объему, разнообразный по характеру, отличающийся высокой степенью достоверности, нередко содержащий много интересных конкретных фактов и деталей источниковый материал²⁰.

Представители польских трудящихся принимали участие в работе съездов, конгрессов, совещаний, посвященных, в частности, знаменательным событиям международного рабочего движения, проводившимся в СССР. 2 сентября 1928 г. «Трибуна радзецка» поместила сообщение о выступлении в Минске «от имени польского пролетариата» С. Круликовского, приехавшего в СССР, чтобы принять участие в работе конгресса Коминтерна. В декабре 1929—феврале 1930 г. «Трибуна радзецка» провела заочное совещание корреспондентов газеты, в котором, в частности, приняли участие: представитель ЦК КПП (фамилия его не называлась),

²⁰ Примером недооценки печати как источника по истории поездок польских делегаций может служить статья, опубликованная в «Украинском историческом журнале», которая содержит много фактических неточностей, легко устранимых при использовании материалов «Трибуны радзецкой» (М. О. Іванців. З історії робітничо-селянських делегацій з Польщі та західної України до Радянського Союзу в 1927—1931 рр. «Український історичний журнал», 1969, № 9.)

рабочий из Домбровского бассейна (тов. Казик) и военнослужащий польской армии (тов. Мураж)²¹.

Поездки отдельных представителей польских трудящихся в Советский Союз для ознакомления с жизнью советского народа были чрезвычайно редким явлением. «Трыбуна радзецка» приводит только одно такое свидетельство: 10 июня 1928 г. она опубликовала письмо «Казя из Ченстоховы», которая посетила Иваново-Вознесенск по линии МОПРа.

Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Советское правительство стремилось вырвать из тюрем Польши борцов за освобождение польских трудящихся. В феврале 1923 г. было подписано советско-польское соглашение об обмене политзаключенными, в соответствии с которым были освобождены многие польские революционеры, приехавшие затем в нашу страну (так, в 1923 г. приехал будущий редактор «Трыбуны радзецкой», видный деятель польского и международного рабочего и крестьянского движения Т. Домбаль). «Трыбуна радзецка» неоднократно помещала сообщения об обмене политзаключенными, о приездах освобожденных из польских тюрем революционеров: 15 января 1928 г. газета опубликовала материал о приезде группы (9 человек) бывших политзаключенных, среди которых был член ЦК КПП Ф. Гжельщак, 27 декабря 1930 г. — о прибытии в Минск П. Метлы, С. Рак-Михайловского, Бурсевича — руководителей разгромленной польскими властями в марте 1927 г. Белорусской крестьянско-рабочей громады²², приговоренных к длительному тюремному заключению.

10 сентября 1932 г. «Трыбуна радзецка» поместила информацию о подписании в Москве протокола об обмене политзаключенными между СССР и Польшей, в соответствии с которым обе стороны должны были обменять по 40 политзаключенных, пунктом обмена была выбрана пограничная станция Колосово. Несколько позднее газета опубликовала отчет о проведенном в Москве в польском клубе им. Весоловского торжественном вечере в честь приехавших в СССР бывших польских политзаключенных. На вечере выступил представитель «Трыбуны радзецкой» — А. Сосна (21 IX 1932). Через год, также в результате обмена, в Советский Союз прибыл один из руководителей белорусской громады Б. Тарашкевич, о чем газета поместила краткое сообщение (8 IX 1933).

Значительной по объему группой источников являются письма польских трудящихся в газету «Трыбуна радзецка». Они направлялись как непосредственно в редакцию, так и коллективам отдельных фабрик и заводов, трудящимся городов, общественным организациям и т. д.²³. В письмах содержалась разнообразная по характеру информация — о положении польских рабочих, крестьян, солдат, об их отношении к Советскому Союзу. В одном из писем рассказывалось, что на фабрике «Мотор» в Варшаве рабочих насильно, используя угрозы, заставляли вступать в Лигу противовоздушной и противогазовой обороны, ведшей «пропаганду против Советского Союза». Автор письма заявлял: «Пишу об этом факте в „Трыбуну“, так как хочу, чтобы наши братья рабочие-поляки в пролетарском отечестве знали, какими средствами фашисты и капиталисты угнетают рабочий класс Польши» (6 I 1929).

В газете велся специальный раздел, название которого не было постоянным; в зависимости от затрагивавшихся в письмах вопросов оно меня-

²¹ «Трыбуна Радзиецка», 31 I, 6 II 1930).

²² Возникшая в 1925 г. Белорусская крестьянско-рабочая громада насчитывала около 100 тыс. членов, в основном крестьян, и сотрудничала с КПЗБ.

²³ Следует отметить, что, публикуя письма польских трудящихся, «Трыбуна радзецка», как правило, не указывала, кому именно они были адресованы, таким образом им придавалось более широкое общественное звучание.

лось: «Что нам пишут рабочие из Польши», «Письма из Польши», «Из фашистской Польши», «Что пишут крестьяне» и т. д. Письма польских рабочих и крестьян, свидетельствовавшие об их интересе к Советскому Союзу, содержали слова симпатии к советским трудящимся, строящим социалистическое общество. Успехи советского народа в построении новой жизни находили горячий отклик среди трудящихся Польши. Так, например, в письме (за подписью Ф. Янковского) говорилось о росте симпатий к СССР среди трудящихся Польши: «Ничто не вызывает такого подъема в рабоче-крестьянских массах,— писал автор,— как слова правды об СССР. Рабочие и крестьяне все живее реагируют на вести об успехах социалистического строительства в городе и деревне, все горячее подхватывают лозунги защиты СССР, международной отчизны пролетариата» (8 V 1930). Наибольшее количество писем из Польши было опубликовано газетой в 1928—1929 гг. Со временем, однако, такая непосредственная информация в виде публикации документов, стала все больше и больше заменяться обычной газетной информацией.

Отдельную группу источников составляют письма политзаключенных из польских тюрем. Авторы их рассказывали о тяжелейших условиях, в которых они содержались в заключении, об издевательствах над ними тюремного начальства, о борьбе политзаключенных за улучшение своего положения. Газета систематически публиковала такие письма, особенно часто в 1929, 1932—1933 гг. Они использовались также для подготовки специальных обзоров, в которых концентрировалось содержание целого ряда писем, подчеркивалась типичность приводимых в них отдельных примеров. При такой подаче материала более отчетливо выделялась массовость явлений, читатель мог почувствовать, что речь идет о тысячах человеческих судеб. Например, в обзоре, опубликованном 23 сентября 1928 г., отмечалось, что амнистия, проведенная польским правительством, практически не распространилась на политических заключенных. Газета приводила строки из письма политзаключенных-женщин о результатах этой амнистии: «Чем закончилась амнистия, вы, наверное, уже знаете. У нас одна женщина, которая сидит семь лет, получила два месяца амнистии. И так почти все». В конце письма содержалось обращение к советским трудящимся с просьбой: «Было бы хорошо, если бы вы организовали над нами шефство».

Организация шефства советских трудящихся над политическими заключенными была еще одной формой интернациональной помощи польским революционерам со стороны рабочего класса и трудового крестьянства СССР²⁴. Шефы проводили сбор средств для отправки в Польшу посылок с продовольствием, медикаментами, организовывали кампании протеста против издевательства тюремщиков, вели борьбу за освобождение политзаключенных, требовали улучшения условий для них в польских тюрьмах. Неоднократно в письмах «с той стороны» с благодарностью упоминается о помощи советских шефов политзаключенным одной из варшавских тюрем. В декабре 1927 г. «Трибуна радзецка» опубликовала сообщение, что в 10-ю годовщину Октября секция польских женщин при Центральном польском клубе в Москве приняла решение взять шефство над политзаключенными тюрьмы в Петркове; было собрано 128 рублей для пересылки в Польшу. В том же номере газеты приводился текст письма, направлявшегося политзаключенным, в котором говорилось о солидар-

²⁴ Одной из последних работ о солидарности советских трудящихся с польскими политзаключенными является статья, опубликованная в «Украинском историческом журнале». В. О. Нерод. Солидарність трудящих УРСР з політичними в'язнями капіталістичної Польщі (1929—1933 рр.). «Український історичний журнал», 1975, № 5.

ности советских трудящихся с пролетариатом Польши (4 XII 1927). Газета часто публиковала сообщения о сборе денежных средств. В проведение таких кампаний включались самые различные слои населения страны. 9 сентября 1928 г. «Трибуна радзецка» писала о том, что «62-летняя старушка жертвует последние гроши для политзаключенных». В сентябре 1931 г. на многолюдных митингах трудящихся московских заводов — «Серп и молот», «Динамо», «Электрозавод» и др. — было принято решение об отчислении рабочими Москвы дневного заработка в помощь политзаключенным Польши (28 IX 1931). Известия об арестах прогрессивных политических деятелей, судебных процессах над коммунистами, о разгонах демонстраций полицией, о жестоком обращении с политзаключенными в тюрьмах, о погромах на Западной Украине и в Западной Белоруссии и др. вызывали в Советской стране широкие кампании солидарности с трудящимися Польши и осуждение действий польского правительства. «Трибуна радзецка» регулярно публиковала тексты резолюций, которые принимались на митингах и собраниях. Процесс над деятелями Белорусской крестьянско-рабочей громады в 1928 г. вызвал волну возмущения среди советских трудящихся. В городах и деревнях Советской Белоруссии состоялись массовые митинги протеста, проводился сбор средств в фонд МОПР для оказания помощи осужденным польским революционерам (18 III 1928). Кампания протеста развернулась и в связи с арестом членов делегации польских трудящихся, посетивших СССР в 1929 г. (24, 27 X 1929). Начавшийся в Польше в 1929 г. глубокий экономический кризис привел к усилению борьбы польских рабочих и крестьян за свои права. Польское правительство установило в стране так называемый режим «белого террора».

Публикация материалов в связи с арестом депутата польского сейма коммуниста Т. Жарковского, в том числе заявлений для печати коммунистической фракции сейма, содействовала развертыванию массовой кампании за его освобождение (19, 23, 26 V, 10 VI 1930).

«Трибуна радзецка» сообщала о проходивших в Польше судебных процессах над коммунистами. 29 июня 1930 г. газета выступила со статьей протеста против жестокого приговора Львовского городского суда, и от имени советских трудящихся требовала освободить заключенных. 15 октября того же года в газете было напечатано обращение МОПРа в связи с вынесением судом города Бяла Подляска смертного приговора трем рабочим, обвинявшимся в убийстве провокатора. Обращение содержало призыв к борьбе за освобождение польских рабочих из рук палачей.

В ответ на усиление террора на Западной Украине осенью 1930 г. по всему Советскому Союзу прокатилась волна митингов протеста. Газета публиковала сообщения об этих митингах, тексты принятых на них резолюций (15, 16, 22, 25, 27 X 1930 и др.). Резкое осуждение политики польского правительства, направленной против интересов трудящихся Польши, выразилось в проведении в начале 1931 г. митингов во многих городах Советского Союза: Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Минске, Одессе и др. (12, 14, 17, 19, 26, 29, 31 I 1931).

Распространение в 1931 г. действия закона об уголовных преступлениях на лиц, обвиняющихся в политических преступлениях, вызвало возмущение прогрессивных сил Польши. ЦК КПП, ЦК КПЗУ и ЦК КПЗБ обратились к трудящимся всего мира с призывом выступить в защиту польских революционеров. Публикуя текст этого обращения, «Трибуна радзецка» сопроводила его редакционной статьей, озаглавленной «Не допустим убийства лучших наших братьев — борцов революции, которых польский фашизм убивает в охранках и тюремных камерах!» (9 VIII 1931). Через несколько дней газета вновь выступила в защиту польских полит-

заключенных: «Судьба политзаключенных в Польше, — говорилось в статье „На помощь авангарду революции в Польше!“, — это дело всего мирового пролетариата, а особенно — наше дело, дело рабочих и крестьян в СССР. ... Пусть наш громкий голос протеста покажет буржуазии всего мира, что подобно тому, как строительство социализма в СССР является делом пролетариата всех стран, так и мировая социалистическая революция является делом строителей социализма» (15 III 1931).

В конце августа 1931 г. «Трибуна радзецка» еще раз обратилась к советским трудящимся с призывом прийти на помощь революционному польскому пролетариату. В конце августа — сентябре на ее страницах были опубликованы многочисленные сообщения о проявлениях солидарности рабочих и крестьян СССР с трудящимися Польши.

Значительное место на страницах «Трибуны радзецкой» отводилось освещению деятельности Коммунистической партии Польши. Газета публиковала материалы и решения съездов КПП, пленумов ЦК КПП, воззвания и обращения коммунистической партии к трудящимся Польши. Помещались также статьи о внутренней жизни КПП, часто их авторами являлись видные деятели КПП: Ю. Ленский, Г. Валецкий, Ю. Братковский (Е. Сохацкий), С. Будзыньский и др.

В обращениях КПП к польским трудящимся, в решениях ее съездов и пленумов ЦК неуклонно проводилась мысль об общности интересов трудящихся Польши и СССР, о необходимости совместной борьбы — прежде всего в защиту СССР. Лозунг защиты Советского Союза, первого в мире государства рабочих и крестьян, проходил через все обращения КПП к трудящимся Польши. «Трибуной радзецкой» был опубликован также ряд документов, освещающих связи Коммунистической партии Польши с ВКП (б) и компартиями Советской Украины и Советской Белоруссии — это тексты официальных приветствий в связи с проведением юбилейных торжеств или созывом съездов и др. Среди них можно отметить: приветствие ЦК КПП и ЦК КПЗУ XVI съезду ВКП (б) (7 VII 1930), приветствие ЦК КПП, направленное ЦК КП(б)Б в связи с десятилетием освобождения Белоруссии от польской оккупации (8 IX 1930), приветствие V съезда КПП — ЦК ВКП (б) и приветствие ЦК ВКП (б) — V съезду КПП (19 XI 1930), приветствие ЦК КПП Красной Армии в связи с ее 15-летием (23 II 1933), письмо ЦК КПП ЦК ВКП (б) в пятую годовщину со дня смерти Ф. Э. Дзержинского (26 VII 1931) и др.

Подводя итоги, следует сказать, что издание газеты «Трибуна радзецка» сыграло существенную роль в усилении агитационно-пропагандистской работы среди населения польской национальности в СССР. На ее страницах, особенно в первые годы издания, находили освещение различные стороны его жизни, участие в строительстве социалистического общества. «Трибуна радзецка» способствовала воспитанию чувства пролетарского интернационализма среди трудящихся Советского Союза и Польши.

БЛАНКА СВАДБОВА

БОЖЕНА НЕМЦОВА В ПРОГРЕССИВНОЙ ЧЕШСКОЙ КРИТИКЕ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Кто много пережил, тот многое познал,
Что для счастливых остается тайной.

Б. Немцова

«Творчество Божены Немцовой, бесспорно, принадлежит к прекраснейшим страницам чешского культурного наследия XIX в. Если бы нам предложили выбрать из всего этого наследия лишь несколько произведений, то среди них, вне всякого сомнения, оказалась бы „Бабушка“. Ибо это произведение стало близко и дорого каждому, всем слоям нашего народа». Этими словами начинается первая из статей Зденека Нееды, посвященных Б. Немцовой, которая была опубликована в 1922 г. под названием «Божена Немцова и Ратиборжицкая долина». Пять лет спустя вышло второе, несколько измененное издание статьи — «Божена Немцова». Позднее историк и искусствовед Зденек Нееды возвращался к творчеству Божены Немцовой в исторической монографии «Литомышль. Тысячелетие чешского города» (1934) (глава «Божена Немцова в Литомышле»), а также в статье «Божена Немцова», напечатанной в журнале «Var» в 1950 г.¹

В настоящей статье нам хотелось сосредоточить внимание на понимании личности и творчества Б. Немцовой — З. Нееды, Ф. К. Шальды и Ю. Фучика. В их исследованиях нас интересует прежде всего угол зрения, под которым рассматривается жизнь и творчество писательницы, и, конечно, выводы каждого из них — их сходство и различие. Ведь каждый из авторов — историк и искусствовед, литературный критик и эстетик, литературный критик и журналист — своими работами, несущими на себе печать времени и общественно-политической обстановки, а также личного отношения к предмету исследования, способствовал созданию мозаичного портрета нашей виднейшей писательницы XIX в.

Божена Немцова — очень богатое и интересное явление, поэтому не удивительно, что она оказалась в центре внимания историков чешской литературы. С 60-х годов до конца прошлого века работы о ней носили преимущественно биографический характер. С начала XX в. исследователи обратились к изучению связей между жизнью и творчеством писательницы, ее взаимоотношений с той интеллектуальной средой, в которой формировалось ее мировоззрение. Появились монографии о Б. Немцовой,

¹ Z. Nejedlý. Božena Němcová a Ratibořické údolí. Česká Skalice, b. d.; e r o ж e. Božena Němcová. Praha, 1927; e r o ж e. Litomyšl. Tisíc let života českého města. Praha, 1934; e r o ж e. Božena Němcová. «Var», 1950, № 3, s. 33—42.

исследования как общего, так и частного характера, например, о языке Б. Немцовой, о ее отношении к Словакии, о значении этнографических занятий и др. С 1951 г. началась публикация документов о жизни и творчестве Немцовой². В большинстве работ, посвященных творческому наследию писательницы, основное внимание уделяется значительному ее произведению — «Бабушка», переведенному на пятьдесят языков, выдержавшему в Советском Союзе несколько изданий.

Первая упомянутая работа З. Неедлы о Божене Немцовой была написана по просьбе Клуба чешских туристов в г. Ческа Скалица в связи с открытием памятника Бабушки скульптора О. Гутфройнда. Потрясенный ужасами войны, Неедлы с 1918 г. на протяжении нескольких лет обращается к кругу вопросов, позволяющих показать непреходящее значение чешской истории, живые и актуальные культурные ценности³. В этом аспекте исследование Неедлы о Б. Немцовой, несмотря на свой историко-литературный характер, органически вписывается во всю его научную работу. В эти годы З. Неедлы не занимался специально проблемами истории литературы, однако, как видно из библиографии, он все же иногда обращался к ним. Большинство его монографий было приурочено к юбилею того или иного писателя. И не случайно это были исключительно писатели XIX в. — Ирасек, Немцова, Новакова, Светла, Тыл, Галек. Именно в литературе XIX в. видел З. Неедлы основной вклад в сокровищницу чешской литературы, фундамент для ее дальнейшего развития, художественные ценности, превосходящие по значению литературу XX в. (Очевидно, акцентирование достижений литературы XIX в. привело к недооценке современной литературы.) Таким образом, можно отметить, что ученый подходил к историко-литературной тематике с той же задачей, какую он ставил перед собой в работах по истории — актуализировать духовные ценности прошлого.

Название первой работы З. Неедлы о Б. Немцовой подчеркивает преимущественный интерес исследователя к среде, из которой вышла писательница и которая значительно повлияла на все ее творчество. И хотя во втором, немного измененном издании Неедлы сужает название, оставляя лишь имя писательницы, и указывает в предисловии на переработку первого варианта книги, путем сопоставления обоих текстов можно установить, что за исключением дополненного предисловия, небольших стилистических исправлений и нового членения на главы, между ними нет существенной разницы. Исследователь здесь усиливает главную тему своей работы — отношение Б. Немцовой к данному региону.

Издание 1927 г. было дополнено кратким размышлением о роли утопической теории Ф. М. Клацела в идейном развитии Немцовой. Речь идет об оценке Б. Немцовой конституции, ее значения для деревенского люда и принятия новых законов крестьянами. Цитируя Немцову, Неедлы показывает, как она воплотила непосредственные впечатления революционного года в своем художественном творчестве, и конкретно — в рассказе «В замке и около замка». Неедлы вскрывает значение событий 1848 г. в идейном становлении Б. Немцовой и изменения отношения к ним в творчестве писательницы. Б. Немцова глубоко «прочувствовала и пережила» 1848 г., встав на твердые идейные позиции, несмотря на то что у нее не было соответствующего теоретического фундамента. Этому не противоречит

² Наиболее значительные работы: V. Tille. *Vožena Němcová*. Praha, 1911; кроме этого работы Я. Мукаржовского, Ф. Водички, Я. Вльчка; новейшая монография: M. Otruba. *Vožena Němcová*. Praha, 1962.

³ Здесь можно указать его издание «Краткой истории чешского народа» Палацкого с собственным предисловием, исследование «Учитель Ян Гус и его правда», «Белая Гора», «Габсбург и чешский народ» и др.

и тот факт, что именно в 1848 и 1849 гг. писательница, руководствуясь идеями гуманности, верой в добро, стремлением помочь человеку, познакомилась с утопической теорией Ф. М. Клацела, который ставил своей целью объединение людей одного мировоззрения и устранение социальных различий и разногласий⁴.

В монографии З. Неядлы о Б. Немцовой, явившейся плодом многолетнего изучения творчества писательницы, ощущается желание отойти от устоявшейся уже тематики предшествующих исследований, которые были посвящены, по словам З. Неядлы, либо сложностям ее жизненного пути, либо анализу «реальности творчества Немцовой, то есть того, что взято в ее произведения из действительности, а что нет». Неядлы стремился проследить в своей работе, как «Ратиборжичская долина, ее уголки, ее люди отражаются в искусстве Б. Немцовой»⁵, не отказываясь от рассмотрения реальных прототипов и событий, их художественной трансформации и воплощения. Исследуя претворение субъективных впечатлений и переживаний Б. Немцовой, ученый пришел к выводу, что «отношение Б. Немцовой к местам, которые она прославила в своих произведениях, является чисто идеальным». Именно одухотворенные восприятием писательницы, а не реальные Ратиборжиче интересовали З. Неядлы. Таким образом, он стремился исследовать не внешнюю взаимосвязь писательницы и региона, а живое, осмысленное, внутреннее отношение Б. Немцовой к среде, в которой она жила а также влияние этой преобразованной в ее сознании среды на ее творчество.

Материал расположен в исследованиях З. Неядлы 1922 и 1927 гг. в хронологическом порядке. Перед читателем проходит вся жизнь писательницы в тесной взаимосвязи с ее литературным творчеством. Общественно-политический и культурный контекст того времени показан в этих монографиях весьма скудно — лишь в тех случаях, когда автор хотел подчеркнуть выдающееся место Б. Немцовой среди ее сверстников, а также значение ее художественного наследия для дальнейшего развития чешской литературы.

Неядлы показывает большое влияние на формирование личности писательницы бабушки, которая скорее интуитивно, чем сознательно способствовала развитию в ней многих положительных качеств — чуткости, доброты, быстрого ума. Автор, ищущий корни идейной и этической позиции Б. Немцовой в годы зрелости, в своеобразной, скорее беллетристической, чем строго научной форме, прослеживает связующую нить бабушки и внучки и выделяет качества, которые Немцова переняла у бабушки⁶.

Говоря о дальнейшей судьбе будущей писательницы — о жизни в Хвалковицах, замужестве, исследуя полный драматизма жизненный путь писательницы, Неядлы вскрывает смысл ее возвращения в Ратиборжиче в 1844 г. Немцова вновь обрела здесь гармонию своего детства, дающую новую жизненную силу и богатую почву для литературного творче-

⁴ Немцова познакомилась с теорией Клацела преимущественно из переписки с ним. На просьбу Немцовой объяснить ей принципы своего учения Клацел ответил рядом статей, которые позже были изданы отдельной книгой под названием «Письма к приятельнице о происхождении социализма и коммунизма». Неядлы в этой связи подчеркивает ограниченность учения Клацела, незнание Маркса, утопизм и вытекающую отсюда половинчатость в решении проблемы. Для Немцовой знакомство с теорией Клацела послужило импульсом к дальнейшему развитию.

⁵ Z. Nejedlý. Vožena Němcová a Ratibořické údolí. Česká Skalice, 1922, s. 4.

⁶ «Уже тогда, в первые годы детства, проведенного на прекрасной ратиборжичской земле под опекой доброй и мудрой бабушки, в душе Немцовой образовался целый микрокосм, целый мир, пусть простой, но гармоничный. И это стало тем глубоким богатством, которое Немцова пронесла сквозь всю свою жизнь и как человек, и как художник. Что бы ни случилось потом, какие бы бури ни бушевали, этот мир остался в ней нетронутым». — Z. Nejedlý. Vožena Němcová, s. 37.

ства, и собственный неповторимый почерк, на который не повлияли модные тогда романтические тенденции⁷. Никто до З. Неедлы не изучал так тщательно живую связь Б. Немцовой с родным краем, где прошли ее детские годы.

Подчеркивая роль ратиборжицкого периода и нескольких кратких посещений писательницей края своего детства, Неедлы подготовил почву и для оценки домажлицкого периода, тогда еще мало изученного историками литературы. Немцова, как отметил З. Неедлы, близко узнала жизнь простого люда, обычаи и традиции хобдов, их думы и чаяния. Здесь происходило созревание ее писательской и человеческой личности. Если Ратиборжице в душе Б. Немцовой были окружены ореолом поэзии и гармонии детства, то Домажлице открыли ей реальную проблематику жизни деревни и небольшого городка, какой она была в середине 40-х годов прошлого века⁸. В домажлицкий период писательница обретает и критерий оценки действительности — не религиозный и не исторический, а социальный.

Как известно, З. Неедлы выше остальных произведений Б. Немцовой оценивал повесть «Бабушка». «Бабушка», как и «Проданная невеста» Сметаны, была для него образцом истинно народного чешского искусства⁹. Биографический очерк творческого пути Б. Немцовой становится в исследовании подготовкой для анализа повести «Бабушка», занимающего более трети работы. Писательница долго готовилась к созданию этого произведения; со времени ее первых записей о жизни в Ратиборжицах прошли годы, прежде чем она решила написать повесть. И прав З. Неедлы, когда говорит, что Немцова «не относилась к жизни с холодной рассудительностью, а напротив, принимала все близко к сердцу, вернее как бы впитывала все в себя. Таков уж был ее характер»¹⁰. Эти слова тонко передают сущность жизни и творчества Немцовой.

В центре внимания ученого оказалось значение повести «Бабушка» в контексте чешской литературы и в контексте творческого развития самой Б. Немцовой. Подобно другим исследователям, З. Неедлы высоко оценивал художественную и познавательную стороны повести, новизну подхода к проблематике сельской жизни. Неедлы также разделял мнение историков литературы, что в «Бабушке» Немцова воплотила свой идеал жизни и человека, что в этом произведении писательница хотела «представить картину жизни в Ратиборжицкой долине», причем описание местных обычаев было для нее лишь средством, а не самоцелью. Изображая сельскую действительность, создавая выразительный образ мудрой бабушки, Немцова приблизилась к решению важных общечеловеческих проблем, не нарушая при этом своего принципа гармонии, которой отмечены судьбы ратиборжицких жителей; работая над повестью, Немцова стремилась найти свой счастливый мир.

Отличительной чертой работы З. Неедлы является конкретный разбор исторического фона в повести «Бабушка» и изучение степени художественной трансформации Ратиборжиц в произведении.

Как историк, З. Неедлы прослеживает, что соответствует в повести исторической правде, а что — вымысел. При этом он убежден, что «решающую роль, в большей степени чем сама действительность, играет писательская воля Немцовой, сила ее творчества».

Писательница при создании повести обращается к воспоминаниям детских лет, особенно заметно отразившимся в передаче местного колорита,

⁷ Ibid., s. 53, 56.

⁸ Ibid., s. 73.

⁹ Ibid., s. 102.

¹⁰ Ibid., s. 91.

в образе бабушки, в описании народных обычаев, праздников и т. д. З. Неедлы показывает историческую реальность деталей, отдельных людей и событий, прослеживая их восприятие Б. Немцовой и воплощение их в художественных образах.

Так же как и в отношении Ратиборжиц, ученый пытается раскрыть реальный прототип образа бабушки, понимая при этом, что писательница создала в нем скорее свой жизненный идеал, воплотивший наряду с впечатлениями детства весь жизненный опыт Б. Немцовой. З. Неедлы находит признаки реального прототипа бабушки только в повествовании о ее молодости и в отдельных деталях.

Из более ранних произведений писательницы З. Неедлы подробнее всего останавливается на повести «В замке и около замка», на материале которой он исследует отношение Немцовой к политическим событиям тех лет. Высоко оценивая повесть «Бабушка», имевшую необычайный успех и у читателя, З. Неедлы критически относится ко всему, что написала Б. Немцова после этого центрального и основного в ее творчестве произведения. По мнению З. Неедлы, писательница исчерпала в этой единственной книге весь свой жизненный и духовный опыт и поэтому не могла уже в своих последующих произведениях развивать эту тематику¹¹. Признавая незаурядные художественные достоинства некоторых из них, ученый все же полагал, что они не могли достичь «космической глубины» «Бабушки». Так, например, говоря о позднем рассказе писательницы «Горная деревня», Неедлы видит основной его недостаток не в тенденциозности, а в отрыве от реальной, конкретной действительности. «Это особенно очевидно подтверждает огромное значение Ратиборжиц для Б. Немцовой. Несомненно, они были для нее самым конкретным миром, и поэтому только на их почве могло возникнуть самое совершенное произведение писательницы»¹².

В этом суждении, конечно, есть доля истины, однако нельзя переоценивать значение первых детских впечатлений. Немцова, поставив и разрешив в повести определенные проблемы, считала их для себя, таким образом, исчерпанными. Ее творчество развивалось дальше, определяемое уже не далеким миром детства и юности, в котором она искала прибежище для души в момент тяжелого жизненного кризиса, а непосредственным, каждодневным опытом взрослой женщины, писательницы. Регион, пусть и трансформированный и модифицированный ее творческим воображением, был для нее уже пройденным этапом.

В конце своего исследования З. Неедлы, не давая каких-либо обобщений или характеристики творчества Б. Немцовой, лаконично повествует о последних трагических месяцах жизни писательницы и завершает свою работу словами о том, что «Бабушка» была в ее жизни последним и самым большим счастьем. «Душа ее, преисполненная бесконечной любви и нежности, пришла в этот суровый и жестокий мир, чтобы создать для него из самого своего дорогого светлый образ настоящей, теплой любви, искренней и теплой человечности. И это было ее единственным предназначением»¹³.

Эпилогом о Ратиборжицкой долине завершает З. Неедлы свое второе исследование, проникнутое, как и первое, большим уважением и любовью к великой чешской писательнице. Автор стремился приблизиться к ее

¹¹ По мнению Неедлы, «такое произведение всегда может быть лишь единственным, особенно если оно так полно вбирает в себя весь смысл жизни, как в случае „Бабушки“». — Ibid., s. 160.

¹² Ibid., s. 171.

¹³ Ibid., s. 176.

миру и понять его, что нередко приводило к потере исторической перспективы в оценке жизни и творчества Немцовой.

Работая над новой исторической монографией о городе Литомышле, З. Неедлы создал очерк о Б. Немцовой. Он не был построен по принципу исчерпывающего изложения биографии писательницы, как предыдущая работа; стержнем повествования стали три посещения Б. Немцовой этого культурного центра в Восточной Чехии и связанные с ними драматические моменты в ее жизни. Мы не будем специально останавливаться на разборе этой небольшой работы; по сравнению с исследованиями З. Неедлы 20-х годов она не принесла почти ничего нового.

Это становится еще более очевидным, если прочесть, например, доклад З. Неедлы о Б. Немцовой (1950). Неедлы, в жизни которого творчество Немцовой сыграло значительную роль, сумел здесь создать ее впечатляющий портрет, где, в отличие от работ 20-х годов, писательница была представлена в широком контексте политической и культурной жизни Чехии и Европы тех лет. На этом фоне Неедлы вкратце обрисовал жизнь Б. Немцовой и подчеркнул ее значение как писательницы и передовой женщины своего времени, ее бунтарскую роль в жизни чешского общества. В отличие от ранних работ, здесь большее внимание уделяется фактам личной жизни Б. Немцовой. Необходимо отметить и некоторое упрощение проблемы реализма Немцовой и, кроме того, чересчур высокую по сравнению с прошлой оценкой идейного и художественного уровня рассказа «В замке и около замка». Можно полемизировать с Неедлы и по некоторым частным вопросам.

Специального внимания заслуживает вопрос о языке произведений Б. Немцовой в оценке З. Неедлы. На первый взгляд кажется странным, что первое упоминание о языке Б. Немцовой можно обнаружить только в выступлении 1950 г., где ученый характеризует его как простой, понятный, красивый и выразительный. Новаторство творчества Б. Немцовой заключается не только в содержании произведений и художественном воплощении ее идей, но и в формальном поиске, в освобождении от мертвых оборотов тогдашнего литературного языка с помощью живой народной речи, в умении использовать язык как средство характеристики персонажа. Это мог почувствовать и З. Неедлы, который сам мастерски владел языком и высоко ценил как стилиста своего учителя И. Голла. И все же в своих работах 20-х годов ученый сосредотачивает внимание на других, не языковых проблемах, отмечая лишь вскользь, что Б. Немцова нашла «непосредственный способ выражения», ожививший язык «Бабушки». Нам представляется, что отсутствие исследования языка писательницы обеднило работы З. Неедлы о ее творчестве.

Эти исследования, в которых повествование о жизни писательницы сочетается с анализом ее произведений, носят историко-литературный характер; почерк автора-историка виден в особом методе изучения, в биографическом способе изложения материала, в соблюдении хронологической последовательности, в невнимании к языку и стилю произведений. Основным в этих работах является анализ повести «Бабушка», а изложение фактов биографии писательницы и показ ее творческого пути имеют второстепенное, как бы подготовительное значение. Своим общим настроением, формой исследования З. Неедлы производят впечатление глубоко личного, взволнованного рассказа от лица человека, который любит произведения Б. Немцовой, разделяет ее взгляды на жизнь и нравственную позицию. При анализе повести «Бабушка» автор в какой-то мере отходит от заданного в предисловии направления; он исследует историческую основу произведения и только потом — тип ее художественного воплощения и степень художественной правдивости в повести.

Работа подчинена главной цели, присущей всем исследованиям З. Неедлы о Б. Немцовой — историческому обоснованию значения личности и творчества Б. Немцовой для литературы XIX и XX вв.

Остановимся теперь на проблеме оценки личности и творчества Божены Немцовой литературным критиком и эстетиком Ф. К. Шальдой. «Когда Зима приходит, далеко ли до Весны?» Эти слова из стихотворения Шелли, которыми Ф. К. Шальда завершает свою первую статью о Б. Немцовой, точно передают сущность мироощущения писательницы и основной тон ее произведений. Цитата из Шелли в известной мере связана и с направлением исследования Шальды. Первая статья Ф. К. Шальды о Б. Немцовой была опубликована во втором томе его книги «Душа и творчество», за девять лет до статьи З. Неедлы. К творчеству Б. Немцовой критик вновь обратился в 1933 г., когда им была написана статья «Поэтический тип Божены Немцовой»¹⁴. Главное отличие этих работ от исследований З. Неедлы заключалось в ином подходе к проблеме реализма Б. Немцовой. Кроме того, Ф. К. Шальда рассматривал чешскую писательницу в контексте европейской литературы, обращая внимание на отличие ее творчества от произведений европейских реалистов¹⁵.

В первой из названных работ критик выступал против упрощенного понимания творчества Б. Немцовой как явления, стоящего на грани между романтизмом и реализмом. По мнению Ф. К. Шальды, оно развивалось вне общего движения литературы, находясь в непосредственной зависимости от той роли, которую в жизни Б. Немцовой играла литературная деятельность. Она была для писательницы единственным светлым лучом, счастьем, помогавшим ей в самые трудные минуты. Мир литературных героев Б. Немцовой с их судьбами Ф. К. Шальда, как и другие исследователи, характеризует как гармоничный, «добродетельно-сказочный». Подчеркивая отражение в творчестве Б. Немцовой ее собственной внутренней жизни, Шальда тем самым оправдывал свою методику, посредством которой он исследовал специфику творчества писательницы.

Взгляд Шальды на проблему соотношения реализма и романтизма в произведениях Б. Немцовой выражен уже в первых его работах. Так как литература для Немцовой заменяла собой реальную жизнь с ее заботами и тревогами, писательница помещала своих литературных героев в мир мечты, которому чуждо «укорененное и принципиальное имманентное зло»; это был мир, в котором писательница симпатизировала и сочувствовала всем обездоленным и радовалась вместе со счастливыми. Для подкрепления характеристики, данной творчеству Б. Немцовой, Шальда приводит конкретные примеры из самых разных ее произведений, свидетельствующие о ее понимании человека как существа доброго, самоотверженного и благородного, способного прощать, преодолевающего социальные барьеры. Ф. К. Шальда, исследуя эти примеры, пришел к выводу об идейном единстве творчества Б. Немцовой на всем пути его развития — от первых сказок до последних рассказов. В результате произведенного анализа отдельных персонажей критик приходит к выводу, встречающемуся и в других работах о Немцовой: «В этом мире очень мало подлинного зла, укорененного в человеческом сердце, откуда его можно вырвать только с самим корнем». Действительно, все творчество Б. Немцовой проникнуто верой в естественную доброту человеческого сердца. Ф. К. Шальда поставил перед собой вопрос: в чем источник этой веры писательницы в возможность гармонии человеческих отношений? Его ответ был одно-

¹⁴ F. X. Sald a. Božena Němcová. In: Duše a dílo. Podobizny a medailony. Praha, 1913, s. 99—115; е г о ж е. Básnický typ Boženy Němcové. In: Saldův zápisník 6, 1933—1934, s. 253—261.

¹⁵ F. X. Sald a. Duše a dílo, s. 103.

значен — в глубокой связи с природой. «Природа была для Немцовой великой целительницей от болезней культуры, в ней она видела вечные источники не только здоровья, но и правды. Утопия Руссо эхом отзывается в ее поэтических грезах и придает им легкий оттенок умозрительности»¹⁶. В этих словах Ф. К. Шальды заключается основа его оценки творчества Б. Немцовой.

Поэтому здесь исследователь возражает против упрощенного понимания проблемы соотношения романтизма и реализма в творчестве Б. Немцовой, говоря, что если судить о реализме произведения по тому, «насколько в нем удалось отразить переплетения и разветвления зла во вселенной... и как показана его роль в мировой драме», то творчество Б. Немцовой нельзя назвать реалистическим. В понимании Шальды именно гармонический аккорд, доминирующий в произведениях Б. Немцовой, отличает ее творчество от современного трагического искусства, не нарушая своеобразия и новаторства ее творчества в контексте чешской литературы. Стремясь подчеркнуть и обосновать свое мнение о специфике творчества Немцовой в контексте современного европейского искусства, критик прослеживает мотив любви в ее творчестве, чуждый характерному для других современных произведений трагизму, а являющийся «выражением природной доброты и благотворной силы». Сравнивая творчество Б. Немцовой и европейских писателей, Ф. К. Шальда приходит к заключению, что своим пониманием любви «как облагораживающей и очищающей человека» силы, Б. Немцова отделяется от присущих реалистическому творчеству тенденций.

Мотив любви, который Шальда называет одним из важнейших моментов общей нравственной концепции этой «поэтессы человеческого братства», стал ведущим не только в жизни Б. Немцовой, но и во всем ее творчестве. В исследовании показано, как в лучших произведениях Немцовой он вырастает в художественную закономерность, в этический постулат, а в ряде случаев и в социальную тенденцию. В выводах Ф. К. Шальды об этом программном перерастании мотива любви в художественную концепцию заключается, на наш взгляд, новаторство его подхода к творчеству Б. Немцовой. Шальда подтверждает свою мысль конкретным анализом произведений «Хижина в горах», «Бабушка», «Горная деревня», «В замке и около замка» и «Бедные люди», поскольку в них, по его мнению, наиболее ярко отражены представления Немцовой о гармонии, братстве, единстве, близости к природе, исцеляющей человеческую боль и горести. Шальда совершенно справедливо отмечает, что особенно отчетливо это выражено в образе бабушки, наделенном мудростью, воплотившем высоту истинно свободной и исполненной божественной любви человеческой души. От этой оценки «Бабушки» всего лишь шаг до основного вывода Шальды о том, что в творчестве Немцовой происходит своего рода симбиоз гармонии духа природы с духом христианства¹⁷, а религиозные убеждения писательницы близки к славянской модификации «Бога добрых людей» Беранже¹⁸. Можно не соглашаться с Шальдой в оценке христианства Божены Немцовой, где он смешивает две качественно различные ценности, т. е. гармонию и любовь, с одной стороны, и христианство — с другой, однако остается фактом, что он первым из исследователей сделал попытку

¹⁶ Ibid., s. 107—108.

¹⁷ «Любовь к природе всегда приводит у Немцовой к вере в извечное добро, в принцип вечной гармонии, в милосердного бога. В любви к природе и к ближнему человек познает свою силу и свои границы, учась покорно склоняться перед высшей волей. Счастье у нее — не что иное, как покорно принимаемая судьба, претворяемая и возвышаемая тем самым в нравственный долг души». — Ibid., s. 111.

¹⁸ Ibid., s. 113.

целостного понимания художественной и философской природы творчества Б. Немцовой.

Завершая свой анализ идейно-философской основы произведений Немцовой (анализ художественных достоинств им не производился, здесь же он мимоходом дает критическую оценку «Подгорской деревне» и «В замке и около замка»), Ф. К. Шальда останавливается и на формальной стороне ее «искусства чувств». В конце статьи дается общая характеристика творчества писательницы. Немцова, по словам исследователя, обогатила чешскую литературу произведениями, не отражающими противоречия своего времени, но проникнутыми чистотой, внутренней гармонией, верой и надеждами человеческого сердца.

Вторая статья Ф. К. Шальды, посвященная Б. Немцовой («Поэтический облик Б. Немцовой»), написанная спустя 20 лет, близка по духу и направленности первой. Здесь автор указывает тематический источник произведений Немцовой — надежды, мечты и воспоминания писательницы. Шальда высоко оценивает прозорливость, присущую Б. Немцовой, гармонию, которой проникнуты ее произведения. Он замечает, что в понимании Немцовой человек выступает как существо нравственно здоровое, доброе от природы, спасенное «благодаря христианству» от дурных побуждений, бесов подсознания, а любовь — «как животворная созидательная сила, наполняющая человека счастьем и ведущая его к телесному и духовному спасению»¹⁹. Ф. К. Шальда характеризует Немцову как религиозную поэтессу, которая несмотря на либерально-радикальные взгляды на реальную действительность создает произведения, проникнутые гармонией, любовью и добродетелью, не отражая в них отрицательных явлений своего времени.

Во второй статье Шальды звучат и новые ноты, прежде всего в частичном изменении общей оценки содержательных и формальных приемов у Немцовой, в определении ее творчества как воспевания бедных, в смещении представлений о соотношении реалистических и романтических тенденций в ее произведениях. Об этом свидетельствуют следующие слова Шальды: «В своих произведениях Немцова показала картину социального расслоения так широко, как никто из представителей ее класса. Может быть, она одна из первых увидела противоборство классов и групп в чешском обществе того времени, однако, будучи сердцем и душой социалисткой, она не довольствовалась простой констатацией этого факта, а всеми силами преобразовывала его в гармонию согласия и примирения»²⁰. По убеждению Ф. К. Шальды, здесь и находится граница между романтизмом и реализмом у Немцовой. Ее персонажи конкретны и реальны, они вырастают из подлинной действительности и изображаются правдиво, во всем разнообразии жизненных деталей, обычаев и черт. Изображаемое обусловлено общим характером произведения — мечтой «о более человеческой, доброй и светлой жизни». В конце статьи исследователь пишет: «Внешний мир не существует в произведениях Немцовой самостоятельно, как объект познания, анализа или пластического воссоздания. Он служит своего рода музыкальным сопровождением внутренней лирической интонации произведений и открывается перед нами через проникновение в сердце писательницы»²¹.

Статьи Ф. К. Шальды о Б. Немцовой, несмотря на его переоценку значения религиозного аспекта в ее творчестве, несомненно, внесли большой вклад в изучение истории чешской литературы. Впервые творчество писательницы было рассмотрено в контексте европейской литературы.

¹⁹ F. X. Šalda. Šaldův zápisník 6, 1933—1934, s. 258.

²⁰ Ibid., s. 258—259.

²¹ Ibid., s. 260—261.

Исследователь показал и специфические его черты, а также закономерности развития художественного мировоззрения Б. Немцовой, отражение идейно-правственных исканий писательницы в ее наиболее значительных произведениях. Это позволило Ф. К. Шальде выявить глубинные корни творчества Б. Немцовой, а во второй статье проследить соотношение реализма и романтизма в ее произведениях.

Следующей попыткой интерпретации творчества Немцовой, которую хотелось бы рассмотреть, явилось одно из значительнейших исследований о ней, принадлежащее перу Ю. Фучика²². Автор в известной степени полемизирует с Ф. К. Шальдой, а также со сторонниками идеалистического толкования истории литературы. Написанная во время второй мировой войны, работа Ю. Фучика ориентирована на сравнение Немцовой с Магдаленой Добромилой Реттиговой, на сравнение двух типов женщин-писательниц, представительниц своего времени. М. Д. Реттигова, представительница предмартовской Чехии, женщина, которую Б. Немцова очень хорошо знала в Литомышле и которую высоко ценила, явилась для автора исследования возможностью показать Немцову как тип новой, бунтующей женщины, личность и творчество которой далеко переросли ее время. В отличие от своей старшей современницы, Б. Немцова выступает в работе как личность, преодолевшая рамки своего узкого социального круга. Реттигова, писательница весьма далекая от идейных исканий де Сталь и Ж. Санд, была характерной представительницей культурной жизни Чехии того времени, олицетворяя собой опасность мещанского самоуспокоения, боязни сильных потрясений и коренных перемен. Напротив, Немцова показана как отважный боец, утверждающий свои взгляды и убеждения не только творчеством, но и всей своей жизнью, поступками, мышлением. Стремясь точнее воссоздать образ женщины, всем своим существом высвобождающейся от условностей морали и условностей литературы, автор дал его на фоне образа ее предшественницы, которая не преодолела, не могла, а по существу и не хотела преодолеть эти границы.

Ю. Фучик не ставил целью своего исследования анализ и оценку творчества Б. Немцовой, он стремился воссоздать образ женщины-писательницы в динамике развития ее личности и мировоззрения. Целью работы было показать читателю процесс прогрессивного созревания писательницы и отражение этого созревания в ее литературном творчестве. Ю. Фучик представил читателю не мученицу, а сильную духом женщину, писательницу, чья жизнь была сознательно заполнена борьбой и исканиями, без которых не могло бы существовать ее творчество. Стремясь осознать личность Немцовой во всей ее полноте, Ю. Фучик не только сопоставляет ее с Реттиговой, но постоянно учитывает современную ей культурно-историческую атмосферу в обществе. Благодаря этому становится особенно очевидным, насколько писательница превосходила представителей своего класса. По его убеждению, трагизм судьбы писательницы заключался в непонимании современниками величия ее творческого духа, опередившего свою эпоху не только в области выбора тематики, метода ее воплощения, но и в языковой выразительности.

Говоря в этой связи о том, что язык произведений Б. Немцовой — это «язык живой, непосредственный, прямой, способный не повторять старое, а выражать то новое, что до сих пор не было высказано»²³, Ю. Фучик отмечает тем самым одну сторону искусства Б. Немцовой — его содержательность. Второй существенной стороной, которая отличает писательницу от современной литературной условности, является то, как

²² J. F u č í k. Božena Němcová bojující. Praha, 1940.

²³ Ibid., s. 19.

выражается это содержание. Не останавливаясь более подробно на языковой стороне творчества Немцовой, Фучик уделяет в статье особое место теоретическим размышлениям о функции речи как средства выражения сознания, подкрепляя свои положения конкретным примером творчества Б. Немцовой. Будучи выразительницей нового сознания, она неизбежно должна была обратиться к новым речевым средствам, отличавшимся от языка ее предшественников. А так как мировоззрение Б. Немцовой связано с жизнью народа, именно в народной речи писательница нашла новый источник художественной выразительности.

С этой точки зрения Фучик, по-видимому справедливо, считает Немцову «бунтарем в области языка», осуществляющим «литературную революцию». Ю. Фучик создал в своей статье цельный образ Б. Немцовой как писательницы и передовой женщины своего времени, охарактеризовав и оценив ее роль в женском движении 40-х годов прошлого века, уделяя внимание содержательной полноте ее произведений и их формальной стороне, причем в центре его интереса находятся не столько произведения сами по себе, сколько личность писательницы. Проследивая развитие ее творчества, Ю. Фучик стремился показать прежде всего бунт писательницы против застоявшихся литературных норм, его сущность и истоки. Критик находит их в самой писательнице, в ее стремлении к самовыражению, к отражению болезней своего времени.

Участие Б. Немцовой в женском движении, как справедливо отметил Ю. Фучик, не заключалось в непосредственной воспитательно-просветительской работе или провозглашении идей эмансипации. Значение Немцовой для женского движения заключалось в конкретном, практическом поведении писательницы, в стремлении утвердить достоинство женщины, ее равноправие и способность к творческой деятельности. Эта столь характерная для Немцовой черта, ставшая впоследствии причиной ее одиночества, типична и для ее творчества. Уже в первых произведениях Б. Немцовой звучит тема свободной, духовно раскрепощенной, равноправной с мужчиной женщины. Анализируя в этом аспекте произведения Б. Немцовой и ее высказывания о роли и месте женщины в обществе, Ю. Фучик отмечал характерную для писательницы идею достижения женского равноправия благодаря просвещению, главную же причину зависимого положения женщин в буржуазном обществе — экономическую — Б. Немцова не видела²⁴. С этой точки зрения Фучик усматривает трагедию Немцовой в противоречии между ее образованностью и ориентацией, способностями и возможностями, в противоречии между ее мечтой об изменении мира и ограниченностью среды. Ю. Фучик в этой связи замечает, что идея женского образования проходит через многие художественные произведения Б. Немцовой, звучит в ее письмах и статьях о Словакии. Выдвигая требование образования для женщин как необходимого условия ее равноправия с мужчиной, Б. Немцова, по словам Ю. Фучика, «исходила из своего личного опыта, широко его обобщая»²⁵.

Главное поле деятельности раскрепощенной женщины Немцова видела в чешском национально-освободительном движении. Революционной назвал Ю. Фучик идею писательницы о том, что «только общими усилиями мужчин и женщин можно достичь более совершенного устройства мира»²⁶. Проследивая идейное развитие Б. Немцовой от религиозных исканий к участию в национальном движении, путь писательницы к истинно гуманистическому мировоззрению, сознательно уделяя большое внимание ее взглядам на женскую проблему, Ю. Фучик приблизился к пониманию

²⁴ Ibid., s. 37.

²⁵ Ibid., s. 39.

²⁶ Ibid., s. 36.

этой борющейся личности, истоков ее разрыва со своим социальным кругом. Постоянно проводимое Фучиком сопоставление современной политической ситуации, местной чешской среды, безрадостной атмосферы австрийского режима с позицией, идеями и взглядами Немцовой дало ему возможность воссоздать целостный образ гуманистически настроенной писательницы, борющейся за основные человеческие права.

Хотя статья в целом посвящена развитию мировоззрения Б. Немцовой, ее идейному росту, Ю. Фучик завершает свое исследование анализом отражения идейных позиций в творчестве писательницы. Ю. Фучик, строивший свою статью по принципу контрастного противопоставления (социальная среда — писательница, Реттигова — Немцова), пришел к выводу, что подобным принципом пользовалась в своем творчестве и Б. Немцова. «Контраст, как способ видения общественных противоречий, лежит в основе представления писательницы о бедности»²⁷, — подчеркивал он. Говоря о значении статьи Б. Немцовой «Сельская политика» (1848), Ю. Фучик выявил корни этого художественного метода писательницы. «Б. Немцова, — писал он, — видит безысходную нищету, неизбежную в своих социальных основах. До Б. Немцовой никто из чешских писателей не выражал с такой непосредственностью и прямой точкой зрения рабочего, трудящегося на господскую свободу. Ее взгляд на жизнь был у нас просто эпохальным: это был взгляд с другого берега»²⁸. Ю. Фучик показал, что корни идейного новаторства Б. Немцовой заключаются в ее интуитивном понимании обусловленности человеческого сознания бытием как материальным процессом, неизбежности различного восприятия жизни у людей разного социального положения.

В требовании непосредственного участия женщины в преобразовании мира Б. Немцова шла дальше многих своих современников. Однако конечная цель женской эмансипации и средства ее достижения не были четко ею определены. Этим и объясняет Ю. Фучик противоречивость творчества Б. Немцовой, борьбу реалистических и романтических элементов в ее произведениях. Под этим углом зрения рассматривает Ю. Фучик и характерные для писательницы счастливые концовки, когда «острый и злободневный рассказ превращается в сказку», когда реалистическое изображение жизни завершается романтическим финалом. Б. Немцова не знала конкретных путей решения социально-правственных проблем своего времени, поэтому они оказались сведены в ее произведениях к «простому акту вмешательства и помощи доброго человека». Когда писательница «хочет завершить свою картину жизни идеей радости и счастья», она возвращается к идеалу детства, который Ю. Фучик называет «органическим продолжением ее пути вперед»²⁹. С этой точки зрения Ю. Фучик характеризует развитие мировоззрения Б. Немцовой, пришедшей к идеалу чистых отношений между людьми в обществе, как единое, позитивное и органичное.

Мы попытались проанализировать статьи трех крупнейших критиков и историков чешской литературы, каждый из которых по-своему подходил к изучению личности и творчества Божены Немцовой. З. Неедлы рассматривал жизнь и творчество писательницы с точки зрения истории чешской культуры, придавая большое значение роли региона. Идейно-философский аспект исследования творчества Б. Немцовой доминирует в статьях Ф. К. Шальды. Ю. Фучик представляет в нашей работе марксистскую критику; с партийных позиций он рассматривал роль Б. Немцовой в развитии чешской культуры и значение ее наследия для современности.

²⁷ Ibid., s. 50.

²⁸ Ibid., s. 53.

²⁹ Ibid., s. 58—59.

Г. Я. ИЛЬИНА

МИРОСЛАВ КРЛЕЖА И СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЮГОСЛАВИИ

В статье «Барбюс—Баррес, параллель» М. Крлежа пишет следующие строки о значении романа А. Барбюса «Огонь»: «Будучи французским солдатом, Анри Барбюс еще в 1915 году, в огне войны, подался в бунтовщики, от имени необозримой массы французского и международного пушечного мяса закричав во весь голос, больше по велению сердца, чем как политический идеолог, о том, что война преступное сумасшествие, и голос этого человека за несколько дней словно раскат грома разнесся громче всей военной пропаганды. „Огонь“ Барбюса — произведение писателя, от которого как от среднего беллетриста, никто не мог и ожидать, что он станет знаменосцем целого поколения Европы. „Огонь“ — это крик тонущего, взывающего о помощи над развалинами европейской цивилизации, это фанатический бунт против бессмысленной резни, истощавшей Европу вот уже второй год. „Огонь“ — это всплеск дикой, инстинктивной ненависти к войне, ненависти, которая через год — два во всем мире выльется в осмысленный эстетический, этический и политический протест революционного движения». Заключает статью вывод: «Я убежден, что, осуществляя духовную миссию в самом центре латинской цивилизации, „Огонь“ Барбюса в 1916 году вспыхнул перед воротами этой вековой западноевропейской твердыни Духа как первый сознательный сигнал ленинизма во Франции»¹.

Мне показалось целесообразным привести столь подробные выдержки, так как сказанное в них, на мой взгляд, с полным правом может быть отнесено к творческому развитию самого Мирослава Крлежи и его роли в закладывании основ пролетарской литературы в Югославии. И если Барбюс, по мнению хорватского писателя, с момента работы над романом «Огонь» до организации группы и журнала «Кларте» (1919) сложился в писателя-революционера, то и для самого Крлежи период создания «Хорватского бога Марса» (1916—1923), издание журнала «Пламен» (1919), время вплоть до выхода журнала «Книжевна република» (1923—1927) являются вехами общественно-эстетической эволюции. 1923 годом она, разумеется, не завершается. Это просто граница одного из периодов долгого творческого пути писателя, периода чрезвычайно существенного не только для него самого, но и для хорватской и всей югославской литературы.

Сравнение с Барбюсом, идейно-тематическая перекличка романа «Огонь» и цикла рассказов «Хорватский бог Марс», хронологическая близость возникновения этих произведений в литературах народов, находив-

¹ М. Крлежа. *Sabrana djela*. Zagreb., 1962, sv. 19, s. 164, 172.

стихся в разных воюющих станах, не случайно. Оно говорит о типологической закономерности зарождения революционных течений в европейских литературах. Оно говорит и об огромном художественном диапазоне этих течений. И французский и хорватский писатели были непосредственными участниками империалистической войны, они на собственном опыте почувствовали ее тяготы, прекрасно знали психологию солдат. Оба они стихийно подошли к пониманию того, что четко сформулировал В. И. Ленин: «Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами»².

Вот почему тема войны стала концентрированным выражением их отношения не только к милитаризму, разрушающему духовные и материальные ценности, но и ко всей системе буржуазных отношений. Вот почему в центре внимания обоих писателей оказались народные массы, одетые в солдатские шинели, их тяжкий, кровавый солдатский труд. Приступая к этой теме, оба писателя прежде всего хотели выразить свою ненависть к войне, показать ее полную чуждость воюющим солдатам. Однако в процессе самой работы от стихийного нигилизма они приходили к постепенному осознанию силы зреющего народного протеста. Слово «постепенно» может быть и не очень подходит для данного случая, ибо этот процесс совершался в вихре надвигающихся революционных потрясений — Октябрьская революция, революционное движение в собственной стране (апогея в Хорватии оно достигло в 1918—1919 гг.), революционные события в Венгрии и Германии. Исторический отрезок очень мал. Он мал даже с точки зрения одной человеческой жизни. Всего несколько лет.

Политический выбор был сделан. Оба писателя связали себя с коммунистическим движением. Был сделан и выбор идейно-эстетический. Этот выбор подготавливался всеми предшествующими размышлениями Крлежи, поисками, заблуждениями и их преодолением. В этом смысле дневниковые записи Крлежи представляют богатейший материал, позволяющий проследить как исподволь формировалась позиция, основанная на отрицании существующей литературы, ее мелкотемья и национальной ограниченности. Несоответствие этой литературы времени стало особенно очевидным в военные дни.

1914 год. Первый год войны. Молодой писатель записывает: «Через наш вокзал днем и ночью проходят поезда, в них сотни тысяч невинно осужденных отправляются на смерть. Приходят полные вагоны раненых, без рук, без ног, и все они живут рядом с нами в этом маленьком городе и целыми ночами рядом с нами стонут в больницах, здесь умирают, здесь их хоронят — похоронные процессии идут через город, глухие процессии по глупым улицам, и в это время в глупых кафе сидят глупцы, занятые idiotскими эгоистическими проблемами своих idiotских любовных треугольников. Пишутся стихи об этой глухой любви, плачущей на улице под гитару. „Вечно женское“ выражается в наивных перепевах старинных канцон. Где же вкус? И так все это продолжается до сих пор»³. Жажда истины пока еще воплощается в мечте о символично-утопическом голубом острове.

1915 год. Ощущение стыда за все совершающееся, стыда перед солдатами и их семьями. Не покидающее писателя стремление найти выход ощущается им как физическая боль: «Были людьми, а теперь мы подлые чу-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 154.

³ М. Крлежа. Ibid., sv. 11—12, s. 33.

довища. В болезненной, тоскливой неизвестности меня одолевает мучительный поиск выхода»⁴.

1916 — мотив домобрана (солдат хорватских частей австро-венгерской армии) проходит красной нитью почти через весь текст. В противовес всему шаблонному в литературе, сентиментально слащавому, оторванному от времени Крлежа противопоставляет две линии, по которым продолжают его собственные поиски: «какофония „Кралева“ августа прошлого года и этот проклятый домобранский контрапункт...»⁵. В 1915 г. им была написана символично-экспрессионистическая драма «Кралево», именем которой Крлежа кратко выразил сущность произведений философско-универсального плана. Эта линия будет продолжена в драмах «Микеланджело Буонарроти» (1918), «Кристофор Колумб» (1919), в поэзии 1917—1919 гг. Она присутствует и в экспрессионистически заостренной, условно-аллегорической прозе этих лет, как например «Гроссмейстер подлости» и в драматургическом цикле: «В лагере» (первоначальное название «Галиция», 1922), «Голгофа» (1922) и «Вучяк» (1923). Параллельно, вернее во взаимодействии с этой линией, в творчестве писателя выкристаллизовывается другая линия, которую он условно называет домобранской. И называет неслучайно, так как именно с художественным освоением антивоенной темы, положения хорватского солдата в австро-венгерской армии связано приобщение Крлежи к гражданскому искусству. В дневнике Крлежи от 15 ноября 1917 г. есть запись: «Яна Комушар, домобранны Цафук и Ямбрек имеют право на своих поэтов»⁶.

Эти две линии, то обособляясь в отдельных произведениях, то переплетаясь и дополняя друг друга, будут присутствовать в творчестве писателя в разной степени в разных родах литературы, к которым он обращался. Естественно, линия «Кралева» больше отвечала специфике поэзии Крлежи и его драмы этого времени, линия «домобранны» находила более полное развитие в прозе. Объединяло их выраженное уже в 1916 г. понимание того, что «писатель прежде всего должен быть мыслителем, который имеет ясное и логичное представление о вещах. Писатель, если он достоин своего призвания, должен (подобно ученому) уметь объяснить отдельные примеры и знать в каждом отдельном случае, чего он хочет. Он должен изображать жизнь в координатах своего времени и пространства, реально и правдиво, то есть так как он ее видит, а не переписывать то, что он видел написанным у других»⁷.

Все последующее движение писателя к социализму, восприятие идей Маркса и Ленина, признание эпохального значения в истории всех народов залпа крейсера «Аврора» — все это нашло конденсированное выражение в журнале «Пламен». Как писал позднее Крлежа, в период уличных боев и баррикад, когда на бульварах «лаяли пулеметы», в период митингов и забастовок оба редактора — М. Крлежи и А. Цесарец — отдали свой голос «санкюлотам и рабам» в глубоком убеждении, что только благодаря их несокрушимой энергии возможен социальный и культурный прогресс. Так возник первый в Югославии революционный журнал, положивший в межвоенный период начало пролетарской литературе. Значение журнала определялось не только политической позицией редакторов, но и их новым, хотя еще весьма противоречивым пониманием задач революционного искусства. Оно не было тогда марксистским, как впоследствии писали сами Крлежа и Цесарец, но главный шаг в этом направлении был сделан: осознана тесная связь между революцией культурной и социальной, глав-

⁴ Ibid., s. 67—68.

⁵ Ibid., s. 154—155.

⁶ Ibid., s. 302.

⁷ Ibid., s. 157—158.

ными для искусства признаны «проблемы общественные, личные, моральные и эстетические, проблемы человеческие», а его героями — «инвалиды, что нищенствуют на улицах, богема, восседающая в кафе, богомольцы, преклонившие колена перед распятием, голодающий рабочий и сидящий в правительстве бюрократ»⁸.

Шиме Вучетич в своем исследовании «Хорватская литература 1914—1941 гг.» делает следующий вывод о значении журнала «Пламена»: «С появлением „Пламена“... открыто и более явно продолжается усиление общей борьбы за социализм и социалистическую культуру, за социалистическую литературу и материалистическую эстетику»⁹. Влияние «Пламена» распространилось за пределы Хорватии, журнал стал явлением общегосударственного масштаба. Не случайно А. Цесарец писал, что «Пламен» был «первым осознанным выступлением левого фронта югославской культуры и искусства»¹⁰. В статье советского исследователя Е. И. Рябовой о марксистской критике в Словении показано влияние этого журнала и творческой деятельности Крлежи и Цесареца на формирование словенских революционных писателей и критиков, на развитие революционной литературы в Словении¹¹.

Объективно сложившаяся в Хорватии революционная ситуация и появление в хорватской литературе талантов такого масштаба и диапазона как Крлежа и Цесарец, определили ее авангардную роль в 20-е годы. «Хорватскому богу Марсу» принадлежит в этом особая заслуга. Этот цикл, создававшийся на протяжении нескольких лет, отражает ту эволюцию, которую проходит Крлежа до и после издания «Пламена», пережив подъем и спад революционного движения, пережив его поражение. Этот цикл как бы изнутри взрывает экспрессионистическую концепцию искусства, которой, никогда не принимая ее целиком и даже споря с ней, писатель отдал дань и в поэзии, и в прозе, и в драматургии (линия «Кралева»). Экспрессионизм как стилевой момент силен и в «Хорватском боге Марсе». Но сам материал, легший в основу новелл этого цикла, — грубая действительность, которую, по мнению писателя, и изображать надо было также грубо и жестко, усиливал всегда присущее Крлеже реалистическое начало. Создавая образ казармы, которая у Крлежи вырастает в символ государства — тюрьмы народов, раскрывая психологию крестьян, вырванных из привычной обстановки, их взаимоотношения с австрийской военщиной, он не мог защищать главные этические положения экспрессионизма. Тезис: «Человек добр!», принцип морального усовершенствования или нравственного обновления как некоего спонтанного процесса, автономного и независимого от условий человеческого бытия, в которых представители этого течения видели панацею от всех, в том числе и социальных, бед, не могли теперь в полной мере удовлетворить писателя.

В этой книге Крлежа скорее приближается к позиции Бертольда Брехта: никаких иллюзий, никакого абстрактно-гуманистического морализаторства, жестокая правда о войне, ее вершителях, не менее жестокая и горькая правда о темноте и забитости крестьян, об их недоверии к социалистическим идеям, их разобщенности. Но отличает книгу Крлежи от позиции Брехта тех лет то, что сближает ее с романом А. Барбюса. По словам М. Горького, в книге Барбюса каждая страница — «удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови,

⁸ «Plamen», Zagreb, 1919, № 1, s. 27—28.

⁹ S. V u č e t i ć. Hrvatska književnost 1914—1941. Zagreb, 1960, s. 59.

¹⁰ «ЛЕФ», М., 1923, № 2, с. 170.

¹¹ Е. И. Р я б о в а. Становление марксистской критики в Словении в 20—30-е годы. В кн. «Формирование марксистской критики в зарубежных славянских странах». М., 1972, с. 250, 252, 257.

которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, — и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала»¹². Такие «огоньки нового сознания» появляются и в не менее беспощадной книге М. Крлежи. Вспомним, как мечты капитана Юговича о ратных подвигах, звоне литавр и военных трофеях прерываются изображением нарастающего гнева солдат, их стихийного протеста против муштры и войны. Стоит их только подтолкнуть, говорит автор, и они «уничтожили бы эту проклятую королевскую венгерскую сотню, не оставив от нее и следа. Четвертовали бы господина сотника, отрубили бы ему голову, обгадили бы его, убили бы его кобылу Мицу, разрушили казарму и потом бы напились. Это была бы их загорская победа над развалинами казармы»¹³. Мысли господина капитана о святости и вечности военного устава, по которому живет вся империя, незаметно переходят в авторский текст. Сначала это отдельные эпитеты, придающие речи иронический оттенок, а затем и прямая оценка классового характера второй «святой книги»: «Все кровавое разбойничье искусство нашего земного шара спрессовано вот в таком Законнике, на который как на некое откровение прамудрости опираются все господа сотники этого банкирского мира»¹⁴. Замордованные, измученные, лишенные человеческих прав люди начинают задумываться. «Вспоминая карпатскую и галицийскую встрепку», они не верят больше в победу. И как результат — дезертирство, сдача в плен, «зеленые кадры». И между прочим вкраплена фраза: «Домобраны Гебеш и Бенчина как военнопленные слушают новую гармонику по ту сторону Урала»¹⁵.

Заключительным аккордом этой антивоенной симфонии, усиливающим именно мотив «огоньков», явился очерк, написанный писателем в 1925 г. — «Домобраны Гебеш и Бенчина говорят о Ленине». И хотя тысячи Гебешей погибали на фронтах войны, они, как пишет автор в комментарии к «Хорватскому богу Марсу», «вопреки всему были ясновидцами. Они почувствовали неминуемость движения и поняли глубокий смысл кровавых катаклизмов наших дней»¹⁶.

Учитывая взаимосвязь творческих поисков писателя в разных родах литературы и жанрах, нам кажется, все же закономерным выделение «Хорватского бога Марса», ибо в югославских литературах это была первая книга, которую по праву можно назвать эпопеей народных страданий и народного гнева. Не случайно поэтому она стала самой читаемой в Югославии и очень скоро получила резонанс и за ее пределами: в Чехословакии до 1932 г. вышло пять изданий, в Болгарии она появилась в 1924 г., но тут же была запрещена, в Польше тираж книги был отпечатан в августе 1939 г. В фашистской Хорватии «Хорватский бог Марс» был не только запрещен, но и уничтожен в 1941 г.

Революционная направленность творчества Крлежи тех лет и его общегославский резонанс прекрасно чувствовали современники писателя. В 1922 г. сербский критик Милан Богданович отмечал, что Мирослав Крлежа — одно из ярчайших явлений хорватской литературы, но одновременно он — писатель, который «сегодня стоит в первых рядах всей югославской литературы»¹⁷. Он пишет о реализме Крлежи, подчеркивая

¹² А. Б а р б ю с. Избранные произведения. М., 1952, с. 43.

¹³ М. К р л е ж а. Ibid., sv. 6, s. 133.

¹⁴ Ibid., s. 59—60.

¹⁵ Ibid., s. 130.

¹⁶ Ibid., s. 460.

¹⁷ «Zbornik o Miroslavu Krležii». Zagreb, 1963, s. 55.

революционный характер его произведений. «Обоснованно или нет, — замечает он, — можно упрекнуть писателя в соединении социализма с искусством, но при этом нельзя отрицать той огромной доли истины, которая содержится в подобной трактовке хорватской — и теперь свободно можно сказать югославской — действительности»¹⁸.

О влиянии «Пламена», «Книжной республики» и самих произведений Крлежи говорилось и писалось много. Важно подчеркнуть, что творчество Крлежи и Цесареца этих лет закладывает основы революционной литературы в Югославии, становясь прочной базой ее развития и в 30-е годы.

Мне думается, следует сделать еще один шаг. Общеизвестны расхождения Крлежи с представителями «социальной литературы» и «социального реализма», общеизвестно субъективное отношение писателя к этим двум этапам революционной литературы конца 20-х и 30-х годов. Но общеизвестно также и то огромное влияние, которое оказал Крлежа на развитие прогрессивной литературы, в том числе на социальную литературу и социальный реализм, причем не только в Хорватии. Воздействие его произведений вышло за пределы его родной литературы и распространилось на другие литературы Югославии, способствуя усилению критического отношения к буржуазному миропорядку, повышению интереса к социальному художественному исследованию человеческих взаимоотношений и типов, и как следствие этого, развитию жанров социально-психологического и социально-политического романа. Современный исследователь истории социальной литературы и сложных отношений ее представителей с Крлежей В. Калезич пишет, что влияние М. Крлежи на передовую мысль Югославии не имело себе равных в истории страны. Редактор «Пламена» и «Книжной республики», поэт, прозаик, драматург, эссеист, полемист огромного общественного темперамента и эрудиции он прежде всего оказывал воздействие на молодое поколение, развивая в нем «критический дух по отношению к существующей действительности и в первую очередь к диктатуре, к капиталистическому и империалистическому обществу», вызывая ненависть ко всему «консервативному, реакционному и фальшивому в литературе, политике, морали»¹⁹.

Расхождения с социальной литературой, а позднее с социальным реализмом, были серьезными, о чем пишет и В. Калезич и другие исследователи, и нет нужды их преуменьшать или затушевывать, как нет нужды выпрямлять сложный и отнюдь не прямолинейный путь развития писателя, знавшего минуты тяжелого отчаяния, сомнения и исторического скептицизма. Он в этом не нуждается. Надо серьезно, глубоко и всесторонне исследовать его взгляды, но при этом нельзя забывать, что речь идет прежде всего о большом талантливом писателе и поэтому невозможно сбрасывать со счетов объективные результаты его художественного творчества. Крлежа — художник социальный, откровенно тенденциозный, в произведении которого, по справедливому мнению Б. Л. Сучкова, проявилась «его художническая прозорливость и его духовная близость к прогрессивным силам истории»²⁰. Это дает основание советскому исследователю написать о вызывавшем много споров романе писателя «Возвращение Филиппа Латиновича» следующие строки: «Как художник он говорит о реальности, ее конфликтах и темных сторонах неуклончиво, с прямотой, отрицающей общественное зло, с жаждой жизненной цельности и внутренней гармонии чувств, не достижимых в мире, который писатель хорошо знает и изображает в своих произведениях... Даже в самых сумрачных или пропитанных сатирической горечью страницах его произведений

¹⁸ Ibid., s. 63.

¹⁹ V. K a l e z i ć. Pokret socijalne literature. Beograd, 1975, s. 252—253.

²⁰ Б. С у ч к о в. Лики времени. М., 1976, т. 2, с. 195.

гнездятся боль и страдание от жестокости жизни, которой живут его герои»²¹.

Все эти заложенные в произведениях Крлежи эстетические качества, получившие дальнейшее развитие в поэтическом сборнике «Баллады Петрицы Керемнуха» (1936), романах «На грани рассудка» (1938) и «Банкет в Блитве» (1938—1939, 1963), позволяют, нам кажется, говорить скорее о близости их с произведениями социального реализма, чем о непреодолимой их противоположности (кстати, и А. Цесарец выводится за пределы социального реализма). На практике с гораздо большим основанием можно говорить о том, что сближает произведения М. Крлежи с произведениями хорватского писателя Х. Кикича и особенно словенских социальных реалистов — Прежихова Воранца, М. Крашца, Б. Крефта и др., — в творчестве которых нашли наиболее полное выражение эстетические принципы этого течения, чем о том, что их разъединяет. К тому же широко известны свидетельства писателей социального реализма о роли творчества Крлежи в становлении их художественного сознания²². Например, Михайло Лалич называет своими учителями наряду с Горьким и Андричем и Крлежу.

В послевоенные годы Крлежа создает многотомную эпопею «Знамена», повествующую о десятилетнем периоде истории Хорватии в переломную эпоху (1913—1922), жесточайшей схватке идей, победителем в которой в исторической перспективе выходит социализм. Она свидетельствует о продолжении и развитии писателем в наши дни традиций революционной литературы.

Принимая во внимание объективные результаты художественного творчества писателя, его значение в литературном процессе, мы сможем избежать односторонности и увидеть развитие революционной литературы Югославии не только в борьбе с буржуазной эстетикой, но и в преодолении собственных заблуждений и ошибок. И тогда она предстанет перед нами более богатой и многогранной.

²¹ Б. С у ч к о в. Роман о судьбе художника. В кн. М. Крлежа. Возвращение Филиппа Латиновича. М., 1969, с. 5.

²² См. «Zbornik o Miroslavu Krleži». Zagreb, 1963.

О. В. СОКОЛОВСКАЯ

ОТКРЫТИЕ САЛОНИКСКОГО ФРОНТА ДЕРЖАВАМИ АНТАНТЫ ОСЕНЬЮ 1915 ГОДА И ГРЕЦИЯ

Утром 5 октября 1915 г. в греческом порту Салоники была произведена высадка англо-французских войск, что являлось прямым нарушением суверенитета греческого народа. Этот день принято считать датой открытия в Салониках одного из фронтов первой мировой войны.

История создания Салоникского фронта державами Антанты, а также взаимоотношений Англии, Франции и России с правительством королевской Греции может служить ярким примером империалистической внешней политики великих держав в отношении балканских государств, и в частности, Греции.

Советские историки Е. А. Адамов, В. А. Емец, А. М. Зайончковский, Н. Корсун, Ф. И. Нотович, Ю. А. Писарев¹ уже обращались к истории открытия Салоникского фронта, однако греческий аспект данного вопроса оставался до сих пор мало изученным.

В буржуазной историографии наряду с работами Д. Эббота, Д. Дэкина, Е. Фостера, И. Маврогордато, А. Палмера, С. Вудхауса и др.², где история открытия фронта в Салониках затрагивается лишь частично, имеются монографии кипрского историка Х. Теодулу³ и американского — Д. Леона⁴, в которых эта проблема рассматривается более подробно.

Использование новых архивных материалов позволяет глубже осветить внутривосточную борьбу в Греции между двумя группировками — проантантовской видного политического деятеля Э. Венизелоса и прогерманской короля Константина — по поводу открытия союзниками фронта в Салониках, взаимоотношения великих держав с Грецией, и прежде

¹ Е. А. А д а м о в. Предисловие к публикации «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». М., 1922; В. А. Е м е ц. Позиция России и ее союзников в вопросе о «помощи» Сербии осенью 1915 года. «Исторические записки», т. 75. М., 1965; Е г о ж е. Очерки внешней политики России. 1914—1917. М., 1977; А. М. З а й о н ч к о в с к и й. Мировая война. 1914—1918. М., 1938; Н. К о р с у н. Балканский фронт мировой войны. 1914—1918. М., 1939; Ф. И. Н о т о в и ч. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.—Л., 1947; Ю. А. П и с а р е в. Сербия и Черногория в первую мировую войну. М., 1968.

² G. F. A b b o t t. Greece and the Allies. 1914—1922. London, 1922; D. D a k i n. The Unification of Greece. 1770—1923. London, 1972; E. S. F o s t e r. A Short History of Modern Greece. 1821—1956. London, N. Y., 1957; A. P a l m e r. The Guardians of Salonica. N. Y., 1965; J. M a v r o g o r d a t o. Modern Greece. 1800—1931. London, 1931; C. M. W o o d h o u s e. A Short History of Modern Greece. N. Y., Washington, 1968.

³ C. T h e o d o u l o u. Greece and the Entente. August, 1, 1914 — September, 26, 1916. Thessaloniki, 1971.

⁴ G. V. L e o n. Greece and the Great Powers. 1914—1917. Thessaloniki, 1974.

всего, как наименее исследованные, англо-греческие отношения, изучить малоизвестную сторону деятельности дипломатии Антанты по созданию блока Греции, Сербии и Румынии.

К осени 1915 г. положение обеих воюющих коалиций было сложным, Дарданелльская операция явно потерпела крах. Англо-французские войска на Западном фронте не сумели прорвать немецкую оборону. Союзники не предприняли необходимых действий, чтобы оттянуть военные силы Германии с Восточного на Западный фронт и облегчить положение русской армии, которая была вынуждена оставить почти всю Галицию, Польшу, Литву и часть Белоруссии.

Но несмотря на это герmano-австрийское командование не смогло добиться крупного стратегического успеха в войне, тем более что на Западном фронте соотношение сил складывалось не в пользу Германии. Центральные державы чувствовали усиливающуюся изоляцию и в связи с этим считали необходимым активизировать военные действия на Балканах, которые являлись преградой, нарушающей их коммуникации с Турцией, и прежде всего разгромить союзницу Антанты — Сербию. Привлечением на свою сторону нейтральных балканских государств (Болгарии, игравшей первостепенную роль на Балканском полуострове, и, возможно, Греции) и разгромом Сербии они рассчитывали улучшить свое положение. Стабилизация Восточного фронта давала возможность австро-германскому командованию приступить к осуществлению этой задачи.

Осенью 1915 г. военные действия держав центрального блока были перенесены на Балканы, где их позиции значительно усилились в результате заключения 3 сентября 1915 г. болгаро-турецкого соглашения и подписания 6 сентября военной конвенции и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией.

Хотя западные державы не знали конкретно об этих соглашениях, англо-французское командование было осведомлено о готовящемся наступлении войск центральной коалиции. Еще в середине августа 1915 г. английские представители информировали правительство Англии об усилении прогерманских тенденций в Болгарии⁵. Дипломатии Антанты было также известно, что 3 сентября в Софии была организована встреча германских военных атташе, приехавших из всех балканских столиц для решения вопроса о возможности вторжения австро-германских войск в Сербию, а также, что лидеры оппозиционной партии в Болгарии — Малинов, Гешов, Данев, Цанов, Стамболийский и другие — были приняты королем и подвергли критике политику правительства, настаивая на созыве народного собрания и создании «концентрационного кабинета» в целях «избежания возможных авантур, которые противоречат чувствам и интересам нации и могут иметь для страны роковые последствия»⁶. Сведения о концентрации 300 тыс. болгарских войск на сербо-болгарской границе и 350 тыс. австро-германских — на северной границе Сербии прямо указывали на предстоящее нападение на Сербию⁷. «Когда Сербию постиг удар, — писал впоследствии Д. Ллойд Джордж, — мы не могли пожаловаться на то, что у нас не было своевременной информации о судьбе, уготованной ей центральными державами»⁸. Однако существовавшие между державами Антанты разногласия мешали им предпринять решительные шаги на Балканах.

⁵ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. I—II. М., 1934, с. 334.

⁶ Архив внешней политики России МИД СССР (далее АВПР), ф. Политархив 1915, д. 212, л. 35—37.

⁷ Ф. И. Нотович. Разгром Сербии в 1915 году и «помощь союзников». «Красный архив», т. 4—5 (65—66). М., 1934, с. 70.

⁸ Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 334.

Правительства стран Антанты понимали важное политическое и военное значение Балканского полуострова для успешного окончания войны. Установление контроля союзников на Балканах способствовало бы изоляции Германии и Австро-Венгрии от их союзницы, основной поставщицы сырья — Турции, завершило бы окружение и блокаду центральных держав, открыло бы удобный путь в Россию⁹. Но в целом открытый на Балканском полуострове фронт играл второстепенную роль.

В связи с грядущими событиями все большее значение приобретала Греция, связанная с Сербией союзным договором и военной конвенцией. В августе 1915 г. дипломатия Антанты приложила немало усилий, чтобы вернуть к власти Э. Венизелоса¹⁰, по-прежнему выражавшего готовность сделать территориальные уступки Болгарии с целью ее привлечения к Антанте, а также подтверждавшего союзнические обязательства Греции в случае нападения Болгарии на Сербию.

Создавшаяся к этому времени обстановка в Греции благоприятствовала возвращению к власти Э. Венизелоса: возросло недовольство населения правительством Д. Гунариса¹¹, которое не справлялось с решением важных государственных и национальных проблем. Оно не оказывало необходимой помощи малоазиатским беженцам и не проявляло достаточной энергии для прекращения преследований мирного греческого населения в Турции. Опасность болгарского нападения, а также большие экономические трудности возбуждали недовольство не только малоазиатских беженцев, жителей многих приобретенных в 1912—1913 гг. районов (Крита, Митилены, Хиоса, Самоса), где были серьезные беспорядки¹², но даже враждебных ранее Венизелосу партий. Вставал вопрос о необходимости возвращения к власти Э. Венизелоса как единственного государственного деятеля Греции, который мог вывести страну из столь затруднительного положения и хотя бы частично восстановить финансы путем получения личного кредита у западных держав¹³.

16 августа открылась сессия греческого парламента. 216 голосов против 93 выразили доверие Венизелосу, который стал председателем Совета министров и министром иностранных дел Греции.

23 августа он сформировал кабинет министров. Но несмотря на моральную, политическую и экономическую¹⁴ поддержку со стороны держав Антанты положение премьер-министра было чрезвычайно трудным. Неудачи союзников на фронтах усиливали веру греческого короля и генштаба в неизбежность победы центральных держав. В беседе с посланника-

⁹ В. А. Е м е ц. Очерки внешней политики России, с. 209.

¹⁰ Благодаря сильной поддержке Англии и Франции на выборах 13 VI 1915 г. проантантовская либеральная партия Венизелоса получила подавляющее большинство мест в парламенте, но король незаконно оттягивал открытие парламентской сессии, назначенной на 20 VI. Кабинет Гунариса, таким образом, оставался у власти вплоть до 16 VIII 1915 г. Γ. βενιζέλος. Η Ελλάδα του 1910—1920. Αθήναι τ. 1, 1931, σ. 335—337.

¹¹ Правительство Гунариса было сформировано 10 III 1915 г.

¹² Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (далее ЦГАВМФ), ф. Генмор, оп. 1, т. 3, д. 3766, л. 33.

¹³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878—1917. Сер. 3 (далее МО), т. VIII, ч. 2, № 568, с. 131—132; ЦГАВМФ, ф. Генмор, оп. 1, т. 3, д. 3766, л. 34.

¹⁴ Для мобилизации греческой армии и последующего вступления в войну правительству Венизелоса был необходим займ, который английский правительство согласилось дать Греции на определенных условиях: 1) возможность использовать греческие порты и острова в качестве баз Англии и Франции; 2) передача Каваллы Болгарии; 3) прекращение снабжения германских подводных лодок и ликвидация контрабанды (С. T h e o d o u l o u. Op. cit., p. 168). После прихода Э. Венизелоса к власти новый Совет министров Греции немедленно выработал законопроект о наказуемости контрабандной торговли как нарушения нейтралитета (АВПР, ф. Политархив 1915, д. 338, л. 307—308; МО, т. VIII, ч. 2, № 563, с. 125).

ми Антаиты греческий король Константин не стеснялся теперь высказывать германофильские чувства и удовлетворение тем, что благодаря ему Греции удалось сохранить нейтралитет. Кроме того, он утверждал, что из бесед с германским императором он вынес впечатление, что Болгария, несомненно, выступит заодно с Турцией и Германией и поэтому он будет еще решительнее, чем прежде, отстаивать политику нейтралитета¹⁵.

Сторонникам короля — роялистам и агентам Шенка¹⁶, активизировавшим свою деятельность накануне открытия парламентской сессии, довольно успешно удалось воспользоваться твердой позицией держав Антанты в отношении компенсаций Болгарии и ослабить группировку «венизелистов». Многие бывшие сторонники политики Венизелоса перешли в лагерь нейтралитетов¹⁷. Предвыборная кампания прошла в Греции под девизом: «Венизелос должен вернуться к власти, но Греция не вмешается в войну»¹⁸. В новой палате депутатов королю удалось создать в качестве противовеса Венизелосу партию «националистов» из 90 человек¹⁹.

Подкупленные германскими агентами афинские газеты «Этнос», «Астрапи», «Кери», «Хронос», «Эсперини», «Проемини», а также наиболее близкие к Шенку «Атине» и «Неа Имера» упорно пытались настроить общественное мнение в антивенизелистском и прогерманском духе. Даже венизелистская «Неа Эллас» за определенное вознаграждение помещала сообщения, переданные ей Шенком²⁰. Были подкуплены отдельные члены либеральной партии, а также административные работники (в частности, префект Салоник — Гудас)²¹.

Стремясь освободиться от английского контроля над греческим флотом, генштаб Греции начал кампанию за отозвание английской военно-морской миссии, срок пребывания которой в стране истек 1 сентября 1915 г.²² Морской министр Стратос, известный своими прогерманскими симпатиями, поторопился назначить греческих кандидатов для замещения уходящих членов миссии²³.

Греческий генштаб, имея в виду нежелание народа вновь браться за оружие, вербовал своих сторонников среди солдат и офицеров.

Одним из методов проведения антивенизелистской кампании было преувеличение мощи Германии. На сценах местных театров, при почти явном поощрении полиции, ставились оскорбительные для держав Антанты памфлеты, пьесы на политические темы, восхваляющие немцев, превозносящие доблесть Вильгельма II. На улицах появились портреты кайзера, его фотографии и многочисленная литература о нем²⁴.

Таким образом, в Греции создавалась атмосфера недоверия к державам Антанты и поборнику курса на союз с ними Венизелосу. «Бывшему

¹⁵ Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны, № VII, с. 7; АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 100, т. I, л. 180.

¹⁶ Под руководством барона фон Шенка в августе 1914 г. в Афинах была создана неофициальная организация — Пресс-бюро, занимавшаяся прогерманской агитацией в Греции. К лету 1915 г. на организацию Шенка работали агенты во всех крупных греческих городах.

¹⁷ D. D a k i n. Op. cit., p. 207.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив Ленинграда (далее ЦГИАЛ), ф. Обзоры печати, д. 357, л. 193.

¹⁹ МО, т. VIII, ч. 2, № 568, с. 131—132.

²⁰ АВПР, ф. Политархив, 1915, д. 338, л. 200—203.

²¹ «The Times», 22 VI 1915.

²² Английская военно-морская миссия, прибывшая в Грецию еще перед балканскими войнами 1912—1913 гг. по приглашению правительства Венизелоса, способствовала не только модернизации греческого флота, но и воспитанию его состава в проантантовском духе (ЦГАВМФ, ф. Генмор, оп. 1, т. 3, д. 3757, л. 4—8). В 1914 г. члены английской миссии заняли видные посты в греческом флоте.

²³ ЦГАВМФ, ф. Генмор, оп. 1, т. 3, д. 3766, л. 34.

²⁴ Там же.

могуществу (Венизелоса. — *О. С.*) в стране, — писал российский посланник в Греции Е. П. Демидов, — ныне положены преграды»²⁵. А самая популярная в Греции газета «Акрополис» констатировала, что последнее слово в определении политики останется за королем. «В кабинете, — писала она, — нет единства. Корона же в настоящее время пользуется абсолютным доверием населения»²⁶.

В беседе с английским посланником в Афинах Ф. Эллиотом Э. Венизелос сетовал на постоянные интриги правящих кругов и военных против него, направленные на усиление разногласий между ним и королем²⁷ по вопросу о территориальных уступках Греции Болгарии²⁸ и в связи с обязательством по военной конвенции с Сербией оказывать ей помощь в случае эвентуального нападения на нее Болгарии.

Несмотря на отказ Константина и Венизелоса, сославшихся на оборонительный характер греко-сербского договора, начать с сербским генштабом переговоры о совместной превентивной войне против Болгарии²⁹, 28 августа 1915 г. по настоянию премьер-министра Греции сербскому посланнику в Афинах были даны заверения от имени короля и правительства о помощи в случае нападения Болгарии на Сербию. Но, учитывая непрочность своего положения, Венизелос вынужден был пойти навстречу требованиям генштаба и дворцовых кругов, опасавшихся вовлечения Греции в войну против центральных держав и стремившихся поэтому к самому узкому истолкованию греко-сербского союза. Э. Венизелос дал Н. Пашичу ответ, носивший компромиссный характер. В документе говорилось о союзнических обязательствах Греции по отношению к Сербии, но вместе с тем делался ряд оговорок, сводящих эти обязательства к нулю³⁰.

К середине сентября на Балканах создалось очень серьезное положение. Переговоры с Болгарией о воссоздании балканского блока, которые Антанта вела в течение 1914—1915 гг., не дали никаких результатов. Теперь союзники почти не сомневались в существовании германо-болгарского и болгаро-турецкого договоров, они знали о готовящемся германо-австрийском нападении на Сербию и понимали, что Болгария не останется в стороне. Однако державы Антанты не начинали военных действий на Балканах и по-прежнему возлагали большие надежды на военную помощь Сербии со стороны Греции.

Большую активность в этом направлении развил Форин оффис. Лорд Крюк сообщал Эллиоту, что в Лондоне «не сомневаются в том, что Венизелос отдает себе отчет в огромной опасности, с которой столкнется Греция в случае поражения Сербии», ибо это повлечет за собой потерю части греческой территории и сделает невозможным впоследствии присоединение Греции к союзникам³¹. Перед союзной дипломатией встал вопрос о создании условий, облегчающих Венизелосу задачу присоединения Греции к державам Антанты.

В связи с этим английской и французской дипломатией был поднят вопрос о возможности создания в случае враждебной позиции Болгарии

²⁵ МО, т. VIII, ч. 2, № 568.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. Обаоры печати, д. 357, л. 403.

²⁷ С. Theodoulou. *Op. cit.*, p. 169.

²⁸ Подробнее см. Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947.

²⁹ МО, т. VIII, ч. 1, № 601, прим. 2.

³⁰ Там же, ч. 2, прим. 1, № 658, с. 242—243. Венизелос сообщал Пашичу, что Греция не будет выполнять союзный договор, если Сербия не поможет Греции в случае нападения на нее Болгарии. Поэтому он просил возобновить греко-сербский договор (МО, т. VIII, ч. 1, № 617, с. 315).

³¹ С. Theodoulou. *Op. cit.*, p. 169—170. Сноска 9.

так называемого оборонительного балканского блока, направленного против Болгарии, а в конечном счете против Австро-Венгрии³².

Против этого плана выступил новый посланник Великобритании в Софии О'Бейри, который считал, что «он окончательно испортит отношения держав Согласия с Болгарией»³³.

Вензелос же встретил идею создания этого блока с большим энтузиазмом и особенно настаивал на антиболгарском характере греко-сербо-румынского сближения, считая, что только таким путем можно привлечь Грецию в лоно Антанты.

Король Константин занимал особую позицию. Он соглашался выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии при наличии румынской помощи Греции³⁴, рассчитывая, по всей видимости, что правительство Румынии не согласится на это предложение. Начальник греческого генштаба, так же как и король, находившийся под влиянием Германии, заявил сербскому посланнику, что он не верит в возможность нападения Германии на Грецию через территорию Сербии и считает, что в союзе с Румынией Греция могла бы выступить против Турции при условии, что германские войска будут заняты на других фронтах³⁵. Такие предложения имели целью лишь затянуть переговоры. Однако план союзников был заранее обречен на неудачу вследствие отрицательной позиции румынского премьера Братиану, отказавшегося присоединиться к Антанте и к оборонительному блоку балканских государств из-за неблагоприятно сложившейся обстановки для держав Антанты на фронтах.

Тем временем Болгария, заключившая тайные соглашения с державами центральной коалиции, приступила к мобилизации своей армии³⁶.

Этот шаг вызвал сильный резонанс в Греции, еще больше обострив борьбу между сторонниками короля и Вензелоса.

Вечером 21 сентября сразу по получении сведений от греческого посланника в Софии Наума о мобилизации в Болгарии Вензелос направился в английскую миссию, чтобы выяснить вопрос, не является ли мобилизационный декрет всего лишь пробным шагом болгарского правительства для выяснения намерений Румынии и Греции, а также средством воздействия на державы Согласия. Он заявил, что Греция со своей 150-тысячной армией не сможет выступить одна без поддержки великих держав и что выполнение союзнического долга по отношению к Сербии также зависит от их поддержки. Вензелос просил Эллиота дать ответ, не позднее чем через 24 часа. Аналогичную просьбу он адресовал французскому посланнику³⁷.

После этого премьер-министр Греции потребовал от короля Константина проведения мобилизации в Греции в ответ на болгарскую мобилизацию, угрожая уйти в отставку. Король отвечал ему: «Вы знаете, что я не хочу помогать сербам, так как убежден в победе Германии и не намерен подвергать свою страну разорению»³⁸. Однако все же, не дожидаясь ответа держав согласия, подписал декрет о греческой мобилизации, взяв курс на вооруженный нейтралитет.

24 сентября правительства Англии и Франции выступили с заявлением о готовности прислать в помощь Греции 150 тысяч войск³⁹. Высадка

³² АВПР, ф. Политархив, 1915, л. 315—316.

³³ С. Theodoulou. Op. cit., p. 170.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 100, т. 2, д. 194.

³⁵ Там же, л. 192.

³⁶ Н. Недев. Болгария в световната война 1915—1918. София, 1925;

Ю. А. Писарев. Там же, с. 139.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 100, т. 2, л. 195.

³⁸ G. F. Abbott. Op. cit., p. 57.

³⁹ В. А. Емец. Там же, с. 126.

союзных войск в Салониках предполагалась лишь для поддержки Э. Вензелоса, который обещал, что Греция вступит в войну на стороне Сербии. Военный агент России в Греции П. П. Гудим-Левкович писал по этому поводу: «Важно воспользоваться моментом, то есть согласием Вензелоса, и поддержать колеблющиеся элементы реальной силой, а именно присылкой сюда войск»⁴⁰. Глава российской миссии в Румынии С. А. Поклевский телеграфировал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову, что державы должны мобилизовать все силы, чтобы подготовить отпор Болгарии, и не проявлять никакой мягкости по отношению к ней, так как иначе союзники потеряют Грецию, морально ослабят Сербию и произведут неблагоприятное впечатление на Румынию, которая может принять «послабления» Болгарии за признак слабости⁴¹. «Несомненно,— писал российский посланник Г. Н. Трубецкой,— что принятое решение послать войска имело бы самое благоприятное влияние на Грецию и Румынию. Это настроение может быть также укреплено скорейшим осуществлением этой меры и скорейшим предъявлением ультиматума Болгарии»⁴². М. Н. Гирс также считал, что «немедленная высадка является единственной мерой воздействия на все балканские государства и поддержкой Сербии»⁴³. В министерстве иностранных дел России разделяли мнение посланников в балканских столицах: С. Д. Сазонов предлагал немедленно послать войска на помощь Сербии.

Однако Англия и Франция не торопились. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе, рассматривавший Западный фронт как главный, стоял за посылку незначительного контингента войск в Салоники, который должен был оказать лишь моральное содействие Греции, а не осуществлять самостоятельные военные операции на Балканах⁴⁴.

Английский кабинет министров и Дарданелльская комиссия придерживались идентичной позиции. После объявления Болгарией всеобщей мобилизации Э. Грей одобрил посылку войск в Грецию, считая, что это может повлиять на решение Греции и Румынии о вступлении в войну и будет полезно для Сербии. Ллойд Джордж и лидер консервативной партии Бонар Лоу предлагали перебросить две дивизии из залива Сувлы на Салоникский фронт. Ллойд Джордж, аргументируя свое предложение перед комиссией, спрашивал: «Что будет с Индией, Египтом и Персией, если Англия не окажет Сербии и Греции помощь и австро-германские войска беспрепятственно дойдут до Константинополя?»⁴⁵. Деятели консервативной партии О. Чемберлен, Д. Керзон и другие, а также фельдмаршал Д. Френч были обеспокоены возможными неблагоприятными последствиями разгрома Сербии и выступили за отправку небольшого числа войск в Салоники. 23 сентября 1915 г. Дарданелльская комиссия одобрила в принципе решение об открытии фронта. Однако экспедиция на Балканы рассматривалась скорее с политической, чем с военной точки зрения, так как, во-первых, обещанную Францией и Англией 150-тысячную армию было невозможно послать немедленно, во-вторых, Англия не хотела ослаблять свои силы в Дарданеллах.

Основную ставку английское правительство делало на вступление в войну Греции на стороне Антанты. В Форин оффис полагали, что даже незначительный контингент союзных войск в Салониках заставит Грецию быть сговорчивой и приведет к вступлению ее в войну, что обеспечит и

⁴⁰ МО, т. VIII, ч. 2, № 800, с. 385.

⁴¹ АВПР, ф. Политархив, 1915, д. 4260, л. 71.

⁴² Там же, л. 72.

⁴³ Там же, л. 73.

⁴⁴ МО, т. VIII, ч. 2, № 789, с. 374.

⁴⁵ G. V. L e o n. Op. cit., p. 223.

поддержку со стороны Румынии⁴⁶. Однако реальных перспектив для этого почти не было.

Отношение короля и придворных кругов Греции к идее выступления на стороне держав Согласия становилось все более отрицательным. Король Константин еще в августе 1915 г. доверительно сообщил германскому послу в Афинах графу Мирбаху, что он рано или поздно избавится от Венизелоса. Однако Мирбах, начальник генштаба генерал Б. Дусманис и бывший министр иностранных дел А. Стрейт не советовали королю форсировать министерский кризис и открыто заявлять об отказе Греции от союзнических обязательств по отношению к Сербии, ибо это могло дискредитировать короля в глазах держав Антанты⁴⁷. Именно поэтому, а также в связи с объявлением всеобщей мобилизации в Болгарии король дал согласие на пропуск через Салоники союзнических войск на помощь Сербии⁴⁸. Но после того как по настоянию Германии Болгарией были даны заверения, что ее мобилизация не направлена против Сербии, а имеет целью сохранение в будущем вооруженного нейтралитета⁴⁹, король нашел, что высадка союзнических войск ничем не оправдана. По мнению короля, *casus foederis*, наступил бы только после нападения Болгарии на Сербию, а по статье 99 греческой конституции иностранная армия могла находиться в Греции лишь с разрешения ее парламента⁵⁰.

В связи с этим между Англией и Францией возникли разногласия по вопросу о том, делать ли высадку союзного десанта в Салониках с согласия или без согласия греческого короля и правительства. Англия была за первый вариант, Франция — за второй.

В отличие от французского правительства, которое настаивало на занятии Салоник европейским отрядом даже без предварительного согласия короля Греции, и несмотря на формальный протест греческого правительства⁵¹, который, как предупреждал Венизелос, оно будет вынуждено послать западным державам, в Лондоне весьма определенно высказывались против этого. 24 сентября 1915 г. Э. Грей сообщал Венизелосу о намерении Англии начать подготовку войск для отправки их в Салоники, указывая, что эта мера будет предпринята как только станет известно, что «греческое правительство согласно на их присылку в Салоники»⁵², а 28 сентября телеграфировал Эллоту, что английское правительство надеется получить от Венизелоса текст официального заявления, одобряющего прибытие в Грецию войск Согласия. 29 сентября на заседании Дарданелльской комиссии морской министр А. Бальфур заявил, что «в будущем будет очень плохо выглядеть в какой-нибудь Синей книге депеша, в которой будет запечатлено согласие Англии на эту авантюру против воли короля Греции»⁵³. Военный министр Г. Китченер, лорд О. Лендсаун и многие другие английские государственные деятели высказались в том же плане.

Такая осторожная политика Лондона объяснялась опасением, что официальный протест Греции против высадки войск Антанты может по-

⁴⁶ C. Falls. *Military Operations: Macedonia*, v. 1. London, 1933—1934, p. 41.

⁴⁷ G. V. L e o n. *Op. cit.*, p. 218.

⁴⁸ МО, т. VIII, ч. 2, № 810, с. 395.

⁴⁹ Болгарский премьер-министр В. Радославов заверил Константина, что болгарская мобилизация не направлена против Греции; король Константин дал понять, что даже в случае нападения Болгарии на Сербию, Греция останется нейтральной (C. T h e o d o u l o u. *Op. cit.*, p. 227).

⁵⁰ G. V. L e o n. *Op. cit.*, p. 227.

⁵¹ Формальный протест являлся в глазах Венизелоса уступкой нейтральным взглядам короля Греции. Кроме того, Венизелос просил сообщить ему о начале высадки за 24 часа, чтобы он мог дать указание для высадки (МО, т. VIII, ч. 2, № 810, с. 395; *Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны*, № 12, с. 9).

⁵² G. V. L e o n. *Op. cit.*, p. 225.

⁵³ *Ibid.*, p. 231.

служить предлогом для нарушения нейтралитета Греции Германией. Кроме того, хотя в английском Форин оффис и относились с недоверием к заверениям В. Радославова о сохранении Болгарией нейтралитета, все же многие английские руководители во главе с Э. Греем опасались раньше времени толкнуть Болгарию в войну на стороне центральных держав⁵⁴.

28 сентября вопрос о Салоницком фронте обсуждался в палате общин. Э. Грей выступил с заявлением, что «до тех пор, пока Болгария не встанет на сторону врагов Великобритании и ее союзников, не может быть и речи о давлении на Болгарию с помощью английских войск, а также, что, пока позиция Болгарии не является агрессивной, дружественные отношения с ней не будут прерваны». Вместе с тем Грей предупреждал Болгарию, что если она встанет на путь агрессивных действий, Англия окажет своим друзьям на Балканах всемерную помощь⁵⁵.

Хотя эта декларация английского министра иностранных дел цитировалась с одобрением сербской прессой, на деле она мало что давала Сербии. Как писал Ллойд Джордж позже, «немцы имели лучшее представление относительно ценности союзных обязательств, чем английский парламент или сербский народ. Они не замедлили и не остановили своего наступления»⁵⁶.

«Щепетильность» англичан в вопросе о посылке союзнического отряда, возможно, была лишь дипломатическим маневром, рассчитанным на затягивание посылки экспедиционного корпуса в Салоники, и свидетельствовала о незаинтересованности Англии открывать новый фронт.

Только 30 сентября 1915 г. в Салониках произошла пробная высадка войск держав Согласия. Этот шаг вызвал отрицательную реакцию оппозиционной печати Греции. Е. П. Демидов телеграфировал из Афин, что «пренебрежение к греческому нейтралитету невыгодно толкуется в печати с возобновлением нападков на Англию»⁵⁷.

Догадываясь о закулисных переговорах короля с центральными державами и Болгарией и не чувствуя твердой почвы под ногами, Венизелос просил Англию и Францию подождать с высадкой войск на территории Греции, чтобы избежать министерского кризиса, и предлагал, чтобы эти войска были задержаны на острове Лемнос вплоть до выяснения намерений Болгарии⁵⁸. Он был вынужден также потребовать от держав Согласия заявления, что их войска направляются в Грецию на защиту Сербии, а не для оккупации и передачи части греческой территории Болгарии⁵⁹. «Я надеюсь, — телеграфировал Эллиот Грею, — что никакие британские войска не будут посланы в Салоники до того, как выяснится ситуация»⁶⁰. После этого Лондоном было сделано официальное заявление, что английские войска отправляются в Грецию, чтобы обеспечить выполнение Болгарией Бухарестского мира 1913 года.

По совету Лондона Венизелос 4 октября уведомил парламент о том, что предложения Антанты относительно территориальных уступок Гре-

⁵⁴ МО, т. VIII, ч. 2, № 775, с. 364. Памятная записка английского посольства в Петрограде в МИД России 25 IX 1915 г. Англия противилась предложению Сербии о «превентивной атаке» Болгарии прежде, чем она закончит свою мобилизацию. Венизелос также просил 26 сентября Н. Пашича не предпринимать военных действий против Болгарии, чтобы не нарушать греко-сербского договора (Политархив, 1915, д. 4260, л. 43).

⁵⁵ С. T h e o d o u l o u. Op. cit., p. 179.

⁵⁶ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Там же, с. 335.

⁵⁷ МО, т. VIII, ч. 2, № 837, с. 423.

⁵⁸ Г. В. L e o n. Op. cit., p. 231. Венизелос предлагал, чтобы припасы, лошади и т. д. были отправлены прямо в Салоники с людьми, переодетыми в штатское (АВЦР, ф. Политархив, 1915, д. 4260, л. 49).

⁵⁹ Ф. И. Н о т о в и ч. Там же, с. 678—679.

⁶⁰ Цит. по: С. T h e o d o u l o u. Op. cit., p. 182.

ции Болгарии после того, как последняя провела мобилизацию, утратили силу. Он заявил о неизбежности союза с Сербией и согласился с требованием оппозиции опубликовать текст греко-сербского союзного договора.

5 октября 1915 г. новые контингенты англо-сербских и французских войск высадились в Салониках, а за два часа до этой операции король Константин уволил Венизелоса в отставку, несмотря на то что последний получил в парламенте 4 октября большинство при голосовании вопроса о доверии в его пользу (142 против 102 и 30 воздержавшихся) ⁶¹.

Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули, и, хотя король уже 6 октября объявил, что союзники могут продолжать высаживать войска в Салониках, Греция перестала играть прежнюю роль. Отныне она заняла особую позицию неприсоединения ни к одной из воюющих коалиций и рассматривала присутствие войск Антанты на своей территории всего лишь как гарантию от нападения Болгарии ⁶².

7 октября 1915 г., когда развернулось наступление австро-венгерских и германских войск под командованием фельдмаршала Макензена против Сербии, новый греческий премьер-министр А. Заимис официально отказал в помощи Сербии, ссылаясь на то, что при заключении греко-сербского договора 1913 года Венизелосом было оговорено, что этот союз не направлен против Австро-Венгрии ⁶³. Греческое правительство осталось равнодушным и к начавшимся в ночь с 13 на 14 октября военным действиям Болгарии против Сербии. Обстановка на Балканах складывалась в пользу центрального блока, которому удалось, нейтрализовав Грецию и Румынию, привлечь к своему союзу болгарские силы.

Отказ греческого правительства в помощи Сербии и медлительность союзников привели к тому, что сербские армии оказались вынужденными вести в одиночестве неравную борьбу с численно превосходящим противником. Первоначальная цель высадки англо-французского десанта в Греции достигнута не была, и перед союзниками встала задача решить дальнейшую судьбу салоникского экспедиционного корпуса.

В вопросе о расширении действий салоникских сил у союзников не было единства. Наиболее последовательной защитницей интересов Сербии была Россия. Сазонов предлагал «не смущаться отставкой Венизелоса и не только не отказываться от начатой высадки, но по возможности ускорить таковую», указывая, что только таким образом можно спасти Сербию. Кроме того, Сазонов считал, не без основания, что нерешительность Англии и Франции может отрицательно повлиять на позицию Греции и Румынии ⁶⁴.

Французское правительство на словах поддерживало эту точку зрения и заявляло, что Франция готова предотвратить разгром сербов и преградить австро-венгерским и германским войскам путь на Балканы усилением Салоникского фронта. 9 октября главнокомандующий союзными силами во Франции маршал Жоффр уведомил об этом английского военного министра Китченера ⁶⁵. Однако Франция так и не отправила в Салоники достаточного контингента войск. К концу октября в Салониках было всего 80 тыс. человек ⁶⁶. Что касается Англии, то на Даунинг-стрит, по выра-

⁶¹ В тот же день Константин с удовлетворением передал Вильгельму: «Я избавился от Венизелоса!» (Цит. по : G. V. L e o n. Op. cit., p. 244).

⁶² МО, т. VIII, ч. 2, № 890, с. 468; Европейские державы и Греция..., № 26, с. 15; С. T h e o d o u l o u. Op. cit., p. 195.

⁶³ МО, т. VIII, ч. 2, № 873, с. 453.

⁶⁴ Там же, № 864, с. 447.

⁶⁵ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Там же, с. 336—337; W. C h u r c h i l l. The World Crisis, v. 2. N. Y., 1923, p. 504.

⁶⁶ История дипломатии, т. III, М., 1965, с. 24.

жению генерала Г. Вильямса, царили хаос и нерешительность в отношении к проблеме десанта⁶⁷. Более всего английских политических деятелей пугала необходимость посылки в Салоники новых подкреплений, что могло привести к ослаблению Западного фронта и галлиполийских сил⁶⁸. Вместе с тем английское правительство было обеспокоено положением на Ближнем Востоке, в Египте, Малой Азии, что затрагивало коренные интересы британского империализма. В Лондоне понимали, что разгром Сербии приведет к открытию для Германии пути к турецкому сырью, к Константинополю и создаст непосредственную угрозу для английских позиций на Ближнем Востоке. Вот почему в правящих кругах Англии вопрос о Салоникском фронте продолжал обсуждаться.

Б. Лоу и Э. Карсон стояли за посылку в Салоники значительных контингентов войск и оказания действенной помощи Сербии. Ллойд Джордж поддерживал предложение об усилении Салоникского фронта, не веря, однако, в его эффективность. Он утверждал, что предложения Жоффра запоздали и они имели бы успех только в том случае, если бы были осуществлены на два-три месяца раньше⁶⁹.

Однако большинство в английском правительстве было против выделения дополнительных войск на Салоникский фронт. Г. Китченер, У. Черчилль и некоторые другие выступали за посылку подкреплений в Галлиполи, а не в Салоники. По мнению Черчилля, новая морская операция по форсированию проливов и приход британского флота в Мраморное море еще могли изменить положение на Балканах в пользу держав Согласия. Генеральный штаб и Адмиралтейство также были против расширения Салоникской экспедиции, высказываясь за осуществление новых операций⁷⁰. Никольсон и Меррей возражали против эвакуации войск из Галлиполи и переброски их в Салоники, считая, что Англия в этом случае потеряет Египет и Индию, а Галлиени и Бриан боялись, что Франция потеряет Марокко и Алжир⁷¹. Их поддерживали также Г. Асквит, А. Бальфур, Д. Керзон и некоторые другие.

В период оживленной дискуссии, развернувшейся в Англии по вопросу об оказании помощи Сербии и открытии нового фронта, высказывались предложения начать операции в Александретте и послать войска в Египет⁷².

9 октября военный совет Англии принял решение послать шесть дивизий в Египет и в соответствии с обстановкой определить их дальнейшую судьбу⁷³. Было также решено приступить к изучению военного положения на Ближнем Востоке и предложить генеральному штабу разработать план операций на случай, если Греция и Румыния присоединятся к союзникам. Это означало, как отмечал Ллойд Джордж, что «Сербия была оставлена союзниками на произвол судьбы»⁷⁴.

После этого заседания Ллойд Джордж написал меморандум, в котором призывал действовать более активно. По его мнению, присоединение Болгарии к центральным державам, а также нейтралитет Греции и Румынии были следствием уверенности правительств этих государств «в не-

⁶⁷ C. C a l l w e l l. Field-Marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries. London, 1927, p. 257.

⁶⁸ L o r d H a n k e y. The Supreme Comand, v. 1. London, 1961, p. 422—423.

⁶⁹ Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 337.

⁷⁰ Там же, с. 338; W. C h u r c h i l l. Op. cit., p. 508.

⁷¹ C. C a l l w e l l. Field-Marshal Sir Henry Wilson, p. 264.

⁷² Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 339; G. B. L e o n. Op. cit., p. 261—262; T. H i g g i n s. Winston Churchill and the Dardanelles. A Dialogue in Ends and Means. London, N. Y., 1964, p. 221.

⁷³ W. C h u r c i l l. Op. cit., p. 503.

⁷⁴ Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 339—340.

победимости Германии» и «полной неспособности Англии защитить Бельгию, Сербию, помочь России и т. д.» Ллойд Джордж утверждал, что Румынию и Грецию, которые были «парализованы в своих действиях силами Германии» и бессилием союзников, еще можно было заставить присоединиться к державам Согласия, пообещав им военную поддержку. Он угрожал отставкой, настаивая на том, чтобы Греции и Румынии были сделаны соответствующие предложения немедленно ⁷⁶.

14 октября 1915 г. правительство Англии направило меморандум румынскому правительству, в котором говорилось, что единственным способом спасти Сербию является вступление Румынии в войну против Австро-Венгрии, Германии и Болгарии. Английский посланник в Бухаресте сообщил при этом, что помимо винтовок Англия готова послать на Балканский фронт (совместно или отдельно от Франции) 200 тысяч войск, из них 150 тысяч к концу ноября, а остальные — к концу года ⁷⁶.

Английский посланник в Афинах Ф. Эллиот ознакомил греческое правительство с содержанием этого меморандума, предложив высказать по нему свое мнение не позже чем через 48 часов, угрожая в случае отказа Греции прийти на помощь ее союзнице Сербии изменить свое отношение к Греции ⁷⁷.

Не ограничившись этим, 16 октября Э. Грей с согласия и одобрения Асквита, короля Георга V, Китченера, Бонар Лоу, Бальфура, Чемберлена и других видных государственных и военных деятелей Англии оповестил Афины о том, что в случае вступления Греции в войну на стороне Сербии, английское правительство готово предложить Греции Кипр ⁷⁸. Но все было тщетным.

Греческое правительство, осведомленное об отказе Румынии прийти на помощь Сербии, не пошло на эти приманки. 20 октября Заимис, предварительно проконсультировавшись с королем и генштабом, сообщил английскому посланнику, что Греция сохранит нейтралитет, так как в противном случае она подвергнется разгрому со стороны центральных держав, и что никакие обещания относительно Кипра и других территорий не заставят греческое правительство изменить это решение. На вопрос Ф. Эллиота, сколько потребуются войск держав Согласия на Салоникском фронте, чтобы Греция присоединилась к Антанте, А. Заимис отвечал, что эти войска придут слишком поздно и лучше их использовать в Малой Азии против Турции или во Франции ⁷⁹. Единственным выходом для Антанты было бы возвращение Венизелоса, однако преимущество центральных держав на фронте делало этот шаг нереальным. 4 ноября по совету западных держав венизеллисты поставили в парламенте вопрос о доверии правительству Заимиса, аргументируя свое требование нарушением Грецией союзнического договора с Сербией. Голосование оказалось неблагоприятным для Заимиса. 147 депутатов подали свои голоса против него ⁸⁰. Король распустил парламент, назначив новые выборы на 16 декабря, и поручил формирование правительства не англофилу Венизелосу, которого он не хотел допустить к власти, а С. Скулудису, ярому германофилу.

⁷⁶ Там же, с. 343—345.

⁷⁷ Европейские державы и Греция..., № 32, с. 19—20; МО, т. VIII, ч. 2, № 912, с. 491; W. Churchill. Op. cit., p. 505.

⁷⁸ МО, т. VIII, ч. 2, № 312, с. 491; Европейские державы и Греция..., № 32, с. 20.

⁷⁹ Там же, № 38, с. 22; С. Theodoulou. Op. cit., p. 200; G. V. Leon. Op. cit., p. 253.

⁸⁰ С. Theodoulou. Op. cit., p. 201—202. Одновременно в генштабе разрабатывался план активных действий против Болгарии при наступлении более благоприятных условий: успешных действий сербской армии, которые задержат наступление австро-германцев у Дуная, либо прорыва немцев к Стамбулу с оставлением на Балканах лишь болгарских армий (АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 966, л. 432).

⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. Генмор, оп. 1, т. 3, д. 3766, л. 40.

22 октября правительство Англии, убедившись в несговорчивости правительства Греции, окончательно сняло свое предложение.

Характеризуя положение в Греции, российский военно-морской агент А. А. Макалинский писал, что партия короля «одержала верх, страна потеряла значительную часть своего конституционного режима и управляется правительством меньшинства, послушного влиянию королевской власти, получающей советы и внушения от германцев и симпатизирующих им лиц, окруживших короля»⁸¹. Е. П. Демидов также констатировал, что новое правительство «является лишь пешкой в руках германофильских кругов»⁸² и Греция «все более направляется к личному режиму» короля⁸³. Аналогичную оценку давал и Венизелос в интервью корреспонденту «Фигаро»: «После пятидесятилетнего конституционного режима, в течение которого греческому народу удалось осуществить часть своей национальной программы, конституция превратилась в клочок бумаги». Венизелос указывал, что повторный роспуск парламента означает начало новой политической системы, при которой вся власть в стране сосредоточивается в руках монарха⁸⁴.

Состоявшиеся 19 декабря выборы в парламент не привели к изменению ситуации в стране. Они прошли в обстановке снижения активности населения. В выборах участвовало всего 230 тысяч человек против 730 тысяч в июне 1915 г., когда победил Венизелос. Авторитет последнего был поколеблен, а партия его оказалась менее монолитной, чем ранее. На сторону короля перешел бывший союзник Венизелоса Раллис. Значительная часть венизелистов не смогла принять участия в выборах, так как была призвана в армию.

Вновь избранный парламент утвердил германофильское правительство Скулудиса. Немалую роль в этом сыграло и изменение международной обстановки на Балканах. Державы центральной коалиции нанесли поражение Сербии, их войска приближались к греческой границе. Реакционная греческая военщина открыто приветствовала эти победы.

«Дейли телеграф» писала в декабре 1915 г., что «греческий король менее, чем когда-либо, склонен на уступки в пользу союзников и находится всецело под влиянием генералов Метаксаса, Дусманиса, Стратигоса, Палиса и Рангаде, которые недавно демонстративно приняли знаки отличия, присланные им германским императором и переданные бароном фон Шенком»⁸⁵.

В связи с изменившейся обстановкой в Греции и разгромом сербской армии английское правительство 23 ноября предложило отозвать из Салоник свои войска⁸⁶, намереваясь использовать эти силы для защиты Египта, Суэцкого канала и подступов к Средиземноморью и Стамбулу. Этому решению предшествовала поездка в Грецию военного министра Англии лорда Китченера с целью ознакомления с ситуацией в стране и на фронтах. 17 ноября Китченер прибыл в Афины, где виделся с греческим королем и Скулудисом. Высказывая свое неодобрение по поводу балканской экспедиции держав Согласия, Китченер, по мнению Гудим-Левковича, только «ободрил германофилов, предсказывавших трудности экспедиции»⁸⁷. Китченер передал королю, что союзники не хотят заставлять Грецию отказываться от нейтралитета против ее воли, но в то же время заявил, что любые действия греков против войск союзников в районе

⁸¹ Там же, л. 41.

⁸² Там же, д. 3775, л. 1.

⁸³ Европейские державы и Греция..., № XLVI, с. 26.

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. Обзоры печати, т. 303, л. 21.

⁸⁵ «Daily Telegraph», 7 XII 1915.

⁸⁶ Н. К о р с у н. Там же, с. 61—62.

⁸⁷ АВПР, ф. Политархив, 1915, д. 4261, л. 31.

Салоник будут расценены как *casus belli*⁸⁸. «Хитрый и красноречивый греческий король Константин» и представители генштаба советовали, как вспоминал Ллойд Джордж, чтобы англичане покинули Салоники и Дарданеллы и сосредоточили свои усилия на защите Египта⁸⁹. Греческий король по совету Вильгельма предлагал Китченеру, как это стало известно позднее из перехваченной англичанами радиogramмы кайзера Константину, прикрыть своими войсками эвакуацию из Греции англо-французских войск⁹⁰. Однако именно это предложение заставило многих английских генералов призадуматься.

Предложение Англии об эвакуации союзнических сил, на чем особенно настаивали Китченер, Асквит, Грей, Бальфур и некоторые другие, вызвало резкий отпор со стороны военных и государственных деятелей Франции и России, считавших необходимым не только оставить войска в Салониках, но и увеличить их численность, чтобы поддержать пошатнувшийся престиж на Балканах. Бриан и Галлиени предлагали увеличить англо-французские силы на Балканах с 350 тысяч до 400 тысяч человек⁹¹.

Под нажимом французского и российского правительств, откликнувшихся на обращение Сербии в декабре 1915 г. к союзникам с просьбой о поддержке, Великобритания вынуждена была уступить. На Парижской конференции союзников 10 декабря 1915 г. было принято решение об укреплении обороны на Салоникском плацдарме⁹². 11 декабря это решение было подтверждено на совещании представителей генеральных штабов союзников в Шантильи, где было принято решение оставить войска в Салониках.

Таким образом, разногласия между державами Антанты затянули открытие Салоникского фронта и привели к разгрому союзной сербской армии. Попытка Англии и Франции вывести Грецию из состояния нейтралитета и с помощью греческой армии оказать поддержку Сербии, для чего первоначально был послан десант в Салоники, также потерпела неудачу. Дальнейшее изменение военно-политической обстановки на Балканах в пользу центральных держав и озабоченность правящих кругов Англии и Франции в связи с угрозой, нависшей над их позициями на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Стамбуле, привело к изменению политики держав Антанты в отношении Салоникского фронта. Только русское командование с самого начала войны правильно оценило важное стратегическое значение балканского театра военных действий⁹³. Лишь после начала германо-болгарского наступления на Салоникском фронте и прихода к власти в Англии Ллойда Джорджа, считавшего, что наиболее чувствительный удар по враждебной коалиции можно нанести на Балканах, Салоникский фронт стал приобретать важное значение. В связи с активизацией военных действий на Балканах державы Антанты оказали военное, экономическое и политическое давление на Грецию, в результате чего король Константин летом 1917 г. был выслан в Швейцарию, а греческое правительство, во главе которого вновь встал Э. Венизелос, объявило о вступлении Греции в войну на стороне Антанты.

⁸⁸ С. Mackenzie. First Athenian Memoirs. London, 1931, p. 334—335.

⁸⁹ Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 356; Ф. Бертти. За кулисами Антанты. М.—Л., 1927, с. 82.

⁹⁰ АВПР, ф. Политархив, 1915, д. 4261, л. 86. 6 XII 1915 г. на заседании военного совета Китченер зачитал телеграмму Вильгельма Константину, где кайзер разрешал Греции создать прикрытия эвакуации (Д. Ллойд Джордж. Там же, с. 357).

⁹¹ T. Higgins. Op. cit., p. 232—234.

⁹² C. Callwell. Op. cit., p. 268.

⁹³ Н. Корсун. Там же, с. 4; В. А. Емец. Очерки внешней политики России, с. 234—249.

Е. Н. ОВЧИННИКОВА

ОБЗОР СЛОВАЦКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Настоящий обзор посвящен рассмотрению словацкой диалектной лексикологии и лексикографии, их становлению, проходившему в предвоенный период, и особенно подъему в 1950—1970-е годы. Именно в течение 30 послевоенных лет началось бурное развитие словацкой лингвистики, и прежде всего, диалектологии. Пристальный интерес, проявляемый сейчас многими языковедами к изучению различных уровней строения словацких говоров, не случаен; будучи неизбежным этапом в развитии каждой национальной лингвистики, он в то же время имеет и глубокие специфически словацкие причины.

Один из ведущих словацких диалектологов, Й. Штольц, писал: «В своеобразных условиях Словакии диалектология занимала и занимает до сих пор совершенно особое, необычайно важное место... Изучение диалектов является для словацкого языкознания исходным пунктом при обращении и к прошлому и к будущему словацкого языка, и лишь углубленное изучение диалектов может дать... возможность ясного, программного, действительно лингвистического познания развития словацкого языка»¹. Эти «своеобразные условия» состоят, прежде всего, в том, что словацкий язык поздно — лишь в середине XIX в. — обрел литературную форму, а официальное признание получил уже в начале XX в., после образования Чехословацкой республики (1918). Поэтому диалекты до сих пор — вполне живое явление, их нивелировка заметна лишь в немногих аспектах, кроме того, «словацкие диалекты необыкновенно дифференцированы, в такой степени, которая не известна, пожалуй, ни одному славянскому языку, кроме словенского»².

Мы опираемся, прежде всего, на несколько статей А. Габовштыка 1960—1970-х годов, посвященных сбору и изучению диалектной лексики³. Они носят программно-обзорный характер и содержат как ретроспективу достижений в этой области, так и анализ текущих проблем и перспектив. Некоторые сведения по данному вопросу содержатся в обзорах словацкой диалектологии, регулярно появляющихся в журнале «Slovenská reč» и

¹ J. Š t o l c. O súčasnej slovenskej dialektológii. «Jazykovedné štúdie», 1957, № 2.

² А. Н а б о в š t i а k. Názov «rázvoru» v slovenských nárečiach. «Prace filologické», 1964, № 18, cz. II.

³ А. Н а б о в š t i а k. O výskume slovnej zásoby slovenských nárečí. «Slovo a slovník», 1961, № 22; ег о ж е. O budovaní kartotéky pre slovenský nárečový slovník. «Slovenská reč», 1968, № 22; ег о ж е. K výskumu slovnej zásoby slovenských nárečí. «Slovenská reč», 1968, № 3; ег о ж е. O kartografickom spracovaní slovnej zásoby. «Slovenská reč», 1975, № 3.

др.⁴; характерно название одной из этих статей: «Результаты, перспективы и проблемы словацкой диалектологии». Наконец, краткие аннотации на различные лексикологические работы есть в «Bibliografii jazykovedy na Slovensku v rokoch 1939—1947» В. Бланара⁵ и четырех выпусках «Bibliografie slovenskej jazykovedy» (1948—1952, 1953—1956, 1957—1960, 1961—1965) Л. Двонча⁶.

Словацкая лексикология и лексикография не имеет длительной истории; почти все достижения в этой области относятся к XX в., в особенности, к периоду после 1918 г. Можно указать лишь две работы, содержащие лексический материал, которые были написаны до этого времени. Эта книга С. Цамбела «Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov» (Turčiansky Svätý Martin, 1906), к которой прилагается краткий диалектологический словарь Восточной Словакии, и «Словарь моравских диалектов» Ф. Бартоша (Fr. Bartoš. Dialektický slovník moravský, Praha, 1905).

В 1920—1930-е годы словацкая диалектология переживает период подъема⁷, выходит первая обобщающая работа по диалектологии — «Словацкие диалекты» В. Важного⁸. Однако лексика в это время остается почти не исследованной, в частности потому, что число диалектологов в Словакии было очень невелико, а материал, который имели в своем распоряжении лексикологи, — слишком скуден, практически ограничен тем, что давали их собственные полевые исследования. Не было не только диалектных словарей, но даже словарей литературного языка. Лишь в 1923 г. вышел небольшой по объему словарь М. Калала⁹, затем фразеологический словарь П. Тврдого¹⁰. Кроме того, были составлены два диалектных словаря, содержавшие весьма ценные данные — «Словарь бошацкой долины» Л. Ризнера¹¹ и «Словарь Турца» В. Важного¹². Однако оба словаря до сих пор находятся в рукописи и практически не доступны широкому кругу исследователей.

И все же даже при столь скудном лексикографическом материале в 1920-е годы в Словакии начали появляться работы по лексикологии, в основном, в изданиях «Сборник Словацкой Матицы» и журнале «Bratislava». Наиболее примечательны статьи В. Важного — две статьи под общим названием «Заметки для словацкого диалектного словаря» (первая — о названиях злаков и картофеля, вторая — о словацкой семье¹³), а также статьи в «Братиславе». Для примера рассмотрим статью о слове čert'až¹⁴. Эта лексема распространена в Средней Словакии, особенно в области Зволена в значении «граница; черта; межа; участок земли; прогалина; место,

⁴ J. St o l c. Ibid., его же. Výsledky, perspektívy a problémy slovenskej dialektológie. «Slovenská reč», 1967, № 4; F. B u f f a. Polstoročie výskumu slovenských nárečí. «Slovenská reč», 1969, № 1; P. O n d r u s. Súčasný stav slovenskej dialektológie. «Slovenská reč», 1973, № 6.

⁵ V. B l a n á r. Bibliografía... Bratislava, 1950.

⁶ L. D v o n č. Bibliografía... Matica Slovenská, 1957, 1958, 1962, 1970.

⁷ E. P a u l i n y. Prehľad prác o slovenských nárečiach za uplynulých 20 rokov. «Carpatica», 1938, I, ř. A.

⁸ V. V á ž n ý. Nářečí slovenská. «Československá vlastivěda», 1934, № III, Jazyk.

⁹ M. K á l a l, K. K á l a l. Slovenský slovník z literatúry aj z nárečí. Banská Bystrica, 1923.

¹⁰ P. T v r d ý. Slovenský frazeologický slovník. Trnava, 1934; см. о нем: E. J ó n a. Slovenský slovníkár P. Tvrďý. «Slovenská reč», 1964, № 1.

¹¹ L'. R i z n e r. Dialektický slovník bošácky (Rukopis); см. о нем: J. R i p k a. L'. Ríznér a jeho bošácky slovník. «Slovenská reč», 1973, № 5.

¹² V. V á ž n ý. Nářečový slovník z Turca (Rukopis); см. о нем: L'. N o v á k. Závážnosť turčianskeho slovníka prof. V. Vážného pre slovenskú historickú lexikológiu. «Jazykovedný časopis», 1962, № 2.

¹³ V. V á ž n ý. Príspevky k slovenskému dialektickému slovníku. «Zborník Matice Slovenskej» 1924 № 2.

¹⁴ V. V á ž n ý. Slovo «čert'až» alebo «čiert'až» v slovenčine. «Bratislava», 1932, r. VI.

где вырублены деревья в лесу'. Как топоним (Čert'až, Čiert'až, Čert'aže) это слово распространено несколько шире. Лексема известна диалектам русского, болгарского и украинского языков, а также польско-русинским и румынским диалектам. Дается этимология слова (из праслав. *čьrtъ, *čersti со значением 'определять границу'). Рассмотрение территории распространения этого слова и его семантики подводит автора к выводу о его связи с валашской пастушеской культурой, принесшей словацким диалектам много слов румынского и украинского происхождения.

Однако работы подобного уровня в словакистике 1920 — начала 1930-х годов были крайне немногочисленны¹⁵. Уже в 1930-е годы неоправданность отставания лексикологии стала очевидной. Многие заговорили о настоятельной необходимости изучения словацкой лексики¹⁶, о том, что нужно обращаться к новым, современным методам, прежде всего, к лингвистической географии. Эту идею широко пропагандировал В. Важны¹⁷, составивший «Вопросник для изучения словацких диалектов» из 227 вопросов по фонетике, морфологии и лексике¹⁸. Однако по различным причинам собрать сколько-нибудь полный материал не удалось, и вопрос об изучении словацкой диалектной лексики оставался открытым.

В конце 1930 — начале 1940-х годов была высказана мысль о том, что собрание и изучение лексики, в первую очередь, диалектной, является одной из самых актуальных задач словацкого языкознания¹⁹. Необходимость этого осознали многие словацкие лингвисты как старшего поколения, так и те, кто только начинал работать в этой области. В эти годы в большом количестве печатаются статьи по отдельным диалектным лексемам, списки диалектных слов, диалектные тексты. В журнале «Словацкий язык», начавшем выходить в 1932 г., публикуется целая серия статей по лексике отдельных диалектов: Й. Окала — по диалекту Гомбаша²⁰, Й. Вавро — по диалекту Превидзы²¹, П. Згута — по диалекту Турца²². Не все эти работы написаны на одинаковом уровне; так, например, в последней из упомянутых статей приводятся диалектные лексемы без точной локализации, отсутствуют имена информаторов. Однако эти статьи и заметки дали все же очень ценный материал для лексикологов²³. Кроме того, в 1932 г. вышла первая словацкая диалектологическая монография, не утратившая своей ценности до сих пор — «Липтовские диалекты» Я. Станислава²⁴. Она (как и большинство диалектных монографий последующих лет) была посвящена исключительно вопросам фонетики и морфологии, раздел лексики отсутствовал, однако к ней прилагался небольшой индекс лексем, упоминавшихся в тексте, и этот индекс — пусть неполный, без

¹⁵ К сожалению, многие словацкие довоенные издания оказались нам недоступными, и в большой степени мы опираемся на данные обзоров словацкой диалектологии этого времени (см. сноски 17 и 18).

¹⁶ L'. N o v á k. Problémy a úlohy slovenskej jazykovedy. «Zborník Matice Slovenskej», 1935, № 13; E. P a u l i n y. Prehl'ad...

¹⁷ V. V á ž n ý. O počátcích jazykového zeměpisu na Slovensku. «Zborník Matice Slovenskej», 1929, № 7; e g o ж е. Problémy a úlohy jazykovedy na Slovensku. «Zborník P. Bujnakovi—ctitelia, priatelia, žiaci». Bratislava, 1933.

¹⁸ «Dotazník pre výskum slovenských nářečí», 1920; см. также: J. S t o l c. Atlas slovenského jazyka. «Linguistica Slovaca», 1946—1948, № 4—6.

¹⁹ J. S t a n i s l á v. Úlohy slovenskej jazykovedy. «Slovenská reč», 1946, № 12; J. S t o l c. Atlas...

²⁰ J. O k á l'. Nářečové slová (Gombáš, Liptov). «Slovenská reč», 1938/39, № 7.

²¹ J. V a v r o. Nářečové slová a výrazy (Prievídza). «Slovenská reč», 1941/42, № 9.

²² P. R. Z g ú t h. Nářečové slová a výrazy (Turiec). «Slovenská reč», 1947, № 13.

²³ J. O r l o v s k ý. Ukážky zo sémantiky a nářečového slovníka Gemerského. «Elán», 1941/42, № 12; J. S á r g a. Nářečové slová. «Slovenský jazyk», 1940, № 1; J. F e d á k. Nářečové texty zo Zemplína. «Zborník Matice Slovenskej», 1940, № 17; J. S t o l c. Nářečové texty zo Spiša. «Zborník Matice Slovenskej», 1940, № 17 и др.

²⁴ J. S t a n i s l á v. Liptovské nářečia. Turčiansky Svätý Martin, 1932.

пояснений — также был вкладом в собрание словацкой диалектной лексики, открыв серию самых разнообразных индексов и словариков в подобных работах.

В 1940 г. вновь начинается собрание лексики (хотя новый Вопросник — 437 вопросов — не содержал уже специальных вопросов по лексике, а собранный материал, как и ранее, был неполон).

В 1943 г. был образован Институт языкознания в Братиславе, при котором началось собрание материала для словаря словацкого языка, подобный материал накапливался и в Матице Словацкой. Такое дробление сил было, конечно, нецелесообразно. Словацкая лексикология нуждалась в большем размахе, в координации и объединении.

В послевоенный период (конец 1940 — начало 1950-х годов) в словацкой лексикологии возникает несколько новых начинаний²⁵. В 1947 г. был поставлен вопрос о создании Атласа словацкого языка. В Институте языкознания был разработан Вопросник по фонетике и морфологии словацких диалектов²⁶; материал, получаемый при ответах на фонетическо-морфологический вопросник, можно было использовать для лексикологических исследований.

Кроме того, начато было составление картотеки для словацкого диалектного словаря²⁷. Он был задуман как возможно более полное описание лексики современных словацких диалектов, материал картотеки мог служить также для составления местных и дифференциальных словарей, а также для лексикологических исследований (как отдельных лексем, так и целых разделов лексики и т. п.).

Таким образом, в 1950-е годы словацкая лексикология вступила в новый этап — систематического и централизованного собрания и изучения лексики. На базе сводной картотеки, а в основном, пока еще на материале, собранном отдельными исследователями, появляется ряд работ, среди которых преобладают статьи о географии отдельных слов, о народной терминологии; выходит также небольшая работа общего характера — словарь предметной лексики словаков, живущих в Венгрии, — К. Палковича²⁸.

Большое внимание привлекает в это время ботаническая терминология. Ею занимается, в частности, А. Габовштяк²⁹ в статье о диалектных названиях тмина; Й. Врла³⁰ пишет о названиях слив в Западной Словакии, и т. д.³¹. Многие из этих работ отличаются широким охватом материала и достаточно высоким уровнем семантического и этимологического анализа в сравнении с работами прошлых лет. Й. Штольц, рассматривающий словацкие диалектные лексемы, обозначающие *Ribes Grossuralia* (смородина)³², разделяет их на 11 этимологических типов и подробно рассматривает каждый из них со всеми фонетико-словообразовательными вариантами.

²⁵ J. St o l c. Úlohy slovenskej jazykovedy. «Slovenská reč», 1946, № 12.

²⁶ «Dotazník...», č. I. Fonetika (J. St o l c); č. II. Morfológia (E. P a u l i n y). Bratislava, 1947.

²⁷ A. H a b o v š t i a k. O budovaní...

²⁸ K. P a l k o v i č. Z vecného slovníka Slovákov v Maďarsku. «Jazykovedné štúdie», II. Dialektológia, 1957. В этом же сборнике опубликовано еще несколько статей по лексикологии.

²⁹ A. H a b o v š t i a k. Pomenovanie rasca v slovenských nárečiach. «Studie zo slovenské jazykovedy», 1958.

³⁰ J. V r l a. Ľudové pomenovania sliviek na západnom Slovensku. «Slovenský národopis», 1959, № 7.

³¹ Например, F. B u f f a. Z nárečových názvov rastlín v Dlhej Lúke v severnom Sariši. «Jazykovedné štúdie», II, 1957.

³² J. St o l c. Názvy rastliny «*Ribes grossularia*» v slovenských nárečiach. «Jazykovedné štúdie», II, 1957.

В этот период появляется большое число статей по народной терминологии в журналах «Словацкая этнография» и «Словацкая профессиональная терминология»: статья Й. Подолака — «Номенклатура плуга на территории словацкого языка», статьи К. Палковича — «Название частей телеги», «Названия сбруи»³³ и др. Лексический материал содержится также во многих этнографических монографиях — о народном костюме, ремеслах и т. д.³⁴.

Появляется «Словарь предметной лексики словаков в Венгрии» К. Палковича³⁵, составленный на материале, собранном автором в 1946 г. (когда он находился, будучи членом Переселенческой комиссии, в Венгрии³⁶), а также полученном при анализе и экскерпировании различных текстов, частной переписки и т. д. И хотя автор в предисловии ссылается на отрывочность и недостаточность материала, собранного в столь краткие сроки, этот словарь стал своего рода событием. Это был первый подлинно диалектный словарь предметного типа, изданный в Словакии. Лексика представлена в рамках четырех семантических групп (1) природа; 2) условия жизни; 3) производство; 4) общественная жизнь), достаточно полных и систематических; рассмотрены фонетико-морфологические особенности диалекта, семантика и этимология слов, их синонимы, омонимы, антонимы и переносные употребления.

Заметным явлением был словарь, прилагавшийся к книге Ф. Буффы о долголуцком диалекте³⁷. Лексемы приводятся по алфавиту в диалектной форме с литературным эквивалентом (если диалектная форма отличается от литературной), далее дается стилистическая характеристика (пейоратив, прозвище, фамильярное, экспрессивное, устарелое и т. д.), синонимы и фразеология. Всего приводится около трех тысяч лексем. И хотя в этой книге (как и во всех вышедших до сих пор словацких диалектных монографиях) отсутствует специальный раздел лексики, ее можно отнести к этапным работам в словацкой лексикографии.

В 1960-е годы началась новая фаза развития словацкой диалектологии. В связи с активизацией работ над Общеславянским лингвистическим атласом, наметившейся после IV съезда славистов в Москве (1958), в Братиславе прошла диалектологическая конференция чешских и словацких лингвистов, на которой решено было шире развернуть работу словацких диалектологов, в частности, интенсифицировать сбор и обработку диалектной лексики. При Институте языкознания имени Л. Штура были созданы диалектологическое отделение и Словацкая диалектологическая комиссия как координационный и совещательный орган, была расширена база работы. Собираение лексики стало «более профессиональным и систематическим»³⁸, с широким применением технических средств; этим стали заниматься также в университетах Братиславы и Прешова, на педагогических факультетах в Нитре, в Банской Быстрице, диалектная лексика все чаще становится предметом изучения в дипломных

³³ J. P o d o l á k. Nomenklatura pluhu na územi slovenského etnika. «Slovenský národopis», 1957, № 5; K. P a l k o v i č. Názvoslovie častí vozu; e r o ж e. Názvoslovie postrojov. «Slovenské odborné názvoslovie», 1957, № 5.

³⁴ «Banicka dedina Zakarovce». Bratislava, 1956; F. P o l á č e k. Slovenské ľudové piesne. I—IV. Bratislava, 1950, 1952, 1956, 1964; S. K o v á č e v i č o v a. Ľudový odev v hornom Liptove. Bratislava, 1955; E. P l i c k o v á. Pozdišovske hrnčiarstvo. Bratislava, 1959 и др.

³⁵ K. P a l k o v i č. Z vecného slovníka Slovákov...

³⁶ В результате участия в работе комиссии других лингвистов было создано еще несколько трудов, например, P. O n d r u s. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava, 1956; J. S t o l c. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949 (последняя с индексом) и др.

³⁷ F. B u f f a. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.

³⁸ A. H a b o v š t i a k. O výskume...

работах и диссертациях (главным образом, это относится к народной терминологии). В начале 1960-х годов встал вопрос о составлении нового лексического вопросника для Атласа словацкого языка. Вопросник был создан в 1964 г. А. Габовштиком и Ф. Буффой³⁹. В нем содержится 1259 вопросов по лексике и 592 по словообразованию, ориентированных на исследование дифференциации словацких диалектов с лексической, семантической и словообразовательной точек зрения. Была намечена неравномерная сетка пунктов обследования. К 1970 г. материал был в основном собран. Продолжалась также работа над Словарем словацких диалектов. П. Ондрусом было составлено развернутое руководство для собирания диалектной терминологии исчезающих ремесел⁴⁰.

Словацкая лексикология этого десятилетия отличается большим разнообразием. Можно выделить четыре основных типа работ: небольшие статьи о конкретных диалектных лексемах, их этимологии, фонетических вариантах; исследования по географии диалектных слов, их этимологии и семантике; описания целых групп лексики; наконец — синтетические работы, охватывающие лексическую дифференциацию словацких диалектов в целом; такие работы появляются в словакистике впервые и представляют особый интерес. Кроме того, публикуются индексы лексем в диалектных монографиях.

Среди работ по географии отдельных диалектных слов, часто с привлечением данных других славянских языков, следует назвать статьи К. Палковича, а впоследствии Р. Кухара о названиях источника и их семантике⁴¹, А. Габовштыка о названиях *rázvoru* 'жерди, соединяющей переднюю и заднюю части телеги'⁴², совместную работу С. Утешеного и А. Габовштыка о названиях чердака в чешских и словацких диалектах⁴³ и др. Все эти работы построены на обширном материале.

Целый ряд статей посвящен семантическим группам лексики (часто терминологической): работа Й. Нижнянского о виноградарской терминологии⁴⁴, К. Палковича — о лексике, связанной с доением и переработкой молока⁴⁵, Я. Матејчика — о ботанической лексике восточноновоградского диалекта⁴⁶. В последней работе рассматриваются названия растений, их семантическая мотивация (по внешнему виду растений и т. д.). Индекс представляет рядом с каждым диалектным словом его литературную форму и латинское соответствие.

Ценные факты содержит статья Я. Мигала «Опыт этимологии некоторых диалектизмов»⁴⁷, в которой рассмотрены словацкие диалектные заимствования. Наиболее многочисленны случаи заимствования из немецкого языка (в основном, терминологического характера, пришедшие вместе с ремеслами): *calta* > *Zelte*, *bachtar* > *Wachter*, а также из венгерского: *fátel* > *fátyol* (шаль), *forgov* > *forgó* (цветок на шляпе) и т. д. Рассматри-

³⁹ A. H a b o v š t i a k, F. B u f f a. Dotazník pre výskum slovenských nárečí, č. 3—4. Bratislava, 1964.

⁴⁰ P. O n d r u s. Výskum slovnej zásoby slovenských nárečí. Bratislava, 1966.

⁴¹ K. P a l k o v i č. Pomenovanie prameňa a sémantika slova žriedlo. «Zborník FFUK, Philologia», 1964, № 16; R. K u c h á r. Význam slova žriedlo. «Slovenská reč», 1964, № 3.

⁴² A. H a b o v š t i a k. Názov «rázvor»...

⁴³ S. U t e š e n ý, A. H a b o v š t i a k. Názvy podstřeší v českých a slovenských nárečiach. «Slavia», 1962, № XXXI.

⁴⁴ J. N i ž ň a n s k ý. Vinohradnícka terminológia v západoslovenskej obci Brestovany. «Jazykovedné štúdie», 1969, X.

⁴⁵ K. P a l k o v i c. Nárečová terminológia, súvisiaca s dojením a spracovaním mlieka. Ibid.

⁴⁶ J. M a t e j č í k. Z. lexiky východonovohradského nárečia. Ibid.

⁴⁷ J. M i h á l. Pokus o etymológiu niektorých dialektizmov. «Jazykovedné štúdie», 1966, IX.

ваются заимствования из турецкого языка, прошедшие через посредство венгерского слов. керей < венг. köpenyeg < тур. керепек. Есть заимствования, связанные с валашской пастушеской культурой: geleta < рум. găleată, strunga < рум. strungă.

Особое место среди работ этих лет по группам диалектной лексики занимает работа А. Габовштыка «О характеристике лексики словацких диалектов в Горной Митрополии (Болгария)»⁴⁸. В ней, кроме словаря, имеется краткий очерк истории этих диалектов — их происхождения (в основном, среднесловацкое), путей проникновения их носителей в Болгарию (через Югославию, Венгрию и Румынию) и взаимоотношений с болгарским языком; автор считает, что при всей многочисленности болгаризмов лексика этих говоров не утрачивает пока своего среднесловацкого характера, заимствования не вытесняют исконно словацкий пласт, не носят системного характера. Ни одна из семантических групп лексики не состоит целиком из болгарских слов, а терминологическая лексика почти исключительно словацкая (за исключением венгерских и немецких заимствований, общих с диалектами Словакии). Остается сожалеть, что в работе не описана ситуация билингвизма, а лишь упомянуто о двуязычии местных словаков.

Высокий уровень присущ статьям синтетического характера, в которых лексические системы словацких диалектов рассматриваются в сравнительном плане. Это, прежде всего, статья К. Палковича «К вопросу о лексической дифференциации словацких диалектов»⁴⁹. Автор исследует сначала лексемы, общие для среднесловацких и западнословацких диалектов: dedina (востслвц. válal), koža (востслвц. skuga), l'adovec (востслвц. hrad); общие для среднесловацких и восточнословацких: liase (запслвц. oprati), olovrant (запслвц. nešpor), наконец, общие для восточных и западных диалектов (otava, stodola). Устанавливая ареалы, в которых распространены отдельные лексемы (общесловацкие, областные, краевые), К. Палкович приходит к выводу, что названия для предметов, явлений, действий, вошедших в жизнь человека в ранние периоды истории, в значительной степени унифицированы, в отличие от большей дифференциации названий, возникших уже в новое время.

В 1969 г. появляется еще одна работа такого типа — статья А. Габовштыка о лексических границах словацких диалектов⁵⁰. Проанализировав большое количество диалектных лексем, автор приходит к выводу, что фонетико-морфологическое членение словацких диалектов на три группы имеет аналогию и в членении лексики, которое, впрочем, несколько менее отчетливо. Кроме того, он присоединяется к мысли К. Палковича о том, что среднесловацкая и западнословацкая лексика имеют между собой больше общего, чем среднесловацкая и восточнословацкая. Оба эти положения он подкрепляет многочисленными примерами, ср. запслвц. и срслвц. d'ateli-na — востслвц. trojka, koničina; запслвц. и срслвц. zápraž — востслвц. cuk; запслвц. и срслвц. vrstovník — востслвц. rovesník и др.

То же обнаруживается в области наречий и предлогов: запслвц. и срслвц. všdi (dicki, ždi) — востслвц. vše; запслвц. и срслвц. vel'mi (moc, velice) — востслвц. bars; запслвц. и срслвц. aspoň(— m) — востслвц. cholem; запслвц. и срслвц. cez — востслвц. prez.

Эти изолексы образуют пучок на границе Спишской и Абовской областей, с одной стороны, и Липтовской и Гемерской, с другой.

⁴⁸ A. H a b o v š t i a k. K charakteriskike slovnéj zásoby slovenských nářečí v Hornej Mitropolii (Bulharsko). «Slavica Slovaca», 1968, № 5.

⁴⁹ K. P a l k o v i č. K otázke lexikálnej diferenciacie slovenských nářečí. «Jazykovedný časopis», 1969, № 13.

⁵⁰ «K otázke lexikálnej hranici stredoslovenských, západoslovenských a východoslovenských nářečí. «Jazykovedné štúdie», 1969, X.

Различия между среднесловацкой и западнословацкой лексикой меньше, а разброс изолекс больше, чем в предыдущем случае.

Самые характерные изолексы — *kmín, cinter, oblok* — совпадают с морфологическими и фонетическими изоглоссами, что показано на трех картах.

В 1970-е годы продолжают появляться статьи как конкретного, так и обобщающего характера. Происходит также очень важное для словацкой диалектологии событие — в 1975 г. издается первый⁵¹ словарь словацкого диалекта — «Лексика Новограда» Я. Матейчика⁵². Обогащается также методология словацких лексикологов, так, Ш. Ондруш использует достижения современной этимологии, Я. Мистрик применяет количественный анализ лексики⁵³. Появляются новые темы, в частности, карпатская. Наконец, что очень важно, заканчивается работа над лексической частью Атласа словацкого языка. Сбор материала был завершён в 1970 г., и с 1971 по 1975 г. шло его картографирование, комментирование и т. д. Было составлено 1300 карт, из которых в атлас вошли 450. Представлены слова всех семантических групп, все части речи, составлены как аналитические, так и синтетические карты⁵⁴.

Остановимся подробнее на Новоградском словаре Я. Матейчика. Слова в нем разделены на шесть больших семантических групп: 1) природа, 2) труд, 3) жилой дом, 4) физическая жизнь человека, 5) психическая и духовная жизнь, 6) общественная жизнь. Каждое слово сопровождается грамматической характеристикой, объяснение значения (не только на словацком, но и на французском, немецком), примеры, синонимы, фразеология, стилистическая оценка. Отдельные недочеты — недостаточное различение полисемии и омонимии, непоследовательное употребление генетических классификаторов (архаизм, неологизм и т. д.), отсутствие в алфавитном индексе отдельных лексем — не умаляют всей ценности вклада Я. Матейчика в словацкую лексикографию.

Среди работ, в которых применяются новые лингвистические методы, особый интерес вызывают многочисленные статьи Ш. Ондруша, появляющиеся с 1970 г. в журнале «Slovenská reč». Это статьи: «Значение и происхождение слов *báň — baňa*», «Венгерского ли происхождения слово *shotár?*»⁵⁵ и многие другие. Они посвящены вопросам славянской этимологии и семантики, но во многих из них Ш. Ондруш широко привлекает данные словацкой диалектологии.

Новой для словацкой лингвистики является проблематика карпатского языкознания, вводимая статьей П. Ондруса⁵⁶. А между тем, именно данные словацких диалектов могут оказаться очень ценными при решении некоторых спорных вопросов карпатистики. Югославский лингвист П. Ивич, приводящий в своей рецензии на Карпатский диалектологический атлас большое количество словацко-сербско-словенских и др. лексических сходжений, отмечал важность изучения словацко-южнославянских связей в

⁵¹ Мы не учитываем здесь рукописные словари, так же как и прилагавшиеся к монографиям и печатавшиеся в периодических изданиях.

⁵² J. M a t e j č í k. Lexika Novohradu (večný slovník). Martin, 1975.

⁵³ J. M i s t r í k. Z kvantitatívneho výskumu lexiky slovenskej ľudovej piesne. «Slovenská reč», 1971, № 1.

⁵⁴ A. H a b o v š t i a k. Konceptia lexikálnej časti atlasu. «Jazykovedný časopis», 1974, № 1.

⁵⁵ S. O n d r u š. Význam a pôvod slov *báň—baňa*. «Slovenská reč», 1971, № 1; е г о ж е. Význam a pôvod slov *hútat' — hutorit'*. «Slovenská reč», 1970, № 4; е г о ж е. Je slovo *shotár* maďarského pôvodu? «Slovenská reč», 1973, № 1.

⁵⁶ П. О н д р у с. Словацкие говоры и карпатская языковая область. «Советское славяноведение», 1974, № 3.

лексике⁵⁷. П. Ондрус применил вопросник КДА к словацким диалектам и обнаружил в них 22 карпатоукраинские лексемы. Они делятся на четыре группы: 1) распространенные во всех диалектах словацкого языка; 2) распространенные в южных среднесловацких говорах; 3) несколько лексем известны в южных среднесловацких диалектах и Трянчанской Жупе; 4) лексема *ogar* ('худой, высокий человек'), распространенная в Гемере и Шареше и принесенная, по мнению автора, валашской колонизацией.

В последние семь лет появилось также много статей, посвященных различным манифестациям какой-либо семемы в словацких диалектах; они сходны с работами, упоминавшимися выше⁵⁸. Кроме того, следует отметить работу А. Габовштяка, посвященную характеристике одной из групп словацких диалектов⁵⁹. В ней подробно рассмотрены специфические черты западнословацкой лексики (выделяется шесть групп: названия растений, животных, еды и т. д.), дифференциация западнословацких диалектов (южно- и северозападнословацкие лексемы, лексемы Загорья и т. д.), а также связь этих диалектов с восточными и среднесловацкими. Другая работа А. Габовштяка⁶⁰ посвящена вкладу данных лингвогеографии в этимологические исследования, в частности, вопросу о том, как сведения о географии диалектных лексем (материал лексической части Атласа словацкого языка), об их словообразовательных вариантах, семантической амплитуде помогают интерпретировать слова с неясной этимологией (*dokorán, bandurčeň, nisko*).

В эти годы продолжают печататься индексы в диалектологических монографиях — например, в книге Д. Дудока о диалекте Пивницы в Югославии и И. Рипки «*Dolnotreňianske nárečia*»⁶¹ и др.

В заключение остановимся на организации работы по изучению диалектной лексики в современных научных учреждениях Словакии. Как было решено в 1960 г., главным центром, координирующим исследования по словацкой диалектологии, в том числе и по диалектной лексикологии, является Диалектологическое отделение Института языкознания имени Л. Штура Словацкой академии наук, которым руководит И. Рипка. Здесь сосредоточены работы над словарем словацких диалектов⁶², над лексической частью Атласа словацкого языка (уже подготовленной к печати). В высших учебных заведениях Словакии идет как коллективная, так и индивидуальная работа профессоров и студентов по собиранию лексики местных диалектов и изучению ее в дипломных работах и диссертациях⁶³. На философском факультете Университета Я. А. Коменского в Братиславе этой работой руководит П. Ондрус. Здесь изучается терминология исчезающих ремесел и западнословацкая лексика. При педагогическом

⁵⁷ П. И в и ħ. рец.: С. Б. Берштейн, Г. П. Клепикова и др. Карпатский диалектологический атлас. «Зборник за филологију и лингвистику», Нови Сад, 1970, № XIII.

⁵⁸ S. L i p t á k. O pomenovaní mravca v slovenských nárečiach. «Jazykovedné štúdie», 1973, XI; его же. K pomenovaniu rozprávky v slovenčine. «Slovenská reč», 1974, N 1; M. M a j t a n. Slovenské názvy smrekovca opadavého. «Zborník na počesť 7. slavistického kongresu vo Varšave», 1973; A. H a b o v š t i a k. Názvy zemiako v slovanských jazykoch. «Jazykovedný časopis», 1973, № 1; его же. Pôvod a rozšírenie slova prt' v slovenčine. «Slovenská reč», 1972, № 3. его же. Oselník a jeho názvy v slovenských nárečiach. «Slovenská reč», 1972, № 1 и др.

⁵⁹ A. H a b o v š t i a k. K charakteristike slovnej zásoby záposloslovenských nárečí. «Zborník na počesť 7. slavistického kongresu...».

⁶⁰ A. H a b o v š t i a k. Jazykový zemepis a etymológia. «Slovenská reč», 1976, № 2.

⁶¹ D. Dudok. Nárečie Pivnice v Báčke. Matica Slovenská, 1972; J. R i p k a. Dolnotreňianske nárečia. Bratislava, 1975.

⁶² J. R i p k a. O koncepcii slovníka slovenských nárečí. «Slavica Slovaca», 1976, № 1.

⁶³ P. O n d r u s. O súčasnom stave slovenskej dialektológie. «Slovenská reč», 1973, № 6.

факультете Университета в Прешове идет изучение восточнословацкой лексики; под руководством Ш. Тобика был составлен Вопросник, создается словарь Гемера. На педагогическом факультете в Банской Быстрице под руководством Ш. Криштофа изучается южнословацкая лексика и т. д. Многие лингвисты работали и работают над словарями: Й. Вавро — над словарем диалекта Превидзы, А. Габовштяк — над оравским словарем, К. Палкович — над загорским. Й. Штольц подготовил к печати словарь словацких диалектов в Югославии⁶⁴. Можно надеяться, что выход в свет этих словарей, а также второго тома Атласа словацкого языка даст новый импульс работе словацких лексикологов.

⁶⁴ F. B u f f a. Polstoročie...; A. H a b o v š t i a k. K. výskumu...

РАЙНЕР ЭККЕРТ

О РОЛИ СЛОЖНЫХ СЛОВ И СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НИМИ СОЧЕТАНИЙ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО СЛОВА¹

При достаточно большом расстоянии двух языковых состояний друг от друга мы можем последние по сути дела трактовать как два языка. Каждый из них обладает своей самобытной структурой на всех уровнях, в том числе на лексико-семантическом уровне. Это обстоятельство, как известно, вызывает необходимость создания переводов с древнеписьменных языков на современные языки. Принципиально процесс трансляции с одного современного языка на другой не отличается от переводов «во времени», т. е. от переводов древнего состояния данного языка на его современное состояние². Этим, между прочим, объясняются некоторые дополнительные трудности при изучении древнего состояния иностранного языка: нужно осуществить как бы двойной перевод. Если возьмем в качестве примера изучение древнерусского языка у нас в ГДР, то от изучающего требуется, во-первых, перевод с древнерусского на современный русский язык (этот этап усложняется, если идет речь о книжно-славянском варианте древнерусского литературного языка) и, во-вторых, перевод с современного русского языка на современный немецкий язык.

Одним из центральных вопросов любого перевода является вопрос о значении языковых единиц, в особенности единиц лексико-семантической подсистемы языка³. Глубина понимания древнеписьменного текста в значительной степени зависит от знания значений тех лексических и фразеологических единиц, которые составляют этот текст. По этой причине проблемы, связанные с семантическим анализом древнеславянского слова, являются весьма актуальными и одновременно очень важными в теоретическом и практическом отношениях.

Нам кажется, что для успешной разработки приемов семантического анализа древнеславянского слова, помимо некоторых других направлений научной мысли, первостепенное значение имеет теория сочетаемости слов.

¹ Данная статья представляет переработанный вариант доклада, который автор прочитал на научной конференции «Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии» Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института русского языка АН СССР в Москве 4 ноября 1975 г.

² По вопросу о переводе «во времени» см. E. C a r y. Die Zukunft in: «Das Problem des Übersetzens», herausgegeben von H. J. Störig. Stuttgart, 1963, S. 390.

³ Об одном способе описания значения слова через перевод на другие языки см. R. E c k e r t. Analyse der Wortbedeutung und Vergleich der Translate in: Actes du Xe Congrès international des linguistes. Bucarest, 28 Août — 2 septembre 1967, II, Editions de l'Academie de la République Socialiste de Roumanie. Bucarest, 1970, S. 703—709.

Это обстоятельство находит, с одной стороны, свое отражение в успехах при реконструкции праязыкового текста. Я имею в виду известную работу В. В. Иванова и В. Н. Топорова, посвященную этой проблеме ⁴.

С другой стороны, в целом ряде работ по фразеологии наблюдается обостренный интерес исследователей именно к сочетаемости слова ⁵. Что касается фразеологической теории, то для нас в указанном смысле важны прежде всего две тенденции: во-первых, значительное развитие исторической (диахронической) фразеологии. Предметом фразеологического анализа все больше становятся старописьменные языки. Во-вторых, весьма перспективными нам представляются вопросы лексиче с к о й сочетаемости слов, выдвинутые в первую очередь на материале современных языков советскими фразеологами.

Мы не отрицаем важности учета парадигматических связей слова при исследовании его семантики, но считаем, что эта часть анализа непременно должна быть дополнена (если это, конечно, возможно) тщательным рассмотрением синтагматических связей данного слова. В тех случаях, когда древнеславянское слово засвидетельствовано в тексте (или, что еще лучше, в нескольких или многих текстах), при изучении его значения наиболее выгодным является сочетание обоих подходов, т. е. анализ его парадигматических отношений и изучение его синтагматических связей.

Фразеологическая теория в последние годы существенно расширила свою область применения. Она оказывается приложимой не только в отношении устойчивых и идиоматичных образований (т. е. в отношении собственно идиоматики данного языка), но охватывает, по всей вероятности, всю промежуточную область между так называемыми свободными словосочетаниями и собственно идиоматичными оборотами. Это не только дает возможность для более детального изучения именно синтагматических связей слова, но и для наблюдений над некоторыми словообразовательными процессами и над процессами создания текста из слов. Ведь тексты образуются из предложений, а в предложениях слова не входят непосредственно, но через словосочетания (свободные и несвободные). Между свободными словосочетаниями, фразеологизмами и словами существуют тесные связи. С диахронической точки зрения границы между синтаксисом, фразеологией, словообразованием и лексикологией весьма подвижны.

Мы убеждены в том, что для более точного определения значения древнеславянских слов сопоставление разных языковых единиц (словосочетаний, фразеологизмов, слов), которые способны передать один и тот же смысл, имеет немаловажное значение. Некоторые результаты, достигнутые благодаря применению этой процедуры, мы и приводим ниже.

1. ДРЕВНЕРУССК. лазити—НЕ ТОЛЬКО 'ХОДИТЬ; ПОЛЗАТЬ'; НО И 'ВЫНИМАТЬ (О МЕДЕ)'

В известном словаре И. И. Срезневского ⁶ зафиксировано только два значения для др.-русск. лазити, лѣзти, а именно 'ходить' и 'ползать', хотя упоминается причастие лажены со значением 'вынутый'. Для последнего приводится место из Русской Правды с переводом на современный русский язык: оже коудуть вчелы не лажены (если из улья не вынимали еще меду) ⁷.

⁴ Ср. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, с. 88—158.

⁵ Ср. хотя бы две следующие работы: М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972 и М. М. Копыленко. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.

⁶ «Материалы для словаря древнерусского языка» (далее — «Материалы»), т. II, с. 4, 70.

⁷ «Материалы», т. II, с. 4.

Специальное значение глагола лазити несомненно связанное с лесным бортничеством, на уровне сочетаний отражено не только в упомянутом древнерусском примере, но и в случаях из современных восточнославянских языков и их диалектов. Ср. русск. простонар. *лазить пчел* 'вынимать мед из ульев'⁸ или 'подрезать улья, брать мед'⁹; а также белорусск. *Пчолы лаженья ким-то* и *Сяни хорощо лазиць пчель*¹⁰.

Наряду с сочетанием **laziti bčelъ* бытовали еще два тождественных по смыслу оборота: **laziti medъ* (ср. среднерусск. и кз томъ знамени мнѣ бортнику медъ лазитѣ (ДРС, К)¹¹ и **laziti bortъ*. Последнее известно не только из словаря В. Даля, где приводится *лázить бортъ*, *долázить* 'осматривать, подрезывать, доставать соты', *лázить бортъ* 'добывать из нее соты': *бортъ не лажена*¹², но и из более раннего, среднерусского источника. Ср. *лазилъ де онъ ксѣй на бою* (вместо *мою*—*Р. Э.*) *жилую борта всроки* (Кунгурские акты XVII в. Изд. А. Г. Кузнецова. Ред. А. А. Титова, Санкт-Петербург, 1888. Цитируется из источника 1675 г. по картотеке ДРС).

Любопытно то, как в более позднее время продолжения этих сочетаний изменили свою структуру в соответствии с нормами синтаксиса современного языка. Ср. русск. *лázить за медом* 'вынимать мед из улья'¹³ и с многократной формой глагола *лазить* цитату *Я по борцюшкам, душа, много лаживала*¹⁴.

С данными сочетаниями явно связано еще русск. *долázить улья* со значением 'кончить собирание меда'¹⁵.

Из сочетаний с глаголом лазити в упомянутом специальном (терминологическом) значении обращает на себя внимание еще оборот **ulazьnoj medъ*, который также известен нам из среднерусских памятников хозяйственного или юридического содержания. Ср. из бортных үхожеек медкеной оброк келета иматѣ з бортникѣк и с морды мед самой доброй улазной. Цитата относится к 1659 г. и взята из Словаря русского языка XI—XVII вв., 1, 300 под словом бортникѣ. В Словаре церковнославянского и русского языка (т. IV, 1867, стр. 711) с пометой «Акты юр., 213» находим следующую цитату: *Оброчный медъ давать добрый, самый улазный*. М. Фасмер¹⁶ указывает на сочетание *улазный мед* и переводит его через нем. 'Jungfernhonig'. В русском переводе этимологического словаря М. Фасмера¹⁷ это значение для *улазный мед* опущено и, по-видимому, с полным основанием, ибо *улазный мед* это не только первый мед, который добывают от какого-то роя пчел, а 'мед из леса, мед, добытый из ульев диких пчел с деревьев или из бортей, сделанных в деревьях или даже из колод, которые подвешивались к деревьям'. Вероятно, вынимали этот мед более или менее регулярно и, что для нас особенно важно, первоначально л а з и л и за этим медом¹⁸. По всей вероятности, в дальнейшем произошел сдвиг в зна-

⁸ Словарь церковнославянского и русского языка, т. II. СПб., 1867, с. 508.

⁹ Со ссылкой на В. Даля см. Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку АН СССР, т. V, вып. I, изд. 2. Л., 1930, с. 117.

¹⁰ Словарь белорусского наречия, сост. И. И. Носовичем. СПб., 1870, с. 264.

¹¹ Сокращением ДРС, К мы передаем картотеку Древнерусского словаря, которая хранится в Институте русского языка АН СССР в Москве.

¹² В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 1955 г., т. I, с. 120; т. II, с. 234.

¹³ Словарь русского языка, сост. Комиссией АН СССР, с. 117.

¹⁴ Там же, с. 106.

¹⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, т. II, с. 719.

¹⁶ М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. III, S. 181.

¹⁷ М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 158.

¹⁸ Этот способ добывания меда очень древний, восходящий несомненно к эпохе Среднего каменного века. Об этом свидетельствует мезолитическая наскальная живо-

чении прилагательного *улазной* или *улазный*.¹⁹ Начинает развиваться пасечное бортничество, но одновременно продолжают заниматься лесным бортничеством. Мед из леса считался, по-видимому, особенно хорошим, высококачественным, и в связи с этим *улазный* приобретает уже значение 'хороший, высококачественный'. Ср. характеристику, которая дается слову *улазный* в Слов. церковнославянского и русского языка (т. IV, стр. 711): «Старинное. О сотовом меде: 'спускный, самый лучший'».

Относительно самой формы среднерусск. прилагательного *улазной* интерес представляет сравнение с отглагольным прилагательным русск. *лазной*¹⁹, а в отношении приставки — сопоставление с древнепольск. *ułaźbić*, которое в свою очередь образовано от древнепольск. *łaźbić* 'вырезать соты из улья'. Сюда же относится еще русск. (вероятно диал.) *улаз* 'вырезание сот из улья'. Эти последние примеры уже уведут нас из области сочетаний в область слов. Однако между этими двумя категориями единиц как переходные случаи выступают сложные слова.

Сложения часто являются продуктами «конденсации» или «свертывания» определенных сочетаний. В них ярко проявляется тенденция к универбации сложных наименований, тенденция к устранению противоречия между членимой структурой и нечленимым содержанием. Кстати, исходными для универбации, по нашему мнению, могут выступать не свободные словосочетания, но лишь такие, у которых связь между компонентами уже в какой-то мере закрепились. Как раз такие сочетания мы и имели в виду, когда говорили о расширении предмета фразеологии²⁰.

С вышеупомянутым сочетанием **laziti medь* соотносится сложное слово среднерусск. медолазз 'период сбора меда'. (По поводу значения этого слова ср. работу В. А. М а л ь м. Промыслы древнерусской деревни (III. Бортничество). Труды Государственного исторического Музея, вып. 32. М., 1956, стр. 132). Цитата, в которой встречается слово медолазз сама по себе очень интересна: да у дерекни у осеа великого княза всртга с пчелами а къ медолазз ѣздитъ подлащыкк иза нскагсрода (Новгородские писцовые книги, т. III, Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500г., 1-я половина. СПб., 1868—по картотеке ДРС). В данной цитате встречается еще имя деятеля среднерусск. подлащыкк, которое мы объясняем из **pod-laz-čik*, ср. русск. *подлазить* 'вынимать мед у пчел'²¹.

Сочетание **laziti bortь* в белорусских диалектах путем свертывания дало другое имя деятеля — сложное слово *барцялаз* 'пчелярь'²². На связь этого слова с лесным бортничеством указывает сама цитата: *Калісь былі барцялазы дзяржалі пчол у лесе*.

пись из восточной Испании, где дважды, в Альпере и в Аране, были найдены изображения человека, поднимающегося на веревках или ремнях к пчелиному улью, находящемуся где-то наверху. См. книгу: Wil. B. M i r i m a n o w. Kunst der Urgesellschaft und traditionelle Kunst Afrikas und Ozeaniens. Dresden — Moskau, 1973, S. 164, где в тексте упомянуты эти два изображения, а также снимок 133 на стр. 166, где воспроизводится наскальное изображение с поднимающимся на веревках «медолазом» из Sueva de la Araña. О древности описываемого способа добывания меда говорит еще другой факт. У восточных славян-язычников сохранился обычай после смерти бортнику или «медолазу» давать с собой в могилу веревки, при помощи которых он при жизни поднимался на деревья за медом. Ср. из «Повести о водворении христианства в Муроме» сообщение о том, что «...по мертвым ременная плетенья древолазная с ними в землю погребяюще» (Памятники старинной русской литературы под ред. Н. Костомарова, вып. I. СПб., 1869, с. 235).

¹⁹ В. Д а л ь. Толковый словарь..., изд. 1955, т. II, с. 234.

²⁰ Подробнее об этом см. R. E c k e r t. Zum Verhältnis von Phraseologie und Wortbildung. Linguistische Arbeitsberichte, Heft. 9, Mitteilungsblatt der Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft der Karl—Marx—Universität. Leipzig, 1974, S. 19—29.

²¹ Словарь церковнославянского и русского языка, т. III, с. 550.

²² Ю. Ф. М а ц к е в і ч. Лексика пчелярства. В кн. З народнага слоўніка. Мінск, 1975, стар. 206.

Из приведенного материала вытекает, что др.-русск. лазити, несомненно, имело еще одно специальное значение, а именно 'вынимать, добывать (мед из борти или улья диких пчел на деревьях)'. С указанными фактами из древнерусских и особенно из среднерусских памятников согласуются многие материалы из народных говоров и литературных языков на восточнославянской, польской, балтийской и отчасти финно-угорской языковых территориях ²³.

II. ОБ ОДНОМ СПЕЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРАСЛ. *DĚLATI

Не всегда материалы для семантического анализа представлены так обильно, как в предыдущем примере. В таких случаях мы можем с известной осторожностью на основании сложного слова реконструировать сочетание, которое легло в основу этого образования.

Из старославянского языка (Супрасльской рукописи) и ряда церковнославянских памятников известно сложное существительное дрѣкѡдѣла, -ла — 'плотник'. Р. М. Цейтлин относит ст.-сл. дрѣкѡдѣла к «сложениям старого типа», «к числу древнейших славянских сложений» ²⁴, что хорошо согласуется с нашей дальнейшей трактовкой этого слова.

По нашему мнению, ст.-сл. дрѣкѡдѣла предполагает сочетание *dĕlati dervo, что означало 'обрабатывать дерево (как материал)'. Это находится в соответствии с семантикой данного глагола в болг. дѣлам 'тесать' и сербохорв. дѣлати, 'обтесывать, строгать, обстругивать, резать по дереву'. Наряду с основой на -iā дрѣкѡдѣла, -ла в паримейнике Лобковицком встречается основа на -jo дрѣкѡдѣла, -ла. Еще К. Буга ²⁵ обратил внимание на то, что вторая часть литовского слова rātdailė 'колесник' тождественна второму компоненту в ст.-сл. дрѣкѡдѣла. Он возводит лит. *dailė и слав. дѣла к *dailyē. К этому можно добавить, что другой вариант, а именно дрѣкѡдѣла, -ла довольно точно соответствует лит. jo - основе в слове ratadaylis (у Ширвидаса) 'колесник' и в лит. имени собственном Kašdailis (оно означает буквально 'делающий кораба', ср. лит. kāsė 'короб').

В болгарском народном языке сохранились многочисленные слова с корнем *dĕl-, которые связаны с обработкой дерева. Ср. болг. редк. диал. делач, делачка 'инструмент для деревянного обруча'; болг. диал. деланка 'щепка от полена', деланки 'деревянные стружки', деленѣца 'лента из ореховых прутьев для плетения коробов' (ср. лит. kašdailis 'тот, кто делает кораба'); а также болг. диал. дърводелец 'кто делает деревянные предметы' ²⁶. Е. И. Демина обратила наше внимание на то, что болг. дрѣкѡдѣлаца встречается еще в среднеболгарских дамаскинах, причем этим словом называли человека, изготавливающего предметы из дерева (деревянные плуги, корабли, колеса). Ср. следующий отрывок из Тихонравовского дамаскина ²⁷: и ре^с мѡ ты ли ищеша чка маистора дрѣкѡдѣлаца има^а аза еднго чка хытра маистора дрѣкѡдѣлаца . . . и попита го ии'зи кѡпца и ре^с мѡ как'ка маистора дѣлеша и юсма ре^с на дрѣко с'ма дрѣко дѣлаца и дѣлѣю и рала, и корабе да правима

²³ Об этом подробнее см. R. G a u t h i o t. Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et en finno-ougrien. MSL, t. 16, fasc. 4. Paris, 1910, p. 264—279, а также R. E s k e r t. Minimale Textfragmente im Slavischen und ihre Entsprechungen im Baltischen. «Baltistica», IV, (1). Vilnius, 1968, S. 86—91.

²⁴ Р. М. Цейтлин. Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка. Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 428, 431.

²⁵ K. B ū g a. Rinkiniai raštai, I. Vilnius, 1958, p. 436—437.

²⁶ Български етимологичен речник, свезка I. София, 1968, стр. 473 переводит ст.-сл. дрѣкѡдѣла при помощи болг. дърводелец.

²⁷ Е. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в., ч. II. София, 1971, с. 89.

(л. 49—49 об.). В другом месте говорится о том, что апостол Фома умел изготовить из дерева не только рала и корабли, но и колеса. Ср. ... и ап^сла Фома како блъзе к индиским града... и поче царя да го пита как'ко бмѣши да пракиша и Фома рече дрѣкодѣлаца сама и бмѣю да праки^м рала, и колела, и корабе... (л. 51 об.)²⁸. Последнее представляет большой интерес, так как можно сравнить с литовским *rātadailė* 'колесник', первоначально, по-видимому, 'человек, делающий (деревянные) колеса'. И другие литовские слова с *-dail-* связаны с обработкой дерева, ср. еще лит. *dailidė* 'столяр, плотник'.

Ст. Младенов²⁹ снабжает диалектное болг. *делач* и другим толкованием, а именно 'кой то «дяла» дърва, дърводелец', и приводит следующий контекст: *Хванали делачи да им дялат дърва за къща*.

Делач здесь, видимо, 'дровосек', тот, кто рубит (= делает, ср. нем. *Holz machen*) дрова'. Болг. сочетание *дялат дърва* примечательно в двух отношениях: во-первых, налицо сочетание, соотносимое с диалектным словом *дърводелец* и (хотя бы типологически) со ст.-сл. *дрѣкодѣла*; во-вторых, оно показывает семантический переход от обработки дерева к заготовке дров, причем в том и в другом случае могли применять глагол **dělati* в специальном значении. Данное наблюдение важно для установления связи с последующей группой фактов.

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 2) фиксируется средне-русс. *кеснодѣла* ж. р. со значением 'лес весенней рубки (?)', причем эта трактовка снабжается вопросительным знаком. (В связи с цитированием этого слова хочется выразить нашу глубокую признательность руководству этого словаря за то, что мы могли пользоваться этим выпуском в рукописи. — Р. Э.).

Как свидетельствуют примеры, здесь речь идет о дровах, по-видимому, заготовленных весной. Ср. 1. *приежал емелка>аня к монастырск> на страстной недели, дал ему три рубли на дрова кесноделка> сечи*. (Книга расходная Николаевского Корельского монастыря 1551—1560 гг., 36 об., 1559 г.). 2. *дрск из шалог козили к монастырскому црену 992 коза кеснодеи* (Кн. прих.-расх. Польск. с.) Арх. Он (= Столбцы из Архива Онежского крестного монастыря) 1673 г.

В севернорусских диалектах слово *веснодель*, *-и* сохраняется в значении 'дрова, заготовленные весной'³⁰. По всей вероятности, это реликтовое слово. Его внутренняя форма уже не ощущается. Об этом свидетельствует переделка слова *веснодельный* 'заготавливаемый весной, весенний (о дровах, лесе)'³¹ в вятских говорах в *веслединный* 'то же, что веснодельный'; ср. например, *Дрова веслединной рубки, Лес веслединной рубки*³².

Надо подчеркнуть, что русские диалектные слова с **vesnoděl-* относятся не только к дровам (хотя таких примеров больше всего!), но и к строевому лесу. Ср. русск. диал. (холмогорск. арх.) *веснодѣлить* 'рубить весной строевой лес' и русск. диал. (вологодск.) *веснодельные бревна*. Может быть сюда относятся еще русск. диал. (арх.) *двленець* 'сосновая доска в одну сажень длины, 10 дюймов ширины и 3 дюйма толщины'³³ и русск. диал. (новосиб.) *дель*, *-и* 'бревенчатая стена' (*Дель - то толстая*)³⁴.

²⁸ Там же, с. 91.

²⁹ Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. I. София, 1961, с. 519.

³⁰ Словарь русских народных говоров, вып. 4. Л., 1969, с. 185.

³¹ Там же, с. 186—186.

³² Там же, с. 183.

³³ В. Даль. Толковый словарь..., изд. 1955, т. I, с. 511.

³⁴ Словарь русск. нар. гов., вып. 7, с. 345—346.

Таким образом, реконструкция сочетания **dělati dervo* 'обрабатывать дерево', для ст.-сл. дрѣкодѣла обладает большой степенью вероятности из-за болг. диал. (и среднеболг.) дрѣводѣлец 1. 'кто делает деревянные предметы' 2. 'кто заготавливает дрова', болг. диал. дялат дрѣва 'они рубят дрова'. Среднерусск. кесисдѣла, -и русск. диал. веснодель, -и ж. р. можно, исходя из изложенного, возвести к сочетаниям **dělati vesnojo* (*dъrva*) и **dělati vesnojo* (*dervo*). Из-за довольно точных соответствий славянских слов в балтийских языках, очевидно, древняя терминология обработки дерева все же обнаруживает несколько больше славяно-балтийских соприкосновений, нежели некоторыми авторами ³⁵ предполагалось.

Наконец, напрашивается вывод, что славянский глагол **dělati* сохраняет явные следы какого-то более конкретного, специализированного значения, связанного с обработкой дерева.

Подытоживая сказанное, мы можем утверждать, что для более детального описания семантической структуры таких глаголов, как др.-русск. лзичи и прасл. **dělati* большую ценность представляют сложные слова, сохранившиеся в старописьменных текстах (как, например, мецслаз и дрѣкодѣла), а также соотносительные с ними сочетания, которые в ряде случаев сохранились в древнеписьменных памятниках и в диалектах, а в случае же отсутствия могут быть восстановлены на основании существования сложных слов.

³⁵ Ср. О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 171—172.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Братство по оружию». М., 1975, 383 с.

Коллективом советских и польских военных историков из Института военной истории Министерства обороны СССР и Военно-исторического института Министерства национальной обороны ПНР¹, под общей редакцией чл.-корр. АН СССР генерал-лейтенанта П. А. Жилина и д-ра ист. наук проф. полковника Э. Ядзeka подготовлена и вышла в свет монография, в которой показана история боевого содружества между народами и воинами Советского Союза и Польской Народной Республики.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. На широком документальном материале авторы освещают историю боевого содружества и революционных традиций народов двух стран, которая составляет фундамент сегодняшней дружбы народов и воинов Советского Союза и социалистической Польши.

Первая глава охватывает период со времени битвы под Грюнвальдом польских, русских, литовских и других славянских полков против тевтонских рыцарей в XV в. и заканчивается 1940 г. включительно. В этой главе отражен ряд этапов революционных и боевых традиций российских и польских пролетариев в борьбе против царского самодержавия, освещено участие польских революционеров в трех русских революциях и защите завоеваний Великого Октября в годы гражданской войны и военной интервенции. В этой же главе говорится об интернационализме советского и польского народов в борьбе против фашизма в предвоенные годы и в начальный период второй мировой войны.

Вторая глава посвящена формированию и боевой деятельности польских частей на советской территории в Великой Отечественной войне, боевому крещению польских солдат на поле брани под Ленино, ставшему символом советско-польского братства по оружию. В третьей

главе речь идет о боевом взаимодействии советских и польских партизан в годы войны против гитлеровских оккупантов на территории СССР и Польши.

В четвертой, пятой и шестой главах освещаются проблемы сотрудничества советских и польских войск в боях за освобождение восточных районов Польши, боевое содружество Советской Армии и Войска Польского в период освобождения польских земель от Вислы до Одры (Одера) и совместные действия советских и польских войск в завершающих операциях второй мировой войны в Европе. Последняя глава посвящена развитию сотрудничества в годы первого послевоенного десятилетия и советско-польскому боевому содружеству в рамках Организации Варшавского Договора.

Рецензируемая работа — один из первых научных трудов, созданных в результате творческого сотрудничества двух военных научно-исследовательских институтов — СССР и ПНР и посвященных наиболее актуальной проблеме из истории вооруженных сил двух братских стран социалистического содружества. В 70-е годы проблема советско-польского боевого содружества стала предметом исследования многих советских и польских ученых, о чем говорит значительное количество опубликованных работ на эту тему². Рецензируемая монография, написанная авторами на основе ранее изданных ими работ, дополнена некоторыми новыми данными, почерпнутыми из опубликованных исследований ученых Советского Союза и Польской Народной Республики.

Революционные традиции российского и польского пролетариата и его классовые бои против царизма, помещиков и капиталистов освещаются в книге, главным образом, со времени победы Великого Октября. Здесь нельзя не согласиться с авторами монографии в том, что именно

¹ Авторский коллектив: полковники А. В. Антосяк, Э. Козловский (руководители коллектива), полковники А. Д. Вербицкий, А. Волошин, С. Гаць, Ф. В. Данилов, Ф. Збиневич, К. Качмарек, Н. А. Киреев, Ю. В. Плотников, Ч. Подгурский, М. И. Семиряга, И. И. Шинкарев, М. Юхневич и Н. И. Яковлев.

² См., например: М. Е. М о н и н. Содружество, рожденное в боях. (О совместной борьбе Советских Вооруженных Сил и армий стран Восточной и Юго-Восточной Европы против войск фашистской Германии.) М., 1971; «Боевое содружество советского и польского народов». М., 1973.

в ходе Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, в боях за победу идеи социализма родилось советско-польское боевое содружество. Однако желательнее, чтобы при повторном издании книги или дальнейшей разработке этой проблемы были раскрыты более подробно революционные традиции российских и польских трудящихся в общей борьбе против классовых врагов как в дооктябрьский, так и в послеоктябрьский периоды.

В настоящей работе впервые сделана попытка показать в комплексе интернациональную солидарность советского и польского народов в борьбе против фашизма и защиту республиканской Испании. Но, к сожалению, не приводятся примеры и факты из истории боевого содружества советских добровольцев и поляков-интернационалистов, имевшие место на полях сражений республиканской Испании. Авторы ограничились только указанием количества (около трех тыс. советских добровольцев и почти пяти тыс. поляков) интернационалистов, участвовавших в борьбе на испанской земле. В этой главе есть неточность. Нельзя согласиться с авторами книги о том, что среди видных деятелей компартии Польши с 1936 г. до начала второй мировой войны были К. Сверчевский и В. Василевская. К. Сверчевский, как известно, в этот период находился в рядах ВКП(б), принимал непосредственное участие в гражданской войне в Испании и был кадровым военнослужащим Советской Армии. В. Василевская активно занималась в этот период общественно-политической и литературной деятельностью, но никогда не была в рядах Коммунистической партии Польши.

В книге читатель найдет большое количество интересного и убедительного материала, который ярко иллюстрирует бескорыстную помощь советского народа польскому антифашистскому движению Сопротивления, а также в создании регулярных вооруженных сил, возглавляемых польскими коммунистами и Союзом польских патриотов в СССР (СПП), и Войска Польского, руководимого ППР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО), сформированного летом 1944 г. Следует отметить, что авторы делают вполне обоснованный вывод о том, что благотворное влияние на морально-политическое состояние военнослужащих формировавшихся польских частей в Советском Союзе оказывал советский образ жизни: новое отношение людей к труду, интернациональное братское единство народов СССР и т. д.

Создание Войска Польского при огромной помощи Советского Союза явилось важнейшим фактором в завоевании победы демократических сил народа, руководимого польскими коммунистами, и составляет одну из замечательных страниц

в истории советско-польского содружества. Несомненно, работа только выиграла бы, если бы ее авторы раскрыли наиболее распространенные и действенные формы дружественных отношений между советскими трудящимися и польскими войсками в период пребывания частей и соединений Войска Польского в СССР, привели примеры значительного влияния, оказанного советскими военными специалистами и офицерами, временно находившимися в рядах Войска Польского в годы минувшей войны, на развитие интернационалистского сознания у польских военнослужащих.

К сожалению, очень скупо, в основном только как констатация фактов, говорится о роли и значении политико-воспитательной работы в частях 1-й Польской армии, созданной в СССР. В этой же главе имеют место и погрешности редакционного характера. Так, например, на с. 76 указывается, что СПП в СССР был создан весной 1942 г. В действительности же он был основан весной 1943 г. На с. 77 говорится, что имя Т. Костюшко было присвоено 1-й польской пехотной дивизии после опубликования Советским правительством 9 мая 1943 г. постановления о формировании дивизии. Следует отметить, что вопрос о наименовании дивизии был решен руководством СПП и согласован с советским командованием раньше — еще в апреле того же года. Нам кажется, что не было никакой необходимости повторять дважды — на с. 86 и с. 87 — то, что формирование 2-й Польской армии началось в августе 1944 г.

Авторы рецензируемой работы на широком фоне военно-стратегического и политического положения СССР и Польши в 1942—1944 гг. рисуют картину развития партизанского движения на оккупированной территории Советского Союза и на польской земле. В книге подробно освещается взаимодействие советских и польских партизанских отрядов во время совместных боевых операций. Приводятся интересные данные об участии поляков в партизанском движении на Украине — около семи тыс. человек, в Белоруссии — почти три тыс., в Литве — нескольких сот польских антифашистов. Как указывается в монографии, в странах Европы совместно с другими патриотами сражались против гитлеровских поработителей более 40 тыс. советских граждан, из них около половины в Польше.

Однако и в этой главе имеются отдельные неточности, которые требуют уточнения или исправления. Например, в работе указывается, что в годы гитлеровской оккупации на территории Тернопольской области постоянно дислоцировалось и действовало партизанское соединение под командованием капитана И. И. Шитова. Имеющиеся документы и проведенные исследования не подтверждают факта проведения боевых опера-

ций этим соединением в названной области УССР. На с. 112—113 говорится, что в августе 1944 г. генерал Б. А. Бегма организовал 3-е Ровенское партизанское соединение в составе трех отрядов, среди которых был и польский партизанский отряд им. Т. Костюшко. Но далее авторы пишут, что этот отряд осенью 1943 г. вышел из состава 3-го Ровенского соединения, на базе которого в апреле 1943 г. было создано польское соединение. Это— явное нарушение хронологии, которое может только запутать читателя. Требуется уточнения и вопрос о создании Польского партизанского штаба и месте его дислокации. В книге на с. 114 указывается, что 5 мая 1944 г. в Шпаново под Ровно был создан Польский партизанский штаб. На с. 126 говорится о том, что в мае 1944 г. при командовании 1-й Польской армии в СССР тоже был создан такой же штаб. Надо полагать, что речь идет об одном и том же Польском партизанском штабе, который возглавлял заместитель командующего по политико-воспитательной работе 1-й Польской армии генерал А. Завадский.

В рецензируемой книге одно из центральных мест занимает освещение советско-польского боевого сотрудничества в период освобождения Польши и в завершающих операциях второй мировой войны в Европе. Авторы раскрывают сложную внутриполитическую борьбу между демократическими и реакционными силами польского подпольного и эмигрантского движения, продолжавшуюся и в ходе освобождения Польши войсками Советской Армии и частями Войска Польского. Борьба увенчалась победой левых революционно-демократических сил, возглавлявших широкие народные массы в борьбе за создание новой демократической Польши. Важную роль в этом сыграла всесторонняя помощь Советского Союза. Читатель найдет много фактических данных по этому вопросу, особенно в IV и V главах книги. В работе довольно подробно показаны совместные боевые действия польских и советских частей в операциях по освобождению Польши и на завершающем этапе войны в Европе.

Вместе с тем несколько фрагментарно описывается передача боевого опыта советскими воинами польским солдатам, а также не нашли достаточного отражения вопросы партийно-политической работы в Советской Армии и политико-воспитательной работы в частях Войска Польского по воспитанию воинов в духе интернационализма и дружественных отношений между воинами армий Советского Союза и народной Польши.

В последней главе авторы работы в краткой форме освещают боевое сотрудничество в послевоенный период, рассказывают об умножении боевых традиций, рожденных в борьбе против общего врага, и показывают, что братство по оружию ознаменовалось дальнейшим укреплением единства народов и армий двух стран в рамках Организации Варшавского Договора.

В строительстве вооруженных сил народной Польши большой вклад внесли советские офицеры и видные военачальники, такие, как Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, генералы С. Г. Поплавский, Ю. В. Бордзилловский, Ф. П. Поланин и многие другие. В связи с этим в Тезисах ЦК КПСР к 30-летию ПНР подчеркивается: «Наш народ никогда не забудет подлинно дружеской помощи, какую оказал нам в самые трудные послевоенные годы Советский Союз».

Советские и польские военные историки положили хорошее начало доброму делу—сотрудничеству по вопросам советско-польского боевого сотрудничества. Вышедшая в свет книга, несмотря на отдельные погрешности, написана интересно и легко читается. Она займет достойное место среди работ советских и польских историков и будет служить боевым идейно-политическим оружием в борьбе за дальнейшее сплочение и нарушение единства народов Советского Союза и Польской Народной Республики.

*П. М. Калениченко,
И. М. Мирошниченко*

БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ФОРМИРОВАНИИ ЛЕНИНСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ БКП (1917—1923 гг.)

Развитие современного мирового коммунистического движения показывает, что высшее искусство политического руководства компартий заключается не только в умении выработать правильную стратегическую линию и гибкую тактику на данном историческом этапе но и твор-

чески применить опыт коммунистического движения при решении конкретных задач классовой борьбы. В. И. Ленин указывал, что изучение революционного опыта, тщательный анализ уроков исторического пути, пройденного передовыми отрядами мирового рабочего класса, яв-

ляется одной из первейших обязанностей каждой коммунистической партии¹.

Особое место во всемирной революционной практике занимает богатейший исторический опыт Коминтерна и его секций, который составляет золотой фонд политической стратегии и тактики мирового коммунистического движения. Большой интерес представляет начальный период деятельности Коминтерна, когда разрабатывались ленинские принципы стратегии и тактики революционной борьбы коммунистических партий, когда формировалась ленинская политика единого фронта, сохранявшая свою актуальность и в настоящее время. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. уделило большое внимание необходимости обобщения и использования накопленного компартиями богатого исторического опыта, выработки правильной стратегии и тактики, борьбы за создание единого фронта против капитализма и реакции.

Для изучения такого опыта, поисков наиболее ценного из него и применения в современных условиях классовой борьбы важный вклад вносит болгарская историко-партийная наука². Одной из проблем исследования историков-марксистов Народной Республики Болгарии является изучение вопросов усвоения БКП ленинских принципов стратегии и тактики революционной борьбы в послевоенные годы, опыта борьбы за формирование единого фронта в специфических условиях аграрной Болгарии. И это не случайно. Соучредительница Коминтерна, Болгарская коммунистическая партия одной из первых применила на практике ленинскую тактику единого фронта, приобрела большой опыт борьбы за создание широкого народного антифашистского фронта против капитализма и реакции в Болгарии. Успехи БКП в деле формирования единого фронта с Болгарским земельным народным союзом в 20-х годах XX в. явились значительным вкладом в развитие политики единого фронта мирового коммунистического движения, ее опыт сохранил свою актуальность и в наши дни.

Первые публикации, в которых делались попытки осветить отдельные вопросы стратегии и тактики БКП в 1917—1923 гг., в болгарской историко-партийной литературе появились еще в 50-х годах³. Однако большинство работ еще

не имели необходимого научного аппарата, не являлись в строгом смысле глубокими научными исследованиями. Последующие 15 лет (1960—1975 гг.) были для болгарских историков временем интенсивной и углубленной научной разработки истории разносторонней деятельности БКП в период послевоенного революционного кризиса в стране, временем значительного расширения источниковедческой базы. Появились работы, в которых рассматриваются вопросы влияния Великой Октябрьской социалистической революции, ленинских идей на болгарское рабочее движение и его боевой авангард, исследуются отдельные стороны сложного процесса большевизации стратегии и тактики БКП, ее борьбы за создание единого фронта в Болгарии⁴. Отдельные аспекты проблемы разработки БКП тактики единого фронта и борьбы за ее осуществление освещены в работах, изда-

фия, 1956, кн. 3; П. К о с т о в. Борбата на БКП за преодоляване тактиката на «неутралитет» и за възприемането курс на въоръжено въстание след 9 юни 1923 г. «Известия на ВПШ „Станке Димитров“», София, 1957, т. I; Д. Т и ш е в. За работата на БКП в село през 1917—1921 г., София, 1958; Й. М и т е в. Борбата на БКП за създаването на единия фронт през 1922—1923 г. «Ново време», София, 1958, кн. 8 и др.

⁴ См. А. А в р а м о в. Политическата стратегия и тактика на БКП. 1903—1923, София, 1974; Н. Д и м о в. Възприемането от БКП на ленинската тактика за единен фронт (1921—1923 гг.). Трудове на ВИИ «К. Маркс», София, 1960, кн. 3; е г о ж е. Проблемата за единния фронт в младежкото революционно движение. 1922—1944. «Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при висшите учебни заведения», София, 1966, кн. 3—4; е г о ж е. К вопросу о тактике единого фронта в деятельности БКП (1921—1925 гг.). «Советское славяноведение», 1970, № 2; Т. К о л е в а. Българските революционни профсъюзи и единният работнически фронт (1921—1923 гг.). «Профсъюзни летописи», София, 1970, № 9; К. К у к о в. Влиянието на Великата Октомврийска социалистическа революция върху политическата стратегия и тактика на Българската комунистическа партия (1917—1923 гг.). Трудове на военната академията «Г. С. Раковски». Обществени науки, София, 1967, № 9; Й. М и т е в. Единният фронт в теорията и практиката на БКП в навечерието и по време на Септемврийското въстание 1923 г. «Военно-исторически сборник», София, 1964, № 4; Д. Т и ш е в. За съюз между работниците и селяните. 1917—1923, София, 1964; Годишник на Централния музей Георги Димитров, София, 1967 и др.

¹ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 65.

² См. «Известия на Института по история на БКП», София, 1969, т. 24, с. 5—49.

³ См. Н. К а н д е в. Септемврийското въстание 1923 г.— преломен момент в отношението на БКП към селския въпрос и към работническо-селския съюз. «Научни трудове ВССИ „Г. Димитров“», Со-

ных в 70-х годах⁵, в частности, в связи с 90-летием со дня рождения Георгия Михайловича Димитрова⁶, а также в юбилейных изданиях и статьях, посвященных 50-летию Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии⁷.

Работой, в которой в наибольшей степени исследуются отдельные стороны сложного и трудного процесса формирования ленинской стратегии и тактики БКП в годы послевоенного революционного кризиса, является монография А. Аврамова⁸.

В монографии А. Аврамова особое внимание уделено влиянию идей и лозунгов Великого Октября, идей ленинизма на пересмотр болгарскими марксистами своих прежних взглядов по важнейшим положениям стратегии и тактики. Анализируя изменения в расстановке классовых сил в Болгарии в послевоенные годы, сущность стратегии БЗНС, пришедшего к власти, а также буржуазных партий крупного капитала, находившихся в оппозиции, автор приходит к выводу, что сложившаяся новая политическая обстановка настоятельно требовала от БКП решительного пересмотра своей прежней

стратегии в соответствии с потребностями классовой борьбы, с новыми задачами болгарских коммунистов. С конца 1921 г. и позже, когда крупная буржуазия попыталась свергнуть крестьянское правительство А. Стамболийского, компартия не смогла правильно определить направление своего главного стратегического удара. Наряду с реакционными буржуазными партиями руководство БКП своим противником считало и мелкобуржуазную демократическую организацию — БЗНС. В недостаточно глубоком усвоении ленинизма и в отсутствии четкого стратегического руководства автор видит основную причину того факта, что до военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии БКП не имела своей правильной политической стратегии.

В монографии дается анализ причин упорного отстаивания руководством БКП позиции нейтралитета после установления в Болгарии фашистского режима А. Цанкова, показана большая помощь со стороны Исполкома Коминтерна в преодолении партией роковой ошибки, рассматривается отношение местных и зарубежных партийных организаций к позиции ЦК БКП 9 июня 1923 г. Заключительная (седьмая) глава работы посвящена исследованию борьбы марксистско-ленинского ядра во главе с Г. Димитровым и В. Коларовым в руководстве партии за коренной поворот в стратегической линии, в деятельности БКП по подготовке и осуществлению Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г.

А. Аврамов в своей работе показал, что БКП, несмотря на то, что она являлась подлинно марксистской партией, близкой к ленинской партии по своим революционным качествам, пережила сложный, трудный и длительный процесс развития своей политической стратегии и тактики от революционного теснячества до ленинизма, в котором отразился ее идейно-теоретический уровень, политическая зрелость как боевого авангарда болгарского рабочего класса.

Месту и роли крестьянского вопроса в стратегии и тактике БКП в послевоенные годы революционного кризиса в Болгарии посвящена книга Д. Тишева⁹. Произведения классиков марксизма-ленинизма, видных деятелей БКП, богатые материалы Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического и ряда местных архивов, партийные документы, коммунистическая, рабочая, молодежная и буржуазная печать — таков большой круг источников, который позволил автору обстоятельно раскрыть тему. Д. Тишев подробно анализирует взгляды тесняков по крестьянскому вопросу, влияние ленин-

⁵ См. П. Боев. Из историята на комунистическото движение на Балканите. 1917—1923, София, 1972; В. л. Бонев. За единния, народния и Отечества фронт, София, 1971; Т. Колева. БКП и международното комунистическо движение. 1919—1924, София, 1973; Б. Митев. Комунистическият Интернационал и БКП за единния фронт. 1921—1924, София, 1974 и др.

⁶ См. Бележит марксист-ленинец, София, АОН при ЦК на БКП, 1972; «Георги Димитров — виден деец на международното комунистическо движение». София — Москва, 1972; «Г. Димитров. 1882—1972», София, 1972; Г. Димитров о в. Биография, София, 1972 и др.

⁷ См. А. Аврамов. Политическата стратегия и тактика на БКП по време на Септемврийското въстание през 1923. «Исторически преглед», София, 1973; № 4; П. Иванов. Студенти - септемврийци. София, 1973; «Младежта встана. 1923—1973», София, 1973; Михайлов. Септември. 1923, София—Прес, 1973; Д. Косев. Отражение на Септемврийското въстание в международното работническо и комунистическо движение. «Ново време», 1973, № 8; е го же. 50 години Септемврийското народно-антифашистско въстание 1923 г., «Военно-исторически сборник», 1973, № 2; П. Костов. Септември 1923. В единен фронт за работническо-селска власт. София, 1973; Н. Невев. За характера на Септемврийското въстание 1923 г., София, 1973 и др.

⁸ См. А. Аврамов. Политическата стратегия и тактика на БКП. 1903—1923, София, 1974.

⁹ См. Д. Тишев. За съюз между работниците и селяните. 1917—1923. София, 1964.

ских идей на БКП в ее борьбе за крестьянские массы. В своей книге он уделил большое внимание исследованию важного вопроса о значении союза рабочих и крестьян Болгарии в политике единого фронта БКП 20-х годов. Ценность работы заключается в том, что в ней дан всесторонний и объективный анализ сложного, трудного процесса сближения, единства рабочих и крестьян, Болгарской компартии и Болгарского земледельческого народного союза в ходе совместной борьбы против наступления буржуазии и реакции в стране. Отмечая специфические особенности применения тактики единого фронта, формирования единого фронта в условиях крестьянской Болгарии, Д. Тишев справедливо делает вывод, что в то время главной политической задачей БКП являлось достижение единства действий с правящим БЗНС, союза рабочего класса и крестьянства как основы единого фронта труда в Болгарии.

Вопросы борьбы БКП за достижение единства действий с БЗНС в рассматриваемый период нашли отражение в другой монографии Д. Тишева — «Единодействие между коммунистами и земледельцами в борьбе против фашизма»¹⁰, в которой проблема единства БКП и БЗНС рассматривается на протяжении большого исторического периода — от послевоенного революционного кризиса до победы социалистической революции 9 сентября 1944 г. в Болгарии. В первой главе автор освещает общую проблему союза рабочего класса и крестьянства с точки зрения сближения их партий — БКП и БЗНС, самых крупных и массовых политических организаций в Болгарии. Автор книги раскрыл ошибки руководства компартии и Земледельческого союза, связанные с недооценкой фашистской опасности значение уроков поражения 9 июня 1923 г. во время военно-фашистского переворота в Болгарии. Во второй главе «Закладка основ коммунистическо-земледельческого единства во время Сентябрьского восстания 1923 года» Д. Тишев показал, как ЦК БКП выработал новый стратегический курс на тесное единство с БЗНС и боролся за создание единого фронта накануне и в ходе Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии. В монографии делается важный вывод о том, что именно в 1923 г., когда коммунисты и земледельцы плечом к плечу сражались с фашистами, были заложены основы единства БКП и БЗНС, прочного союза пролетариата и крестьянства — фундамента единого антифашистского фронта в Болгарии.

¹⁰ См. Д. Тишев. Единодействие между коммунистами и земледельцами в борьбе против фашизма, София, 1967.

Болгарский историк Т. Колева в работе «Болгарский коммунистический молодежный союз в период послевоенного революционного кризиса 1919—1923 гг.»¹¹ наряду с другими вопросами рассмотрела отношение БКМС к идее единого фронта комсомола, рабочего класса и крестьянства в годы революционного кризиса в Болгарии. В книге дан объективный анализ сложного процесса восприятия и усвоения болгарским комсомолом идей ленинизма, применения их на практике. Автор работы показала, что в рассматриваемый период БКМС еще не понимал полностью сущности ленинской постановки вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, в его деятельности обнаруживались элементы догматизма по вопросам тактики единого фронта. Удачная структура книги, солидный научный аппарат, новизна исследования характеризуют монографию Т. Колевой как серьезный вклад в изучение истории молодежного революционного движения, проблемы единого молодежного фронта как составной части единого фронта труда в Болгарии в 20-х годах.

Вопросы стратегии и тактики БКП в условиях послевоенного революционного кризиса и особенно накануне и во время Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии освещаются в работе П. Костова «Сентябрь 1923. В едином фронте за рабоче-крестьянскую власть»¹². Автор уделил большое внимание анализу стратегии и тактики компартии до военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. и после исторического решения ЦК БКП от 5—7 августа 1923 г. о начале вооруженного восстания в стране, процесса развития сближения БКП и БЗНС в борьбе против крупной буржуазии и фашизма. П. Костов в своей работе подчеркивает, что процесс овладения БКП ленинизмом есть закономерный исторический процесс, вытекающий из сущности марксистской партии и потребностей классовой борьбы. На наш взгляд, книга П. Костова не свободна от некоторых недостатков. Основной недостаток работы — это некоторая непоследовательность в изложении материала, повторение мыслей и фактов при анализе событий, деятельности БКП и БЗНС. Рассматривая эволюцию идеи единого фронта в Болгарии, автор не показал, что наряду с разработкой политики единых действий коммунистов и земледельцев руководством БКП и БЗНС, объективно эта идея рож-

¹¹ См. Т. Колева. Болгарский коммунистический молодежный союз в период на следвоенна революционна криза 1919—1923 гг. София, «Народна младеж», 1961.

¹² См. П. Костов. Септември 1923. В единен фронт за работническо-селска власт, София, 1973.

далась в массах, то есть, шел другой, параллельный процесс созреваания единого фронта, обусловленный прежде всего сложившейся политической и экономической обстановкой в Болгарии. Поскольку в единый фронт труда вовлекались не только рабочие и крестьяне, члены БКП и ВЗНС, следовало бы показать и другие социальные слои населения. В связи с этим необходимо отметить, что в работе П. Костова не освещен такой важный тактический вопрос борьбы БКП за единый фронт, как национальный вопрос, которому партия уделяла всегда большое внимание.

Среди журнальных публикаций заслуживают внимания статьи Н. Димова¹³, К. Кукова¹⁴, Т. Колевой¹⁵ и А. Аврамова¹⁶. В статье Н. Димова «Восприятие БКП ленинской тактики единого фронта (1921—1923 гг.)» впервые обстоятельно анализируется теоретическая и практическая деятельность БКП по претворению в жизнь ленинских идей единого фронта применительно к условиям Болгарии. Раскрыв слабости и ошибки БКП в политике единого фронта в 1921—1923 гг., автор акцентирует внимание на главном — партия стремилась творчески подойти к решению этой главной политической задачи, исправляла допущенные ошибки и сумела заложить основы единого фронта накануне и особенно в ходе Сентябрьского восстания. В другой статье «Проблема единого фронта в молодежном революционном движении (1922—1944 гг.)» Н. Димов, используя новые архивные материалы и другие первоисточники, рассмотрел вопрос о едином фронте молодежи как

составную часть общей проблемы единого антифашистского фронта в Болгарии, показал развитие и осуществление идеи единого молодежного фронта от прихода фашистов к власти и до свержения монархо-фашистской диктатуры в Болгарии. Большой интерес в этой статье представляет освещение вопроса о взаимоотношениях Болгарского коммунистического молодежного союза (БКМС) с Социалистическим молодежным союзом, Болгарским земледельческим молодежным союзом в борьбе за сплочение всех молодежных организаций страны в единый фронт в 20-х годах — когда зарождался и выходил на политическую арену болгарский фашизм.

Статья К. Кукова «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на политическую стратегию и тактику Болгарской коммунистической партии (1917—1923 гг.)» отличается обстоятельным научным аппаратом, широким использованием архивных документов, последовательностью изложения темы, убедительностью. Автор показал историческую необходимость дальнейшего развития стратегии и тактики БРСДП (т.с.), влияние идей Великого Октября на понимание тесняками основных элементов ленинских принципов стратегии и тактики революционной борьбы. В статье К. Кукова рассмотрены первые шаги ленинизации БКП, проблема единого фронта в политике БКП, недостатки и успехи в борьбе за формирование единого фронта труда в 1921—1923 гг. Большое внимание автор уделил оценке значения Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии как коренного перелома в стратегии и тактике БКП, в ее большевизации.

Статья Т. Колевой «Болгарские революционные профсоюзы и единый рабочий фронт (1921—1923 гг.)» посвящена слабоизученной теме — пролетарскому единству как составной части единого фронта труда. Работа имеет обширную источниковедческую базу, привлечена партийная, рабочая, молодежная печать того времени. В центре внимания автора — роль Общего рабочего синдикального союза (ОРСС), руководимого БКП, в борьбе за единство и сплоченность рабочих организаций на профсоюзной основе. В связи с этим Т. Колева раскрывает роль БКП, Г. Димитрова в борьбе за единый рабочий фронт в 1921—1923 гг., анализирует объективные и субъективные трудности на пути строительства пролетарского единства. Достоинством статьи является и то, что данная тема освещается с точки зрения наличия тесной связи болгарского революционного рабочего движения с международным пролетарским движением, с задачами Коминтерна в условиях перехода буржуазии и реакции в наступление в мировом масштабе.

¹³ См. Н. Димов. Възприемането от БКП на ленинската тактика за единен фронт (1921—1923 гг.). Трудове на ВИИ «Карл Маркс», София, 1960, т. 3, с. 422—498; Проблемата за единния фронт в младежкото революционно движение (1922—1944). Годишник на катедрите по марксизъм — ленинизъм при висшете учебни заведения, София, 1966, кн. 3—4, с. 449—507.

¹⁴ См. К. Куков. Влиянието на Великата Октомврийска социалистическа революция върху политическата стратегия и тактика на Българската комунистическа партия (1917—1923 гг.). Трудове на военна академия «Г. С. Раковски». Обществени науки, София, 1967, т. 9, с. 119—158.

¹⁵ См. Т. Колева. Българските революционни профсоюзы и единният работнически фронт (1921—1923 гг.). «Профсъюзни летописи», София, 1970, кн. 9, с. 39—78.

¹⁶ См. А. Аврамов. Политическата стратегия и тактика на БКП по време на Септемврийското въстание през 1923 г. «Исторически преглед», София, 1973, кн. 4, с. 3—27.

На наш взгляд, статья А. Аврамова «Политическая стратегия и тактика БКП во время Сентябрьского восстания в 1923 г.» представляет особый интерес с точки зрения исследования процесса большевизации БКП в послеоктябрьский период, борьбы партии за овладение ленинской стратегией и тактикой мирового коммунистического движения. Автор справедливо отмечает, что болгарские историки хотя и касались этой темы, не рассматривали такой важный вопрос, как связь между разработкой политической стратегии и тактики и практическим применением ее БКП. Поэтому А. Аврамов поставил своей задачей изучить этот сложный и противоречивый процесс и этапы, через которые проходила кристаллизация ленинской стратегии и тактики в ходе подготовки и во время Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии. Он отмечает, что позиция ЦК БКП, выраженная в тактике нейтралитета, после военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. противоречила его политической линии до свержения правительства Ал. Стамболийского, и прежде всего объективно-исторической и политической обстановке в стране после переворота. Автор обстоятельно анализирует

процесс изменения БКП и ее руководством тактики нейтралитета и подчеркивает, что историческое заседание ЦК БКП 5—7 августа 1923 г. положило начало новому этапу в развитии партии болгарских марксистов — в превращении БКП в партию ленинского типа. В статье показаны конкретные мероприятия партии по практическому осуществлению нового стратегического и тактического курса, особое внимание уделено формированию единого антифашистского фронта в стране. Оценивая значение Сентябрьского всенародного восстания, А. Аврамов отмечает, что, несмотря на допущенные ошибки и слабости, БКП сумела создать основу единого фронта труда, и это явилось большим завоеванием партии, критерием ее политической и теоретической зрелости, степени большевизации стратегии и тактики в условиях ожесточенной борьбы с фашизмом.

Работы ученых-историков НРБ по проблеме ленинизации стратегии и тактики БКП в 1917—1923 гг. свидетельствуют о том, что болгарская историография достигла за последние годы новых значительных успехов в исследовании этого периода деятельности БКП.

А. Манько

Л. И. КРУШЕЛЬНИЦЬКА. *Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза*. Київ, 1976, 147 с.

Л. И. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ. *Северное Прикарпатье и Западная Волинь в эпоху раннего железа*

Проблема этногенеза славян является одной из основных тем в науке славяноведения. И это вполне понятно. Без изучения этногенеза славян капитальные исследования по древней и ранне-средневековой истории славян невозможны. Теории и гипотезы прародины славян в них, безусловно, нужны, хотя все они спорны, дискуссионны и даже противоречивы. Кто бы не писал о славянских древностях — историки или лингвисты, этнографы, антропологи или археологи (ведущая роль в исследовании славянских древностей принадлежит археологам), — все они так или иначе затрагивают темы происхождения славян. Но появляются и другие труды, уже прямо относящиеся к теме этногенеза славян. Автор книги Л. И. Крушельницкая — археолог, полевой археолог и отчасти этнограф — издала этногенетическое исследование в области славяноведения «Северное Прикарпатье и Западная Волинь в эпоху раннего железа» (районы западноукраинской территории от бассейна р. Припять к р. Днестру и к Карпатам — польесье, холмы и предгорья). Начиная с 40-х годов и особенно в 50-е

годы XX в. утвердились в науке две теории прародины славян. Первая — одро-висленская теория славянской прародины — разрабатывалась главным образом польскими лингвистами и археологами и отчасти советскими археологами, вторая — одро-днепровская теория — в основном разрабатывается советскими археологами. Обе теории являются по существу спорными и дискуссионными, причем в ходе полевых исследований в приблизительном ареале славянского этногенеза археологи так или иначе пытались подтвердить материалами археологических культур эти две традиционные теории. Между тем в конце 60-х годов появился новый подход к разрешению проблемы славянского этногенеза. Исследователь-археолог И. И. Ляпушкин предложил ретроспективный метод решения этой проблемы: отталкиваясь от достоверных славянских древностей X—XIII вв. н. э., постепенно углубляться в прошлое¹.

¹ И. И. Л я п у ш к и н. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. с. 26—27.

Само собой разумеется, что ретроспективный метод И. И. Ляпушкина и его последователей по существу не мог бы вызвать возражений историков. Более того, историкам легче подойти к той новой исследовательской методике, которой пользуются археологи, поскольку историки основываются главным образом на сведениях античных и раннесредневековых письменных источников. И тем не менее в ходе археологической дискуссии выявляются серьезные возражения против нового метода. Вот они: 1) есть все основания думать, что достичь полного выявления всех археологических культур невозможно, построенная на имеющемся материале нисходящая цепь археологических культур, выделенных к тому же не всегда по единому признаку или по ряду сопоставимых признаков, не была идеальной; 2) материальная культура некоторых этнических групп, во всяком случае этнических групп, практиковавших отгонное пастушеское скотоводство при вспомогательном характере земледелия в древности, не дает достаточных опор для археологических исследований; исследования по истории пастушеского населения в древности и в эпоху раннесредневековья являются главным образом задачей этнографов; 3) ретроспективный метод в археологии все-таки не опровергает окончательно две традиционные теории о двух прародинах славян: теории были достаточно развиты в археологических и лингвистических исследованиях, новые серьезные материалы все более прижимают к этим теориям, в то время как археологический ретроспективный метод еще не привел к убедительным результатам. Метод важен, но является пока только началом в археологических исследованиях.

Таким образом, в археологической науке намечается тенденция к смычке линий исследований древностей от II тысячелетия до н. э. вверх и от X—XIII вв. н. э. вниз. Комплексный подход этногенетических и палеоэтнических исследований (сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии, этнографии с письменными памятниками и далее — попытки реконструкции прародины славян и ареала обитания славян во II тысячелетии до н. э. — I тысячелетия н. э.) пока что не был осуществлен. Это задача будущего.

Рецензируемая книга Л. И. Крушельницкой по своей тематике относится как раз к линии археологических исследований древностей на рубеже II—I тысячелетия до н. э., более того, книга эта по существу примыкает к гипотезе славянского этногенеза в ареале между Одрой и Днестром (точнее, между Зап. Бугом и Средним Днестром), развивавшейся советскими археологами.

Во «Введении» книги автор охарактеризовала географию районов Северного

Прикарпатья и Западной Волыни и одновременно дала краткий очерк истории археологических исследований в этих районах в период конца эпохи бронзы и раннего железа. «...В больших исследованиях советских и иностранных ученых с серьезными выводами рассматриваются связи населения Центральной и Восточной Европы — лужицкой культуры с культурами Украины. Западная Волынь и Прикарпатье были именно такой территорией, через которую развивались основные связи и контакты западных и восточных племен. Древности тех земель являются по существу ключом для разрешения ее проблемы» (речь идет об Одро-Днепровской теории прародины славян), — пишет автор (с. 5). Разумеется, тезис о том, что древности Западной Волыни и Северного Прикарпатья являются действительным ключом для решения вопроса о прародине славян, нельзя считать доказанным. Дискуссия в археологической науке продолжается. Однако попытки автора обосновать этот тезис интересны.

В главе первой «Предскифский период на территории Северного Прикарпатья и Западной Волыни (конец эпохи бронзы — начало эпохи железа)» Л. И. Крушельницкая с большим трудолюбием и искусством археолога, прежде всего археолога-полевика, выявила и систематично охарактеризовала археологические культуры. Вот они на этих землях: тшцинецкая и комаровская культуры, развивавшиеся на базе культур шнуровой керамики (приблизительно 1200—1000 гг. до н. э. — с. 9—18), культура Ноа (ок. XIII—XI вв. до н. э. — с. 24), голиградская культура, в археологической науке обычно причисляемая к племенам фракийского гальштата (X—VIII вв. до н. э. — с. 36—37), лужицкая и высоцкая культуры, безусловно связанные между собой (рубеж II—I тысячелетия — VIII в. до н. э. — с. 38, 57—58).

В результате исследований археологических памятников автор пришла к новым выводам: племена комаровской, тшцинецкой и высоцкой культуры являются, по ее мнению, родственными, генетично связанными, жившими в районах Северного Прикарпатья и Западной Волыни. Племена культур Ноа и голиградской не имеют никаких связей с этногенезом местного населения (во всяком случае эти две археологические культуры не оставили сколько-нибудь серьезных следов в облике материальной культуры местного населения). Племена культур голиградской и Ноа являются главным образом результатом перемещения в области Северных Карпат. Они оттесняли местное население. Зато тшцинецкая культура, развивавшаяся на базе лужицкой культуры, и высоцкая, связанная с тшцинецкой, оказываются как бы мостом, переходом для связей и

родственных отношений между племенами Центральной и Восточной Европы (с. 59). Наблюдение автора интересно и важно. Во второй главе — «Памятники Верхнего Поднепровья и Западной Волины в раннескифский период» — выявлены и оценены археологические древности групп населения: лежницкая (бассейн Западного Буга и Стыри — приблизительно VII — начало VI в. до н. э., с. 69), могиланская (Западная Волянь и Полесье — VII в. до н. э., с. 79) и черепинско-лагодовская (области Львовская и Ивано-Франковская — ок. половины VII — начало V в. до н. э., с. 103).

В итоге археологических исследований Л. И. Крушельницкая наметила путь развития археологических культур населения в этот период: 1) основой лежницкой группы являются комаровская и тшицевская археологические культуры, она родственна лужицкой культуре и лесостепным культурам доскифского и раннескифского периода Украины (с. 70—72); 2) население могиланской группы было местным, правда, в эту область начинается наибольшее перемещение племен культур Украинской лесостепи и отчасти племен лужицкой культуры, что прослеживается в облике местных археологических древностей (с. 80—82); 3) более сложна картина археологических памятников в черепинско-лагодовской группе населения: сохранились следы высоцкой и голиградской культур, имеются элементы культур, идущих с Запада, но вместе с тем появляется огромная волна памятников «скифскоподобной культуры», идущей из лесостепных районов Украины. При этом автор считает, что племена Высоцкой и, возможно, частично и Голиградской культур не были полностью оттеснены, и — даже думает, — что они вместе существовали с новыми поселенцами и «тем самым привняли их культуры». Такое толкование материалов вполне возможно.

Глава третья — «Хозяйство, жизнь, общественный строй и идеология населения Северного Прикарпатья и Западной Волины в период раннего железа» — состоит из двух частей. Рассмотрев характер поселений, жилищ и хозяйственных построек (печи, хозяйственные ямы и т. д.), а также следы рвов и оград и даже культовых построек (с. 116—117), автор затем перешла к земледелию и животноводству, и далее, обрисовала вспомогательные области хозяйства (ке-

рамика, прядильно-ткачество, металлообработка и, наконец, межплеменной обмен, с. 124). В этой части главы автор как этнограф почти не занималась реконструкцией хозяйственной жизни. Сделана лишь попытка реконструкции межплеменного обмена. В районах Прикарпатья имеются следы быстрых перемещений племен. Вместе с тем вполне очевидный характер ландшафта — поляны, пастбища. В своих исследованиях археологи обычно не поднимали вопроса о значении пастушеского или пастушеско-земледельческого населения в горах или предгорьях. Л. И. Крушельницкая в своей книге также отказалась от темы пастушества. Однако следы пастушеского населения в Карпатах имеются в письменных памятниках первых веков н. э. Письменные источники поздние, но они дают или, вернее, предполагают возможность реконструкции пастушества, являющейся задачей палеоэтнографов. Во второй части последней главы автор выступает уже не только как археолог, но и как этнограф, привлекая письменные источники и этнографические материалы. Довольно подробно рассмотрен вопрос о культовых постройках (с. 127—128). Хотя и скупое, но все же отчетливо очерчен характер общественного строя населения: патриархат и начало распада родового общества (с. 128—131). Такая постановка вопроса очень интересна и правильна.

В целом книга Л. И. Крушельницкой является серьезным, добросовестным исследованием. Она дает цельную картину развития местного населения на территории Северного Прикарпатья и Западной Волины от рубежа II—I тысячелетия до середины I тысячелетия до н. э. Далее, в книге отражен разрыв в цепи археологических культур — в середине I тысячелетия до н. э. (с. 133—135). Такие разрывы в археологических исследованиях по вопросам этногенеза в цепи культур являются обычными в науке. И вполне естественно, что в книге Л. И. Крушельницкой таким же образом обрывается характеристика развития местного населения. Начинаются поиски недостающего звена в цепи культур на данной территории. Но то, что сделано автором, является безусловным вкладом в проблему этногенеза славян.

В. Д. Корольюк

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЕЕ СВЯЗЯХ С КУЛЬТУРОЙ ЕВРОПЫ

Этой теме, а точнее ряду важных ее составляемых, посвящена выпущенная издательством «Чехословацкий писатель» книга известного чешского литературоведа Карела Крейчи¹. В нее вошли статьи, публиковавшиеся ранее в периодических изданиях и сборниках, а также некоторые новые работы. Книга состоит из четырех разделов. Первый и второй из них хронологически посвящены двум этапам развития чешской литературы периода национального возрождения (до 1848 г.), раскрытию ее связей с европейскими литературами, выявлению типологических общностей с ними и одновременно специфики проявления в Чехии общеевропейских литературных и культурных тенденций (в творчестве Коллара, Челаковского и затем Махи). В третьем разделе в соотношении с европейской культурой рассматривается чешская поэзия второй половины XIX в., в частности, творчество Св. Чеха, Врхлицкого, Махара. Последний, четвертый раздел книги включает в себя статьи о некоторых явлениях чешской литературной жизни на рубеже XIX и XX вв. (в общеевропейский культурный контекст в них вводятся Арбес, Зейер, Гапек и другие чешские писатели).

Особый интерес представляет теоретическое по сути своей введение к книге «Чехия и Европа». Опираясь на свои многолетние исследования, касающиеся взаимоотношений чешской литературы с другими литературами и культурами, и как бы подводя некоторый итог своей работе, автор высказывает ряд обобщенных суждений, выходящих за рамки темы книги и имеющих значение для всего сравнительного литературоведения, как части науки о литературе. На них хочется остановиться подробнее.

«Ни одна литература, если, правда, не считать трудных для изучения начальных стадий, не развивается изолированно, а всегда находится в постоянных связях с другими национальными литературами, от которых получает импульсы и сама влияет на них», — такова исходная позиция автора книги. С нею можно согласиться, имея, однако, в виду, что отрицание полной изоляции не означает того, что связи той или иной литературы с другими литературами в какие-то исторические периоды могут быть более и менее интенсивными, что относительно изолированное развитие если не отдельных литератур, то отдельных литературных регионов порою все же может иметь место. Впрочем, относительная замкнутость литературного развития, временное отсутствие или односторонность литературных связей в отдельные исторические периоды в книге и не исключается.

Заслуживают внимания мысли автора о том, какое значение для развития международных связей европейских литератур имели латинские произведения гуманистов, а также питавшее эти литературы античное и средневековое наследие.

С большой точностью прослеживается во введении та роль, которую сыграл в развитии европейских литератур французский классицизм, давший повод для борьбы его сторонников со сторонниками романтизма в разных европейских литературах, борьбы за утверждение национальных начал в литературе и культуре ряда стран Европы, в том числе славянских. При этом, как это ни парадоксально, пишет автор, борьба за «национальное в культуре становится явлением международным». Не менее парадоксально и то, что примерно тогда же международное признание получают такие возникшие в лоне национальных культур произведения, как шотландская баллада, скандинавские саги или же славянские песни Далматинского побережья. При этом они часто становятся такими же источниками международной литературной инспирации, как гомеровский эпос или французская классицистическая трагедия. Такова диалектика развития интернационального и национального в литературах Европы.

Справедливо, на наш взгляд, отмечает в книге количественная и качественная зависимость литературных связей от географического положения того или иного народа, от межгосударственных и общественных отношений данной страны с другими странами. Это хорошо проиллюстрировано на примере Чехии.

Автор указывает два периода, когда Чехия оказывала наиболее существенное воздействие на литературное развитие Европы — эпоха гуситства и годы чешского национального возрождения. Среди международных культурных факторов, имевших значение для развития чешской литературы в XIX в., в книге отмечается «традиционная ориентация на славянские народы, прежде всего на Россию». Немалую роль при этом играл и мировой престиж русской литературы, особенно русского романа, «гуманистическое содержание которого гармонически сочеталось с чешскими традициями». Характеризуя восприятие русского реалистического романа в Чехии, автор пишет о том, что его художественные и идейные достоинства отодвинули назад национально-будительское отношение к произведениям русских писателей (Гоголя, Пушкина, Лермонтова). С этим замечанием трудно полностью согласиться. Оно справедливо лишь в той мере, в какой национально-будительские представления в пору проникновения в Чехию русского

¹ K. K r e j č í. Česká literatura a kulturní proudy evropské. Praha, 1975, 390 s.

реалистического романа утратили свое значение в общественной и культурной жизни. А применительно к 60—70-м и даже 80-м годам об их полной утрате говорить, видимо, все же нельзя.

Свое вступление Карел Крейчи заканчивает словами: «Изучение национальной литературы поневоле должно быть сравнительным, и наоборот, при сравнительном изучении всегда необходимо обращать пристальное внимание на национальную и индивидуальную специфику». В этом автор книги не расходится с большинством литературоведов социалистических стран, видящих в литературе единство внешних и внутренних связей, определяющих ее развитие.

Высказанные во вступлении общие положения (мы коснулись лишь некоторых из них) подтверждены в книге аналитическим рассмотрением фактических данных из истории взаимоотношения чешской литературы с другими литературами Европы. При этом нельзя не отметить большую эрудицию автора, внимание которого равно привлекают как результаты генетических связей, так и типологические схождения или общности. Так, например, герой известной поэмы Махи «Май» — Вилем рассматривается в ряду таких персонажей мировой литературы, как Корсар и Шиллонский узник Байрона, Карл Моор Шиллера, Жан Вальжан Гюго, Раскольников Достоевского и др. С философской драмой венгерского поэта Ймре Мадача «Трагедия человека», с эпическими произведениями Виньи, Ламартина и Леконта де Лиля, с «Историей...» Красицкого, «Королем — Духом» Словацкого, а также «Легендой веков» Гюго сопоставляются в книге «Обломки эпопей» Врхлицкого и «Совесть веков» Махара. Подробно освещаются в соответствующем

разделе книги русские связи Сватоплука Чеха, его отношение к творчеству Тургенева, Достоевского, Гоголя, Некрасова, Пушкина и особенно Лермонтова. Весьма оригинальной и интересной представляется интерпретация Швейка Гашека, как отдаленной потомственной модификации распространенного в Европе литературного образа, к «праотцам» которого принадлежат Патрокл и Пилад в античной литературе, Санчо Панса, Юст из «Минны фон Бархельм» и слуга Пикквика в литературах позднейших. Разумеется, речь идет лишь об отдельных генетических связях. В отличие от идеалиста Санчо Панса, Швейк прекрасно видит всю нелепость окружающей его действительности и соответственно ведет себя. Посредством Швейка Гашек показал не только присущий ему, как и многим солдатам австрийской армии, антимиитаризм, но и, как сказано в книге, «агонию старой монархии».

В кратком отклике мы остановились лишь на отдельных, по преимуществу только литературных вопросах, освещаемых в новой книге Карела Крейчи, которая не претендует на рассмотрение всей истории общеевропейских культурных и литературных связей чешской литературы XIX в. Она возникла в результате изучения отдельных существенных проблем этой большой и сложной темы. Знакомство с содержанием книги показывает, сколь действенным и полезным может быть широкое сравнительное изучение литературных явлений для углубленного понимания характера развития одной и нескольких, связанных и сопоставляемых национальных литератур. И в этом — одно из главных достоинств книги, ее существенное позитивное значение.

Л. К.

И. А. ЧЕРНОВ. Из лекций по теоретическому литературоведению, I. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976

К быстро растущему числу отечественных работ об искусстве XVII — начала XVIII в. прибавилось новое оригинальное исследование И. А. Чернова о восточнославянском барокко. Особенность этого труда заключена в двойственности обозреваемого предмета, который составляет как литература барокко, так и литература о барокко.

По мысли автора, для науки о словесном искусстве показательны «неинтегрированность» и «некумулятивность» знания, другими словами, отсутствие общепринятого языка, предназначенного для описания текстов, и ослабленности сцеплений между теориями, сменяющими одна другую на исторической оси. Пусть

такая оценка литературоведения в целом и выглядит несколько преувеличенной¹, но все же нельзя не признать, что она вполне отвечает той ситуации, которая сложилась в области изучения барокко. Даже существование этого «стиля культуры» иногда берется под сомнение (особенно на русской почве). С другой стороны, следы барокко вытекают обнаружить не только в пределах XVII — первой трети XVIII в., но и в художественной

¹ Во всяком случае сам И. А. Чернов исходит из того круга идей, которые представлены в изданной им «Хрестоматии по теоретическому литературоведению» (Тарту, 1976).

практике самых различных эпох — от античности до поэзии Т. С. Элиота и Б. Пастернака². Можно было бы не сосредоточивать внимания на этих крайностях, если бы между ними не было расползнулось множество других соперничающих мнений о барокко. Пришла пора, когда осознание причин, в силу которых барокко вызывает расходящиеся толкования, становится ключом к постижению материала научной интерпретации.

И. А. Чернов, бесспорно, прав, утверждая, что одна из этих причин заключена в самой природе барочной эстетики, которая требовала от писателей создания текстов, открытых для неоднозначного прочтения: «... барокко было первым литературным направлением, специально разрабатывавшим и теоретически обосновавшим вопросы множественности реальностей в структуре художественного произведения» (стр. 28). Будет уместно напомнить о том, что XVII в. вернул популярность учению о таящихся во всяком искусном слове четырех смыслах (буквальное, аллегорическое, тропологическое и аналогическое значения), что как раз в эту эпоху обострился интерес к смешанному жанру трагикомедии (ср., в частности, смеховую перелицовку ветхозаветного рассказа о грехопадении в «Снискании и собрании о божестве и о твари и како созда бог человека» протопопа Аввакума). С этой точки зрения кажется неслучайным, что барокко культивировало акrostихи (т. е. стихи, обладающие двойным — горизонтальным и вертикальным — содержанием) и своего рода литературные палимпсесты, которые предусматривали сразу несколько комбинаций одних и тех же графических элементов и — соответственно — сразу несколько налагающихся друг на друга семантических трактовок (по определению киевского поэта Ивана Величковского, подобного типа вирш, «едни имена пресекаши, другие имена посреде их вмещает») ³.

К сказанному хотелось бы добавить, что тексты барокко тяготели не только к многозначности, но и к загадочности, в ряде случаев едва ли проницаемой для исчерпывающей расшифровки⁴. Еще Г. Вёльфлин обратил внимание на моти-

вы прикрытия в архитектуре барокко⁵; под таким же углом зрения допустимо рассматривать и некоторые другие эстетические факты, среди которых можно назвать хотя бы обращение литературы XVII в. к историческим событиям, окутанным противоречивыми слухами (одно из свидетельств — «Повесть о смутных обстоятельствах смерти воеводы Скопина-Шуйского»), или стремление барочной поэзии к элитарности, порождавшее тексты, автор и адресат которых сливались в одном лице (творчество «для себя» в Польше, скажем, у Вацлава Потоцкого и отчасти в России)⁶. Эти особенности культуры XVII в. вызвали к жизни переживавшуюся на разные лады мысль о пресловутой загадке барокко. Более того, они же видимо, послужили основанием для такого научного подхода к барокко, которому оказалась свойственна «гиперкоррекция» по отношению к исследуемому материалу. Тайну искали и там, где ее не было. Не исключено, что напумпавшую работу Э. Кипана⁷, которая квалифицирует переписку Ивана Грозного с Курбским в качестве мистификации первой четверти XVII в., в свою очередь, следует определить как реликт дожившего до наших дней барочного мышления.

Согласно И. А. Чернову, вторая причина идейной разногласия, сопутствующей изучению художественной культуры барокко, состоит в том, что язык литературоведения, имеющего дело с эстетическими ценностями, не проводит строгого разграничения между ценностными и описательными суждениями: «В этом смысле можно говорить о том, что в литературоведении (...) сам объект тождествен его интерпретации» (стр. 31). Поэтому построению каждой новой научной «парадигмы», содержащей систему понятий, в рамках которой объясняется искусство XVII в., «предшествует некое изначальное ощущение ценности, т. е. того, что является существенным и несущественным, „хорошим“ или „плохим“ для данной парадигмы» (стр. 51). Однако такая избирательность в освещении данных становится возможной постольку, поскольку всякое рассматриваемое явление культуры имеет несколько аспектов и способно одновременно удовлетворять различным интерпретациям. Как известно, любое художественное сообщение может быть описано в трех планах, куда входят: синтактика (формальные прави-

² О Пастернаке как поэте, связанном с барокко, см., например: F r a n k J. W a g n e r. Versions of Baroque. European Literature in the Seventeenth Century. New Haven — London, 1972, p. 220.

³ Иван Величковский. Твори. Київ, 1972, с. 85.

⁴ Ср. о загадочности как конститутивном свойстве «Гамлета» — Л. С. Выготский. Психология искусства, 2-е изд. М., 1968, с. 211. Любопытно, что значительный процент кладов, обнаруживаемых на восточнославянской территории, приурочен к XVII — началу XVIII в.

⁵ Г. Вёльфлин. Ренессанс и барокко. СПб., 1913, с. 26.

⁶ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 68—69.

⁷ Edward L. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth—Century Genesis of the «Correspondens», Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tzar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971.

ла, организующие внутренний строй речи), семантика (отношение текста к социологической действительности) и прагматика (цели, преследуемые автором при создании произведения). Соответственно И. А. Чернов выделяет три научных направления, в которых барокко предстает как стиль, как мировоззрение и как этап социальной истории Европы. Эти исследовательские «парадигмы» нашли наиболее полное выражение в работах Г. Вельфлина, А. Хаузера и американской культурологической школы 30—40-х годов нашего столетия.

Методика И. А. Чернова позволяет обобщить научные доктрины, казавшиеся несовместимыми, и вслед за этим обнаружить в культуре XVII в. черты системного целого. Так, характерное для этой поры расширение зоны эстетического⁸ (семантический или мировоззренческий аспект барокко) выдвинуло искусство на одно из привилегированных мест в культурной жизни общества и, естественно, повлекло за собой изменение форм литературной коммуникации, которая часто бывала ориентирована не столько на читателя, сколько на «другого автора» (прагматический или социальный аспект барокко). В свою очередь, активизация литературной полемики и профессионализация писательского ремесла согласуются с совершившимся именно в XVII в. переходом к такому типу творчества, которое было нацелено на раскрытие собственных законов, подчинялось установке на автоматизм (синтаксический или стилистический аспект барокко). Аналогичным образом в книге И. А. Чернова обсуждаются и другие показатели литературного барокко.

Стоит особо подчеркнуть, что И. А. Чернов рассматривает систему барочной эстетики в качестве парадоксального — внутренне антистетического — явления, указывая, в частности, на сочетание элитарных и демократических (а также квазидемократических) тенденций в литературном обиходе XVII в. По-видимому, противоречивость присуща каждому этапу художественного развития, однако далеко не всегда она выступает в столь наглядной форме, как в постренессансный период. Соединение взаимоисключающих начал прослеживается на всех уровнях барочной культуры — от отдельной внятой текста, который, к примеру, мог совмещать в себе сугубо достоверные и фантастические элементы (подобно Повестям о Савве Грудцыне, бесноватой жене Соломонии или Азовском

осадном сидении), вплоть до всей совокупности словесных памятников этой эпохи, поляризовавшихся в России в сферах либо придворного, либо, если воспользоваться термином Светлы Матхаузеровой, «спонтанного барокко»⁹. Внутренние противоречия пронизывают барочную мысль во всех национальных вариантах, и притом не только в ее художественном, но и в философском воплощении: достаточно будет сослаться хотя бы суждения Паскаля о вредности путешествий («...все несчастье людей происходит только от того, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате») и популярную среди современников французского мыслителя идею путешествия как источника полезных знаний¹¹ (недаром многие писатели XVII в. — это «кочевники» и эмпирики).

Набор свойств, определяющих специфику барочного искусства, сравнивается в работе И. А. Чернова с признаками средневекового художественного творчества и противопоставляется им. Это противопоставление оправдано и даже неизбежно. Во-первых, до сих пор приходится встречать не учитывающие неоправданности исторического времени утверждения о том, что барокко было лишь реставрацией феодального эстетического мироощущения. Размежевание двух типов культуры делается, таким образом, актуальной и, можно сказать, нетривиальной задачей. Во-вторых, оставаясь в границах восточнославянского ареала, очень трудно указать на круг текстов, которые согласовались бы с понятием Ренессанса¹². Предшествовавшего системе барокко в Западной Европе¹³. Исследователь русской культуры XVII в. оказывается попросту вынужденным считать ее в первую очередь с искусством средневековья.

Логическое основание тех превращений, которые претерпела литература на пути от средневековья к XVII в., И. А. Чернов, вместе с рядом других современных

⁹ Světa Mathauserová. Baroko v ruské literatuře XVII. století. «Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze». Praha, 1968.

¹⁰ Паскаль. Мысли о религии. М., 1902, с. 42.

¹¹ См. об этом: George V. Barks. Travel as Education. The Seventeenth Century Studies in his History of English Thought and Literature from Bacon to Pope. Stanford, California — London, 1969.

¹² Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 75 и след.

¹³ Отсюда следует тезис о функциональном равенстве русского барокко и европейского Возрождения, восходящий к К. Леонтьеву, который писал: «Нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало

⁸ Это пересечение рубежей, отделяющих искусство от окружающей среды, могло давать в живописи такой прием, как изображение рамы на плоскости картины (ср., например, портрет Питера Тьярка, выполненный Франсом Хальсом).

ученых¹⁴, видит в изменении соотношения между словесным знаком и обозначаемым объектом. Если в средние века господствующее положение занимал знак, условно связанный с запечатлеваемой ситуацией, то барокко воспользовалось изобразительными знаками, строение которых находится в симметричном соответствии с фактической реальностью и обуславливает тесную взаимозависимость ли-

нашего более сложного и органического цветения (...) надо искать в XVII веке, во время Петра I или, по крайней мере, первые проблемы при жизни его отца» (К. Леонтьев. Собрание сочинений, т. 5. М., 1912, с. 116).

¹⁴ Gérard Genette. D'un récit baroque. В кн. Gérard Genette. Figure. S. II. Paris, 1969.; Ю. М. Лотман. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI—XIX вв. В кн. Ю. М. Лотман. Статьи по типологии культуры, вып. I. Тарту, 1970; Л. А. Софронова. Некоторые проблемы поэтики барокко. «Советское славяноведение», 1974, № 1; е е же. Об анализе литературного произведения эпохи барокко. «Советское славяноведение», 1975, № 5.

тературных и живописных текстов. (Показательно, что Петр I, как отмечал еще Пушкин, велел заменить в языковом употреблении слово *послушник* на слово *свидетель*.) С другой стороны, культура барокко вменяет знаку свойство самодостаточности (автономности), о котором свидетельствуют как практические усилия писателей XVII в., так и создававшиеся тогда поэтики (в том числе поэтика Ф. Кветницкого), которые поощряли варьирование одной и той же темы в пределах отдельного произведения. Наконец, в отличие от древнерусской книжности, удваивавшей мир вещей, которые снабжались «высшими» смыслами, литературе барокко был присущ интерес к чувственно-воспринимаемому бытию.

Весьма вероятно, что ждущее своего часа сличение восточнославянского барокко с классицизмом позволит расширить и усложнить перечень тех координат, которые И. А. Чернов устанавливает применительно к литературной культуре XVII в. Нужно надеяться, однако, что это будет именно расширение и, быть может, уточнение положений, высказанных в рецензируемом труде, а не еще одна попытка реинтерпретации барокко.

И. Смирнов

J. KASPAR. Úvod do novověké latinské paleografie se zvláštním zřetelom k českým zemím. Praha, 1975, 348 s.

Я. КАШПАР. Введение в латинскую палеографию нового времени главным образом применительно к Чешским землям

Книга Ярослава Кашпара является учебным пособием для студентов — архивистов и историков. Однако прежде всего — это самостоятельное оригинальное исследование ученого-палеографа, первая специальная работа по истории чешского письма нового времени.

Книга состоит из 12 глав. Во введении автор останавливается на характеристике периода нового времени в истории западноевропейского письма. Этот период, по его мнению, начинается с начала XVI в. и длится до наших дней. В начале XVI в. широко распространившееся книгопечатание ограничило сферу применения письма канцелярий и личным письмом. Деятельность всевозможного рода официальных канцелярий резко увеличивает потребности в быстром, экономичном написании, легко читаемом и простом для

обучения письме. Центр тяжести перемещается на курсивное письмо. Им написано большинство из громадного числа документов и личных бумаг нового времени. Формирование курсива нового времени сопровождалось постоянным усилением индивидуальных черт на письме. В начале XVI в. появляются первые печатные учебники письма — трактаты по каллиграфии. Став доступным, благодаря книгопечатанию, сразу значительному кругу людей, они способствовали установлению общих правил для пишущих, унификации письма. Очень важным свидетельством наступления новой эпохи в истории письма чешский ученый считает распространение в Италии в XV в., а позднее и в других странах Европы, гуманистического письма округлых форм, предшествовавшего смене письма готическому.

Это изменение связано с развитием и утверждением гуманистической культуры.

В течение XVI—XVII вв. округлое письмо становится господствующим типом письма в Италии, Испании, Франции, Англии и в других европейских странах, оно послужило основой для формирования современного письма латинского алфавита. В противоположность этому, письмо округлых форм не получает распространения в Германии. Здесь консервируются традиционные угловатые формы букв. Результатом их дальнейшего развития (а существовали они в Германии вплоть до 40-х годов XX в.) было создание особого вида письма, получившего в литературе название «немецкого» или «неоготического».

Второе, более точное, употребляет в своей книге Я. Кашпар. Сосуществование двух типов письма: гуманистического и неоготического, постепенное вытеснение последнего первым, как он справедливо отмечает, определяет содержание периода нового времени в истории западно-европейского письма. Главной же задачей для себя автор считает изучение неоготического письма в Чешских землях, которое испытывало сильное влияние письма немецкого и развивалось по пути ему аналогичному. Так же как и в Германии, для текстов на национальном языке здесь применяли неоготическое письмо, округлым писали только по-латыни или на романских языках. Угловатые формы букв в чешском письме сохранились до середины XIX в.

Работа Я. Кашпара включает в себя полный и обстоятельный историографический обзор, в конце которого формулируются насущные задачи пока еще молодой дисциплины — палеографии нового времени. Методика палеографического исследования чешского ученого содержит последние достижения современной латинской палеографии. Определяются дукт, модуль, вес, угол письма. В то же время прослеживается, как отдельные этапы истории письма соотносятся с уровнем развития общества в целом, его культуры, искусства.

В книге подробно рассматриваются материальные аспекты процесса письма: вопросы, связанные с характером пишущих инструментов и материала письма, их изменением и влиянием на все развитие письма. Говоря об обучении письму, автор отмечает деятельность школ письма, а также значение учебников письма — печатных трактатов по каллиграфии. Он считает, что в известной мере под влиянием последних в немецких языковых областях до XX в. сохранился достаточно искусственный и неудобный для написания угловатый неоготический курсив.

Центральное место в работе занимают самые большие по объему главы о немецком и, прежде всего, о чешском письме. Здесь тщательно анализируется эволю-

ция форм прописных и строчных букв курсивного письма документов. Многочисленные рисунки поясняют изложение. Автор пытается выделить национальные черты чешского письма. Этот материал предвзвешивает глава о письме Италии, Франции, Англии в исследуемый период. Стремление взглянуть на процесс развития европейского письма в целом особенно ценно в труде Я. Кашпара.

Главы о сокращениях, числительных, скорописи, печатном шрифте и правилах транскрибирования дополняют анализ эволюции форм букв. Следует специально отметить 80 таблиц, воспроизводящих образцы письма, которые иллюстрируют наблюдения автора. Почти все воспроизведения чешского письма сделаны с документов, хранящихся в архивах Чехии. Большую помощь читателю окажет список основной литературы по истории письма нового времени, а также ссылки на литературу по конкретным вопросам, данные в пространных примечаниях. Справочный аппарат книги содержит именной указатель.

Особого внимания заслуживает в книге глава, посвященная вопросам номенклатуры письма. Определения типов письма имеют не вспомогательный характер, но должны быть точными научными терминами, четко обозначающими место изучаемого вида письма в единой классификационной системе, учитывать взаимоотношение видов письма и их развитие. Автор использует следующие классификационные принципы. Все разнообразие вариантов письма нового времени подразделяется на две большие группы: письмо неоготическое и гуманистическое. Далее, письмо может быть маюскульным и минускульным (соответственно письмо прописных и строчных букв). Следующая ступень — классификация по степени беглости письма. Крайние положения занимают здесь письмо каллиграфическое (*kreslená*) и курсив. Первое — крупное декоративного характера письмо торжественных документов и надписей, буквы в словах не соединены связками. Второе — очень беглое, зачастую небрежное мелкое письмо документов. Промежуточное положение между ними занимает полукурсив — письмо важных документов, предназначенных для многократного чтения. Оно соединяет в себе некоторые черты письма каллиграфического и курсива, касающиеся форм букв, характера связей, размера. Каждый из отмеченных видов письма (каллиграфическое, полукурсив, курсив) в свою очередь может характеризоваться, по мнению автора, как особенно каллиграфичный или беглый, либо просто нормальный, т. е. достаточно беглый и в то же время очень четко выписанный вариант данного вида письма. Для уточнения определений указываются временные и территориальные пределы. Выводы исследователя находят свое графиче-

ское выражение в схематической таблице с названиями типов письма по-чешски и по-латыни.

Проблема номенклатуры письма нового времени в высшей степени сложна. Это объясняется тем, что история письма XVI—XX вв. находится еще на начальном этапе своего развития. Наблюдения за эволюцией форм букв письма, изучение процесса письма в целом, далеко не завершены. Не проанализировано также громадное разнообразие вариантов письма нового времени. Поэтому при всем позитивном значении, которое имеет классификация письма Я. Кашпара, она носит предварительный характер. Спорным представляется выделение маюскула в особую ветвь в развитии письма, его эволюция неотделима от развития минускульных форм букв и вряд ли может рассматриваться в отрыве. Не совсем ясен также смысл, вкладываемый в понятие неоготического-гуманистических типов письма.

Автор различает три этапа развития письма в Чешских землях в изучаемый период: 1. 1500—1775 гг.; 2. 1775—1848 гг.; 3. 1848 — до наших дней.

Чешскому неоготическому письму первого периода свойственно большое разнообразие вариантов. Одним из его источников явилась чешская бастарда — национальный вариант регуляризованного готического курсива XV в., другим — немецкое неоготическое письмо начала XVI в. Черты последнего переносились в Чешские земли немецкими студентами, обучавшимися в университетах Германии, а также воспринимались чехами благодаря распространению немецких печатных учебников письма. Отличить чешское неоготическое письмо от немецкого в XVI в. нетрудно, его выделяют более округлые формы, а также некоторые другие черты письма гуманистического, воспринятые вместе с бастардой.

Однако с начала XVII в. они все более и более ослабевают под натиском распространяющихся угловатых форм немецкого письма. Этот процесс значительно ускоряется, когда после разгрома у Белой Горы войск восставших чешских протестантских сословий Чехия полностью лишается былых прав и привилегий и становится одним из владений империи Габсбургов.

Рубежом первого и второго периода развития чешского письма является

1775 г. Вследствие школьной реформы австрийской монархии тогда выходит учебник письма Иоганна Шальте¹, призванный унифицировать школьное письмо. В нем представлены унифицированные виды неоготического и гуманистического письма (второе, как уже отмечалось, употребляли только для письма на латинском и романских языках). Чешский вариант неоготического письма совершенно слился к этому времени с немецким. Типы письма учебника И. Шальте распространяются не только в школах, но и в канцеляриях, а также в сфере личного письма.

Обязательное применение немецкого письма для чешских текстов воспринималось в Чехии как одно из проявлений германизации и служило импульсом для агитации многих представителей чешского национального возрождения за отмену немецкого письма вообще и за переход к письму округлых форм. В этой связи автор останавливается на характеристике деятельности И. Добровского, И. Юнгмана, Ф. Палацкого, П. Й. Шафарика и др.

Для победы гуманистического письма в чешских текстах серьезное значение имело проникновение округлых форм в книгопечатание, а также в школьные учебники письма². Простота и удобство гуманистического письма по сравнению с немецким находили, таким образом, все больше и больше сторонников. В течение 50-х годов XIX в. гуманистический курсив в чешских текстах окончательно вытесняет неоготический. С незначительными поправками — результат некоторых реформ по унификации письма второй половины XIX—XX вв. — модернизированный гуманистический курсив употребляется и поныне. Неоготическое письмо продолжало существовать в Чешских землях для немецких текстов до 1941 г., когда было отменено реформой немецкого письма.

Т. Н. Таценко

¹ I. S c h a l t e. Anleitung zum Schönschreiben. Wien, 1775.

² Наибольший успех среди них имел учебник: P. M u š á k. Vzory ku krasopisání. Praha, 1848. Год его издания, по мнению Я. Кашпара, является рубежом второго и третьего этапа развития чешского письма.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1976—1977 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Богина Е. Л., Копылов И. Я. Мировая система социализма — главная революционная сила современности. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1977, № 2.

Выступление товарища Л. И. Брежнев на встрече с руководителями академий наук социалистических стран. «Коммунист», 1977, № 4.

Голубев В. А. Некоторые вопросы критики антимарксистских взглядов на мировую социалистическую систему хозяйства. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 132.

XXV съезд КПСС и современный этап развития молодежного движения в социалистических странах. Информ. бюл. ком. молодежных организаций СССР, 1977, № 2.

Кузьмина Т. Международное значение Великого Октября. Обществ. науки, 1977, № 2.

Ладыгин Б., Пекшев Ю. Закономерность постепенного сближения социалистических стран. «Коммунист», 1977, № 5.

Новопашин Ю. Е. Критика буржуазных концепций социалистических межгосударственных отношений. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Сивальнев А. Г., Кудиненко В. Н. Общие закономерности строительства социализма и несостоятельность антимарксистских концепций «множественности моделей» социализма. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 132.

Федосеев П. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. Обществ. науки, 1977, № 2.

Холый Г. Общие закономерности и специфические черты строительства развитого социалистического общества в Польше. Вопр. экономики, 1977, № 3.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика]

Базылев Л., Войцеховский М. Критика буржуазной историографии, касающейся характера польско-советских отношений. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Вайтекус С. Пропаганда идей литовско-польской дружбы в периодической печати Литовской ССР. В кн.

СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Валевская В. И. Интернациональные черты в деятельности советских и польских профсоюзов. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Валигурский Б. Роль Ленинского комсомола и Федерации социалистических союзов польской молодежи в развитии дружбы между польской и советской молодежью. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Добросельский М. Сотрудничество между ПНР и СССР в области укрепления единства мировой социалистической системы, упрочения мира во всем мире, обеспечения безопасности в Европе и оказания помощи национально-освободительному движению. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Жигарис Ф. Связи между городами-побратимами и пограничными районами Советской Литвы и Народной Польши. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Жигня К. Л. Борьба Советского Союза за дипломатическое признание правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования (1945 г.). В кн. На путях нерушимой дружбы М., 1977.

Жуков Е. М. Братская дружба и сотрудничество народов Советского Союза и Польской Народной Республики — воплощение принципов социалистического интернационализма, В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Зеебер Е. Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Кавко А. К. Роль революционных традиций в формировании братского союза СССР — ПНР (1944—1948 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Катушев К. Ф. Братский союз. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Колодников Л. П. Освещение истории советско-чехословацких отношений 1945—1955 г. в советской литературе и документальных изданиях. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Малыхин А. А. Развитие связей между ВЛКСМ и молодежными организациями Польши. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Матеев Б. Болгаро-советское сотрудничество и победа кооперативного строя в Болгарии. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Наков А. (НРБ). Болгаро-советские отношения в системе политического сотрудничества европейских социалистических стран. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Петерс И. А. Советско-чехословацкое сотрудничество в 1948—1974 гг. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Поспешинский Р. Сотрудничество польских и советских профсоюзов. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Савов В. Всесторонняя поддержка национально-освободительных движений. В кн. Социалистическая внешняя политика Народной Республики Болгарии 1944—1974. М., 1976.

Толстой В. С. Вклад Белорусской ССР в укрепление советско-польского сотрудничества. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Толстой В. С. Формы сотрудничества между породненными областями Белорусской ССР и Польской Народной Республики. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Хренов И. А. Основные направления советско-польского сотрудничества в послевоенный период. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Цапанов В. И. Защита социализма — интернациональный долг коммунистов. В кн. Ежегодник германской истории. 1976. М., 1977.

Янин А. А. Некоторые вопросы становления и развития советско-чехословацких отношений (1945—1948 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Аверкин А. Развитие и совершенствование многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ (обзор за 1973 г.). В кн. Советский ежегодник международного права. 1974. М., 1976.

Алексеев Н. Развитие системы управления в области внешнеэкономических связей ЧССР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Арефьев В., Карпенко И. Специализация в рамках социалистической интеграции. Экономика сельск. хоз-ва 1977, № 3.

Аюпов Р. Г. Развитие производственных отношений в сотрудничестве социалистических стран. В кн. Вопросы экономики развитого социалистического общества в СССР. М., 1976.

Бакалейко С. В. Место и роль сельскохозяйственного производства в повышении эффективности народнохозяйственных комплексов стран — членов СЭВ. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Бакуменко П. Экономическое сотрудничество между странами СЭВ. Экономика Сов. Украины, Киев, 1977, № 2.

Басс Л. Пути углубления советско-болгарского сотрудничества в решении топливно-сырьевой проблемы стран СЭВ. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Беличенко А. Международный инвестиционный банк и социалистическая экономическая интеграция. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 1.

Белугин Ю. М. Сберегательное дело в Чехословацкой Социалистической Республике. «Деньги и кредит», 1977, № 3.

Березин В. Сотрудничество стран СЭВ с развивающимися странами. Внешн. торговля, 1977, № 4.

Богомолов О. Т., Барковский А. Н., Семенова Л. С. Основные направления и факторы долгосрочного экономического сотрудничества СССР и ПНР. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Бодров В. Критика буржуазных трактовок социалистической экономики в теориях «сравнительных экономических систем». Экономика Сов. Украины, Киев, 1977, № 3.

Бодров В. Г. Критика некоторых методологических основ современных буржуазных трактовок социалистической экономики. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 132.

Боч Л. Распределение по труду в системе управления экономикой. В кн. Оплата труда при социализме: вопросы теории и практики. М., 1977.

Булаш М. А. Эффективность социалистической экономической интеграции. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Бутенко А. П., Пугачев Б. М. Сочетание интернациональных и национальных интересов стран социалистической интеграции. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Бухтеева С. В. Методические вопросы расчетов индексов потребительских цен в странах — членах СЭВ. «Цены и ценообразование», 1977, вып. 2.

Бэр Г. Правовое регулирование совместной плановой деятельности стран —

членов СЭВ. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Валенцева Н. И., Майхер М., Ширинская З. Г. Кредитование и расчеты в ЧССР. «Деньги и кредит», 1977, № 2.

Васильев И. СЭВ и развивающиеся страны. Вопр. и ответы, 1977, № 4.

Васильева Р. Х., Булаш Е. М. Критика буржуазных фальсификаций экономических отношений стран социализма. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 132.

Васильковский А. Координация экономической политики стран — членов СЭВ в рамках Совета. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Воронцова Л. Совещание специалистов-статистиков стран — членов СЭВ по социальной статистике. Вестн. статистики, 1977, № 3.

Гвишиани Д. М. Международное научно-техническое сотрудничество на современном этапе. В кн. Наука и человечество. Доступно и точно о главном в мировой науке. Междунар. ежегодник. 1977. «Знание», 1976.

Георгиева С. Повышение эффективности общественного производства в условиях развитого социалистического общества. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Герасимов Ю. Выравнивание уровней экономического развития стран — членов СЭВ. Полит. самообразование, 1977, № 3.

Гитер Б. А. Некоторые вопросы сотрудничества европейских стран СЭВ и Африки в области топлива и сырья. В кн. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран, вып. 2. М., 1976.

Големинов Ч. Отношения Совета Экономической Взаимопомощи с международными экономическими организациями социалистических стран. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Горизонтов Б., Петухова С. Развитие международной инфраструктуры стран СЭВ. Вопр. экономики, 1977, № 2.

Грингольц И. Социалистическая экономическая интеграция и совершенствование советского законодательства. Хоз-во и право, 1977, № 1.

Гурченко В. Развитие производства зерна в странах — членах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 2.

Гуэр Я. Деятельность профсоюзов в сельском хозяйстве НРБ. «Всемирное профсоюзное движение», М., 1977, № 1.

Давыдова Л. Н. Специализация и кооперирование производства в тяжелом электромашиностроении социалистических стран. В кн. Экономика электромашиностроения и повышение эффективности новой техники. Л., 1976.

Давыдова Л. Н., Соловьева Е. Л. Основные проблемы и прогнозы интеграционных процессов в электромашиностроении стран — членов СЭВ. В кн. Экономика электромашиностроения и повышение эффективности новой техники. Л., 1976.

Джурович Р. Правовые формы участия СФРЮ в деятельности СЭВ. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Димова Л. Кооперативная торговля Болгарии. Сов. потреб. кооперация. 1977, № 2.

Дроздова Г. М. Роль внешних факторов экономического роста стран социалистического содружества в усилении интенсификации их общественного производства. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

Евстигнеев Р. Н., Михляев А. Г. Долгосрочные комплексные программы в странах СЭВ. В кн. Комплексные программы развития в странах СЭВ, М., Варшава, 1977.

Ежова А. Н., Минаева М. В. Критика взглядов буржуазных экономистов на совершенствование механизма управления плановым ценообразованием в условиях развитого социализма. В кн. Проблемы воспроизводства. М., 1976.

Заградничек И., Сладкова И. Главные задачи современной политики цен в ЧССР. «Цены и воспроизводство», 1976, вып. 6.

Зайфферт В. Внешние связи Совета Экономической Взаимопомощи (правовые вопросы). В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Зевин Л. В интересах сотрудничества. Мировая экономика и междунар. отношения, 1977, № 3.

Зевин Л., Прохоров Г. Экономическое сотрудничество социалистических и развивающихся стран: новые тенденции. Мировая экономика и междунар. отношения, 1977, № 3.

Зиле Х. А. Статистика уровня жизни народа в ЧССР. Учен. зап. Латв. ун-та, Рига, 1976, т. 240.

Иноземцев Н. Укрепление плановых основ сотрудничества стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1977, № 4.

«Интертекстильмаш»: больше хороших машин — больше хороших тканей. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Иоффе А. Е., Жиленко Ю. Н. Становление советско-болгарских экономических отношений (1944—1948 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Ищук И. И. Основные формы научно-технического сотрудничества СССР и Польши. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

Казда В. Планомерное управление изменениями в структуре народного хозяйства ЧССР с помощью комплексных

программ. В кн. Комплексные программы развития в странах СЭВ. М., Варшава, 1977.

К а и м Ф. Роль сотрудничества стран — членов СЭВ в повышении технического уровня металлургии ПНР. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

К а з и м е р ч у к М. ПНР — СССР: 30 лет научно-технического сотрудничества. Эконом. газ., 1977, № 16.

К а п и т о н о в В. Сближение стран — членов СЭВ и развитие транспорта. Эконом. науки, 1977, № 3.

К а р а в а е в В. П. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися странами. Экономика стр-ва, 1977, № 3.

К а р п и н с к а я Н. П. Критика буржуазных трактовок социалистического механизма хозяйствования. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 132.

К а р п и н с к и й И. Ф. Экономическое сотрудничество со странами социалистического содружества — важнейший фактор укрепления и развития государственного сектора молодых независимых стран. Вопр. полит. экономики. Киев, 1977, вып. 130.

К а р п и ч В. Экономическому сотрудничеству стран СЭВ — прочную правовую основу. Хоз-во и право, 1977, № 2.

К а с а т к и н Н. И. Подготовка рабочих кадров в Югославии посредством производственного обучения в восстановительный период (1944—1947 гг.). Вопр. истории междунар. рабочего движения, Пермь, 1976, вып. 13.

К а ф к а В. Чехословацкий экспорт и импорт оборудования для ведущих отраслей народного хозяйства. Внеш. торговля, 1977, № 3.

К а ч м а р е к Я. Тридцать лет польско-советского научно-технического сотрудничества. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

К е с е л ы В. Развитие принципа заинтересованности в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

К л о ч к о В. П. Итенсификация общественного производства — основное направление экономического развития стран — членов СЭВ. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

К о в а л ь к Т. Сотрудничество между советскими и польскими кооперативными организациями. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

К о г а н Е. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области охраны окружающей среды. Вопр. экономики, 1977, № 2.

К о з л о в В. И. Строительство — важная сфера развития внешнеэкономических связей. Экономика стр-ва, 1977, № 3.

К о л е с н и к В. С. Влияние научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ на сближение и выравнивание уровней их экономического развития. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

К о л у б а й В. Концентрация производства как фактор повышения эффективности (на примере НРБ). В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

К о л у б а й В. Ф. Критика буржуазных и ревизионистских взглядов на развитие социалистической экономической интеграции. Вопр. полит. экономики. Киев, 1977, вып. 132.

К о р м н о в Ю. Ф. Международные долгосрочные целевые программы сотрудничества стран СЭВ. В кн. Комплексные программы развития в странах СЭВ. М., Варшава, 1977.

К р е н ц и к В. Управление заработной платой в польской промышленности. В кн. Оплата труда при социализме: вопросы теории и практики. М., 1977.

К р у ч е к В. Главная цель — благосостояние трудящихся. Всемирное профсоюзное движение. М., 1977, № 1.

К у з н е ц о в В. Кооперационные связи Западносибирского металлургического завода. Внешн. торговля, 1977, № 3.

К у з н е ц о в а С. М. Координация планов развития науки и техники стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы воспроизводства. М., 1976.

К ь о с е в С. Основные направления развития НРБ в 1976—1980 гг. и социалистическая экономическая интеграция. План. хоз-во, 1977, № 4.

К ы н ч е в И. Материальное стимулирование и увязка оплаты труда с результатами деятельности производственных подразделений. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 2.

Л е о н е н к о П. М. Углубление кризиса современных буржуазных концепций социалистической экономики. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 132.

Л и р м я н А. О. Сотрудничество стран СЭВ в области долгосрочного кредитирования через Международный инвестиционный банк (МИБ). В кн. Проблемы валютно-финансовой интеграции. М., 1976.

М а ш е н к о в В., Черкашенинова О., Г а б и д у л л и н В. Производительность труда в странах — членах СЭВ. Экономика сельск. хоз-ва, 1977, № 2.

М е л л е р Я. Проблемы планирования фонда заработной платы в ПНР. В кн. Оплата труда при социализме: вопросы теории и практики. М., 1977.

М и л е в с к и й С. ПНР — СССР: высокий уровень сотрудничества. Эконом. газ., 1977, № 12.

М и л ь ш В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области производства легких металлических конструкций. Эконом.

сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

М и р о п о в Н. В. Правовые формы сотрудничества в СЭВ стран, не являющихся его членами. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

М о р е ц к а З. Социально-экономическое содержание трудовых отношений при социализме. В кн. Оплата труда при социализме: вопросы теории и практики. М., 1977.

М о т к и н Г. А. Контроль за состоянием окружающей среды и статистика окружающей среды в странах — членах СЭВ. В кн. Статистика рационального природопользования и охраны окружающей среды М., 1976.

Н а з а р к и н К. Международный банк экономического сотрудничества — важный орган валютной системы социалистического сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Н а с т о я щ и й А. Планирование внешнеэкономических связей в ЧССР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Н е с т е р о в Л. О показателях национального богатства в странах — членах СЭВ. Вестн. статистики, 1977, № 3.

Н е ч е с о в а В. Ф. Роль совместного планирования в повышении эффективности производства стран СЭВ. В кн. Проблемы стимулирования и эффективности общественного производства в условиях развитого социализма. М., 1977.

Н и к о л о в И., П а н о в О., К и р о в Х., Г а в р и л о в Г. Программно-целевой подход к управлению в НРБ. В кн. Комплексные программы развития в странах СЭВ, М., Варшава, 1977.

Н и к о л ь с к и й А. С. Итоги выполнения плана развития народного хозяйства Болгарии за 1976 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1977, № 30.

О л ь с е в и ч Ю. Система управления экономикой развитого социализма и ее буржуазные критики. Вопр. экономики, 1977, № 3.

П а н а с е н к о в А., П а н ю ш к и н В. Некоторые актуальные проблемы сотрудничества стран — членов СЭВ в области ядерной энергетики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

П а н к и н М. Социалистические страны и перестройка международных экономических отношений. Мировая экономика и междунар. отношения, 1977, № 3.

П а н к о в Г. Роль сотрудничества стран — членов СЭВ в создании и техническом перевооружении химической промышленности Народной Республики Болгарии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

П а р с а д а н о в а В. С. Советско-

польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 годах. Сов. славяноведение, 1977, № 2.

П и к и н В. А. Образование и сущность мирового социалистического рынка. В кн. Проблемы воспроизводства. М., 1976.

П и л ь г у й Н. А. Современная неоклассическая теория и рыночные связи при социализме. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 132.

П л ы ш е в с к и й Б. О новой методике определения экономической эффективности капитальных вложений в ПНР. План. хоз-во, 1977, № 4.

П о м а з к о в М. Н. Вопросы международного хозрасчета и совершенствования валютно-финансового механизма интеграции. В кн. Проблемы стимулирования и эффективности общественного производства в условиях развитого социализма. М., 1977.

П о р в и т К. Комплексные программы как инструмент стратегического планирования в ПНР. В кн. Комплексные программы развития в странах СЭВ. М., Варшава, 1977.

П о р у ч н и к С. Г., Г о д и н а В. А. Эволюция буржуазных теорий роста в условиях экономического соревнования двух систем. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 132.

П р о к о п ь е в И. К итогам четвертого заседания Комиссии по сотрудничеству СЭВ и Финляндской Республики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

П ы к а Т. Взаимодействие СССР и ПНР в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

П э р у н Д. О некоторых итогах развития сельского хозяйства стран — членов СЭВ в 1971—1975 гг. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 2.

Р а ч к о в с к и Я. Значение сотрудничества ПНР с другими странами — членами СЭВ для развития гражданской авиации страны. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Р о г л и ч е к Р. Новый этап планомерного развития социалистической интеграции. План. хоз-во, 1977, № 4.

Р о м а н о в С. М. Обобществление и концентрация производства в процессе социалистической экономической интеграции. В кн. Проблемы стимулирования и эффективности общественного производства в условиях развитого социализма. М., 1977.

Р у м я н ц е в А. П. Побережец П. И. Влияние научно-технической революции на социально-экономические преобразования в странах — членах СЭВ. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Р у с с о Н. А. Процесс выравнивания уровней экономического развития

стран — членов СЭВ и эффективность производства. В кн. Эффективность общественного производства и пути ее повышения при социализме. М., 1977.

Савелова И. Промышленное кооперирование между Востоком и Западом. Внешн. торговля, 1977, № 4.

Савчук В. И. Совершенствование структуры промышленного производства стран — членов СЭВ — важнейший фактор повышения его эффективности. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Светлов О. Укрепление внешнеэкономических связей — важная народнохозяйственная проблема. План. хоз-во, 1977, № 3.

Сенилов Б. В. Основные черты развития валютно-финансовых связей стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы валютно-финансовой интеграции. М., 1976.

Сергеев В. П. Содружество стран — членов СЭВ и социалистическое соревнование. В кн. Соревнование и его роль в условиях развитого социализма. М., 1977.

Сивальнев А. Г. Социально-экономические проблемы сплошной электрификации в условиях развитого социализма. В кн. Деятельность КПСС по осуществлению ленинского плана электрификации страны. Душанбе, 1976.

Смолянова В. Б. Сущность и основные черты международного социалистического обобществления производства. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Совместная плановая деятельность стран — членов СЭВ (Передовая). План. хоз-во, 1977, № 4.

Сохань П. С. Взаимосвязь строительства развитого социализма с процессами социалистической экономической интеграции (на примере НРБ). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Стуков С. А. Новое положение о калькулировании себестоимости промышленной продукции в Народной Республике Болгарии. «Бухгалтерский учет», 1977, № 3.

Терин М. В., Гобина Г. В., Котлов В. А. Методы оценки экономической эффективности капитальных вложений в странах — членах СЭВ. Экономические проблемы интенсификации промышленного производства. Ярославль, 1976.

Тивончук И. А. Экономическая выгода от внешней торговли и критерии формирования международного социалистического разделения труда. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Усенко Е. Т. 25 лет международной организации нового типа. В кн. Советский ежегодник международного права. 1974. М., 1976.

Усенко Е. Т. Комплексная программа социалистической экономической интеграции и роль СЭВ в ее осуществле-

нии. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник). М., 1977.

Ушаков Н. А. О международной правосубъективности Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Фаддеев Н. Согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий стран — членов СЭВ — важный этап их совместной плановой деятельности. План. хоз-во, 1977, № 4.

Фомин В. В. Отношения Совета Экономической Взаимопомощи с ООН и другими международными организациями. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Фридман Л. А. О стимулировании рационального использования трудовых ресурсов в европейских странах — членах СЭВ. В кн. Вопросы экономики развитого социалистического общества в СССР. М., 1976.

Фролов В. В. Значение приграничных районов в формировании территориальных пропорций промышленности в ЧССР. В кн. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран, вып. 2. М., 1976.

Хлебников В. Итоги сотрудничества стран — членов СЭВ в области черной металлургии за 20 лет. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Чередая И. С. Взаимодействие закона планомерного развития и закона стоимости в экономических отношениях между социалистическими странами. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Чуканов О. А. XXV съезд КПСС и проблемы социалистической экономической интеграции. Вопр. истории КПСС, 1977, № 3.

Шалашова Н. В. Валютный курс как инструмент социалистической экономической интеграции. В кн. Проблемы валютно-финансовой интеграции. М., 1976.

Шапшаев Г. Н. Об установлении внутренних цен на импортную продукцию. Вопр. ценообразования, 1976, вып. II.

Шедивы З. Участие ЧССР в реализации Согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Шипкин П. И., Степанова А. П. Социалистическая экономическая интеграция — важнейший фактор развития специализированного машиностроения Народной Республики Болгарии. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

Яковенко В. А. Особенности и резервы международного социалистического разделения труда в условиях экономической интеграции. Вопр. полит. экономии, Киев, 1977, вып. 130.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

14—15 апреля с.г. в Москве в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялась очередная встреча советских и польских историков. Ее открыл председатель Советского комитета ветеранов войны генерал армии П. И. Батов.

Такие встречи уже стали традиционными, они проходили в 1970 г. в Варшаве, в 1972 г. в Москве, в 1974 г. во Вроцлаве. Эти встречи организуются Советским комитетом ветеранов войны и Союзом борцов за свободу и демократию ПНР (СБзСид) при участии АН СССР и ПАН, различных исторических институтов и высших учебных заведений Советского Союза и Польши.

Данная встреча по теме «Революционные и боевые традиции советского и польского народов в борьбе за свободу, независимость и социальный прогресс» была посвящена 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В ней приняла участие польская делегация во главе со Станиславом Куйдой — заместителем министра по делам ветеранов, генеральным секретарем Главного правления СБзСид. 17 членов делегации представляли различные научные институты и учебные заведения ПНР.

С советской стороны во встрече участвовали представители АН СССР и АН УССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института славяноведения и балканистики, Института военной истории МО СССР, Института экономики мировой социалистической системы и других научных учреждений и учебных заведений, ветеранской общественности Москвы.

Участники встречи заслушали четыре доклада, с которыми выступили: член ЦК

КПСС, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС акад. А. Г. Егоров — «Великая сила идей пролетарского интернационализма», заведующий отделом Польской академии наук д-р наук Н. Михта — «Роль Великой Октябрьской социалистической революции в восстановлении независимой Польши», член Главной исторической комиссии Союза борцов за свободу и демократию ПНР, д-р наук В. Гура — «Роль первой страны социализма в освобождении и создании Народной Польши», старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, канд. ист. наук Г. З. Лекомцев — «Братское сотрудничество СССР и ПНР — яркий пример социалистического интернационализма в действии».

Выступившие с научными сообщениями советские и польские историки осветили традиции совместной борьбы народов Советского Союза и Польши против фашизма, за свободу, независимость и социальный прогресс, их помощь республиканской Испании и боевое содружество в годы второй мировой войны. Большое внимание было уделено вопросам послевоенного экономического и политического сотрудничества СССР и ПНР, совместной борьбе их народов за осуществление ленинской идеи мирного сосуществования, за разрядку международной напряженности, укрепление мира во всем мире.

Программа пребывания польской делегации в Москве позволила провести личные встречи между историками, занимающимися изучением аналогичных проблем. Это способствовало установлению более тесных контактов между советскими и польскими учеными.

А. Горенков

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

В Москве с 21 по 23 июня 1977 г. прошла научная конференция Комиссии советских и польских историков по проблеме «Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Изменения в структуре рабочего класса СССР и ПНР в процессе строительства

социализма и коммунизма», подготовленная Институтом истории СССР АН СССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и польской частью Комиссии историков СССР и ПНР.

Открывая конференцию, акад. Б. А. Рыбаков (СССР) и

проф. Л. Базылёв, в своих выступлениях подчеркнул большое значение этой встречи советских и польских историков в дальнейшем укреплении научных и культурных связей между нашими странами.

В ходе работы конференции было заслушано 24 научных доклада.

Проблеме «Великий Октябрь и его значение» был посвящен доклад д-ра ист. наук Ю. И. Кораблева (СССР). Вопросы связи и взаимозависимости между революционной ситуацией и методами борьбы (из опыта социалистической революции в России) нашли освещение в докладе проф. В. Сэрчика (ПНР).

Д-р ист. наук Т. В. Осипова (СССР) в докладе «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством и современность» подчеркнула, что учение о союзе рабочего класса с крестьянством является составной частью теории социалистической революции, занимает важнейшее место в теоретическом наследии и практической деятельности В. И. Ленина. Т. В. Осипова убедительно показала, что опыт СССР и практика европейских социалистических стран облегчают выбор пути демократического решения аграрного вопроса с учетом специфических особенностей и уровня развития классовой борьбы в каждой из развивающихся и капиталистических стран.

Польский историк доц. М. Лечик охарактеризовал отклики польской прессы 1917—1918 гг. на Октябрьскую революцию в России. Доц. М. Войцеховский (ПНР) посвятил свое выступление анализу влияния Октябрьской революции на общественно-политическую жизнь в польских северных и западных землях в 1917—1918 гг.

Вопросы социально-политической роли рабочего класса в борьбе за демократию и социализм нашли отражение в докладе д-ра ист. наук И. С. Яжборовской (СССР).

О жизни и революционной деятельности В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского рассказал польский историк проф. Е. Охманьский.

На конференции был заслушан ряд докладов, в которых рассматривались вопросы влияния Октябрьской революции на изменение социальной структуры рабочего класса СССР и Польши в период построения социализма.

Д-р ист. наук Е. Г. Гимпельсон (СССР) рассмотрел качественные и количественные изменения в рабочем классе в период 1918—1937 гг. и подчеркнул, что, изменяя общественно-экономические отношения в стране, классовую структуру советского общества, рабочий класс постепенно изменялся и сам. Сохраняя черты, присущие пролетариату, рабочий класс в ходе социалистического строительства развивал их и приобретал новые черты социалистического класса. Эти процессы протекали под направляющим воздействием авангарда класса — Коммунистической партии, при

непосредственной регулирующей деятельности Советского государства.

Общие закономерности и особенности изменений в структуре рабочего класса в процессе построения социализма в СССР освещены в докладе канд. ист. наук В. И. Вышнянского, посвященном рассмотрению сложных процессов в рядах рабочего класса Белорусской ССР.

В докладе проф. Г. Реховича (ПНР) дан анализ деятельности ПОРП по усилению руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма в Польше и уделено большое внимание использованию в решении этой проблемы советского опыта.

На конференции были рассмотрены проблемы социального прогресса в СССР и ПНР, глубокие изменения структуры рабочего класса двух социалистических стран в 40—70-х годах, роль рабочего класса в сближении народов СССР и ПНР.

Д-р ист. наук С. Л. Сенявский (СССР) в докладе «Рабочий класс и социальный прогресс советского общества» остановился на характерных чертах развитого социалистического общества, основных направлениях его социального прогресса на современном этапе, осветил место и роль рабочего класса в социальном прогрессе социалистического общества.

Освещая сложные изменения в структуре рабочего класса СССР в конце 30-х и 50-х годов д-р ист. наук А. В. Митрофанова уделила внимание влиянию войны и ее последствий на структуру рабочего класса СССР, охарактеризовала развитие и обогащение всех черт рабочего класса социалистического общества, превращение его в самый многочисленный класс СССР.

Изменения в структуре рабочего класса СССР в ходе создания материально-технической базы коммунизма в 60—70-х годах, возрастание его руководящей роли в обществе всесторонне рассмотрены в докладе И. П. Остапенко (СССР).

Структурные изменения в рядах рабочего класса были проанализированы в региональном аспекте. Качественные и количественные изменения рабочего класса в БССР в период построения развитого социалистического общества рассмотрел д-р ист. наук И. Е. Марченко, в Украинской ССР в послевоенный период — д-р ист. наук В. Е. Романов, в Советской Литве в процессе строительства социализма и в годы развитого социализма — д-р ист. наук Г. Шаджюс и канд. ист. наук Е. Грунскис. Роли рабочего класса Латвии в социалистической революции 1940 г. был посвящен доклад канд. ист. наук Э. Жагара (СССР).

В докладе, подготовленном кандидатами исторических наук А. А. Мамедовым, Б. С. Гурбановым и А. М. Эльдаровым (СССР), рассмотрены изменения, происшедшие в структуре рабочего класса Азербайджанской ССР в период строитель-

ства социализма и коммунизма. Вопросы формирования, развития и структуры рабочего класса Советской Армении освещены в докладе канд. ист. наук К. С. Худавердяна и аспиранта М. А. Григоряна (СССР).

С интересом был выслушан доклад доц. Тадеуша Валихновского (ПНР) об архивных источниках по проблеме структурных изменений польского рабочего класса в период строительства социализма. Проф. В. Бортновский в своем докладе осветил важный аспект социального прогресса в результате социалистического пути развития Польши (на примере Лодзи).

Главные тенденции в изменении струк-

туры образования, а также общественной и профессиональной подготовки польского рабочего класса в период строительства социализма нашли отражение в докладе доктора О. Вышомирской-Кузьминской (ПНР).

В докладе канд. ист. наук А. К. Кавко (СССР) «Роль рабочего класса в сближении народов СССР и Польши» раскрыты разносторонние аспекты деятельности рабочего класса двух социалистических стран, их решающее влияние на укрепление и развитие дружбы и сотрудничества в различных областях жизни народов СССР и Польши.

Н. К. Петрова

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ НОСТРАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР 1—3 марта 1977 г. прошла конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Это уже третья конференция, посвященная памяти В. М. Илич-Свитыча¹, она была приурочена к выходу в свет II тома книги Илич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (I — ž). Указатели». М., 1976. В конференции приняло участие более 100 человек из городов: Москвы, Ленинграда, Тарту, Иркутска, Томска и др.; из 27 учреждений: Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института языкознания и Института востоковедения АН СССР и их ленинградских филиалов, Института Дальнего Востока АН СССР, университетов Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, из издательств «Прогресс», «Русский язык» и др. На конференции присутствовали ученые из Польши, Австрии, Венгрии, Югославии.

Конференцию открыл проф. С. Б. Бернштейн. В своем вступительном слове он показал, что работы В. М. Илич-Свитыча по ностратическому языкознанию явились закономерным результатом развития компаративистики. Издание I тома книги В. М. Илич-Свитыча («Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — K)»). М., 1974), опубликованные в мировой лингвистической печати отклики на него, а также оживление работы по сближению отдельных пар ностратических дочерних семей языков свидетельствуют о растущем

интересе лингвистов к данной области сравнительно-исторического языкознания.

В программе конференции было объявлено 40 докладов, из которых 33 было прочитано на заседаниях. Первым был заслушан доклад Вяч. Вс. Иванова (Москва) «Миграционные термины в языках Евразии», в котором прослеживаются источники и распространение в древних евразийских языках (как ностратических, так и неностратических) названий «леопарда», «барса», «железа», «стали», «меди», «оружия из меди», «серебра».

Ряд докладов был посвящен проблемам сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых семей и групп в свете ностратических реконструкций. Это доклады Т.-Р. Вийтси (Тарту) «Спорные проблемы уральстики, важные для ностратики», где предлагаются новые решения по вопросу структуры прауральского корня, Л. Палмайтиса (Вильнюс) «Об отношении карельского к другим бореальным языкам», в котором делается попытка показать, что на ностратическом уровне существовали языковые единства, не входившие в число диалектов общеностратического, а являвшиеся «результатом контактного родства более старых бореальных семей». В докладе венгерского коллеги П. Вереша «Об этимологии этнонима „мадьяр“ в свете ностратических исследований» предлагается сближение с урал. корнем со значением 'сказка, рассказывать'. Доклад Г. К. Вернера (Таганрог) посвящен оценке тех возможностей для исторического изучения енисейских языков, которые созданы благодаря успехам ностратики; указывается около 50 енисейско-ностр. параллелей, говорится о сходствах в общей организации и направлениях эволюции морфологической системы. Применительно к прономинальной системе эту же проблематику рассмотрела Г. Т. Поленова (Таганрог) в докладе

¹ См. «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы». М., 1972; «Конференция Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов». М., 1977.

«Енисейско-ностратические параллели в области местоименных слов», высказав предположение об указательных местоимениях (различные огласовки у которых отражало различные степени детериса) как основе образования в дальнейшем других типов местоимений, а также грамматических показателей.

Вопросы сближения отдельных пар ностратических дочерних семей языков рассматривались в докладах И. Г. Меликишвили (Тбилиси) (автор высказывает предположение, что в картвельском и индоевропейском был использован типологически близкий способ образования перфекта), А. Н. Силантьева (Старополь) «Индоевропейский и адыгейский эргатив (Реконструкция и типология)».

Дополнения и коррективы к ностратическим этимологиям были даны в докладах москвичей В. А. Терентьева (предложено четыре новых ностр. этимологии и поправки к двум известным) и Н. С. Павовой «Дополнения к ностратическим этимологиям по группе центральнокавказских языков (кильба, марги, бура, чибак)», а также в опубликованной в «Тезисах» статье И. С. Ключкова (Москва) и Л. Палмайгиса (Вильнюс), где дан дополнительно семитский материал к ностр. $La\dot{H}m(u)$, а также замечания к ностр. реконструкции форманта сравнит. степени * $j\dot{A}$ — (\dot{s} (\wedge)). На материале «Ностратического словаря» Иллич-Свитыча занимается вопросами дескриптивных образований С. В. Воронин (Ленинград).

В большой группе докладов представлены исследования различных вопросов и.-е. сравнительно-исторического языкознания. Н. Д. Андреев (Ленинград) рассматривает этапы становления и.-е. аблаута. С. Л. Николаев и С. А. Старостин (Москва) в докладе «О парадигматических классах и.-е. глаголов» дали опыт классификации и.-е. глагольных корней в соответствии с их парадигматической характеристикой. С. Л. Николаев в докладе «О морфологии древнегреческого глагольного корня» сформулировал морфологические правила образования глагольных корней с суфф. 1 и 2 классов. В докладе Г. А. Левинтона (Ленинград) приводится новый и.-е. материал, подтверждающий исходное значение 'брат' и вторичное 'нести' у * $b\dot{h}er-$, установленное Иллич-Свитычем на ностр. уровне. Рассматривая этимологию слова «круг», В. Д. Фатиева (Томск) предполагает возможность заимствования в славян. и балт. этого слова из германского. Опираясь на работу В. М. Иллич-Свитыча 1961 г. («Формирование корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе», ВСЯ, вып. V), В. В. Иоффе (Ростов-на-Дону) пытается найти решение проблемы происхождения формантов балт. претерита. В докладе Л. А. Гиндина (Москва) «Данные фракийского языка и и.-е. ареальная лингвистика» вносятся поправки

в принятую географическую дистрибуцию (западная периферия) рефлексов и.-е. * reg' 'царь, жрец'. Т. Я. Елизаренкова (Москва) в своем докладе «О способах выражения предшествования в ведийском глаголе» показала, какими синтаксическими конструкциями это значение передавалось в ранневедийском и поздневедийском. В работе Л. Г. Герценберга (Ленинград) и К. С. Абдуллоходжаевой (Душанбе) «О реконструкции порядка компонентов в определительных словосочетаниях» дан анализ атрибутивных конструкций английского и таджикского языков с точки зрения применимости к ним типологической теории порядка слов Дж. Гринберга, а также высказаны некоторые общие соображения о соотношении ностр., и.-е. и таджикск. синтаксических типов. В докладе Л. С. Баюн (Москва) реконструируется фрагмент позднеанатолийских фонологических систем, включающих носовые и плавные сонанты.

Доклады по другим языковым группам: в предварительном сообщении В. Н. Топорова (Москва) «Из сравнительно-исторической фонетики енисейских языков: к реконструкции общеенисейского консонантизма» высказано предположение об особой четкости и, видимо, архаичности фактов ариинского консонантизма. В статье приводятся основные ряды соответствий согласных по современным кетским диалектам и южноенисейским языкам (аринский, ассанский, котский, цумпокольский), известным из записей XVIII—XIX вв. На основе соответствия ариинских заднеязычных нулю звука в других енисейских языках предлагается реконструкция ларингальных рядов. В. И. Цинциус (Ленинград) в докладе «О конвергенции согласных в алтайских языках» отметила идентичность рефлексов в части современных языков и диалектов у ряда исторически противопоставленных согласных фонем, что было обусловлено конвергентными переходами типа * $p' > \emptyset$, * $s > \emptyset$, * $k' > \emptyset$, * $d > j$, * $\dot{z} > j$, * $\dot{u} > j$ и т. д. Работа О. В. Столбовой (Москва) «Материалы к сравнительной фонетике афразийских языков (западнокавказские реконструкции)» основывается на выполненной автором сравнительно-исторической реконструкции для трех из семи подгрупп запад.-кав. языков: ангас, болева и хауса; приведены некоторые из более чем 200 реконструированных празападнокавказских корней с афразийскими параллелями.

Одно из заседаний конференции было посвящено исторической акцентологии — сфере исследований, занимавшей, наряду с ностратикой, виднейшее место в научных интересах В. М. Иллич-Свитыча. А. А. Залзняк (Москва) в докладе «Акцентологическая интерпретация данных древнерусского „Мерила Праведного“ XIV века» сообщил об обнаружении графического различия в указанном па-

мятнике открытого и закрытого *o* (*o* и *o* соответственно) и описал историко-акцентологические и историко-фонетические закономерности их распределения. Одним из основных результатов данного исследования является вывод о длительном сохранении различий между «обычным» ударением праславянских ортотонических словоформ и «рецессивным» (равносильным безударности) ударением энклименов. Сообщение В. А. Дыбо (Москва) содержало обоснование открытого докладчиком синхронного закона распределения ударений в абхазском языке, формулируемого в терминах валентности (положительной или отрицательной) морфем в отношении акцентации («ударение всегда ставится в конце первой последовательности морфем высшей валентности»). Данный закон или следы его действия обнаруживаются и в других западнокавказских языках; высказано предположение о тональном первоисточнике наблюдаемых акцентных явлений. В трех докладах был привлечен новый, еще не вошедший в научный обиход материал, касающийся просодических (тональных и фонационных) систем в дагестанских, уральских и тюркских языках. Ранее эти языковые факты не описывались и были выявлены в результате полевых наблюдений, проведенных группой московских исследователей в 1975—1976 гг. В докладе С. В. Кодзасова «Ларингально-фарингальное сжатие и некоторые проблемы дагестанской реконструкции» охарактеризована типологическая и историческая взаимосвязь просодических признаков фарингализации, эмфатизации и напряженности голоса как между собой, так и с сегментными признаками ряда у гласных, тембра и силы у согласных. Е. А. Хелимский отметил в своем докладе допустимость историко-языковых и сопоставительных данных для интерпретации фактов синхронии; применительно к находящимся на самой начальной стадии изучения тональных систем пермских (коми и удмуртского) языков была показана их вероятная генетическая общность и возможность акцентологического объяснения некоторых сложных вопросов пермской исторической фонетики. В сообщении И. Н. Пейроса охарактеризованы суперсегментные — по преимуществу фонационные — системы ряда тюркских языков, указаны типичные взаимные соответствия фонаций и тонов в тувинском, хакасском и уйгурском языках, а также выявлена их связь с количественными противопоставлениями гласных в туркменском и якутском (характерно, что различия по долготе в последних сопровождаются фонационными различиями). А. Н. Головастиков (Москва) в докладе «О происхождении тона в бирманском языке» показал, что система с пятью тонами современного бирманского языка восходит к бестоновой, но более богатой финалями системе. Путем

филологического анализа и широких сравнительно-исторических сопоставлений в рамках китайско-тибетской семьи выявлен генезис каждого из тонов.

Специальное заседание конференции было посвящено вопросам сравнительно-исторического изучения языков Восточной Азии и Океании. Развитие исследований в этом направлении позволит, как можно рассчитывать, получить данные для проверки гипотез отдаленного родства языков данного ареала (австрической, австрическо-таи-синотибетской и др.) и за счет этого уточнить представления о границах ностратической общности и о ее отношении к другим языковым группам. С. Е. Яхонтов (Ленинград), выступая «В защиту аустро-тайской гипотезы», высказал мнение, что из числа предложенных П. Бенедиктом тайско-аустронезийских лексических сопоставлений доверия заслуживают те, в которых финаль тайского односложного слова фонетически близка гласному и конечному согласному последнему слога аустронезийского корневого слова. Аустро-тайская гипотеза позволяет объяснить некоторые необычные фонетические соответствия в пределах самой тайской группы. В докладе «Семантическая структура тангутской письменности» М. В. Софронов (Москва) выделил идеографию как ведущий способ создания знаков тангутского письма, отличающегося в этом плане от прочих иероглифик. Идеография означает объединение в одном иероглифе нескольких значимых графических единиц, которые в сумме образуют искомый смысл. С. А. Старостин (Москва) предложил в докладе «О системе финалей тангутского языка» некоторые уточнения выполненной ранее М. В. Софроновым реконструкции. Предлагаемая им система включает 8 гласных фонем (плюс дифтонги), 4 (фонологически 2) медиали, 3 конечных согласных (в том числе гортанную смычку). Н. К. Соколовская (Москва) в сообщении «К вопросу о реконструкции несмычных терминалей протовьетмыонгского языка» изложила один из фрагментов выполненной ею протовьетмыонгской реконструкции, особо остановившись на проблеме терминалей **l* и **r*. В докладе П. Н. Перцова (Москва) «О реконструкции правосточноокеанийского языка» предложен компромиссный вариант праязыковой реконструкции для восточноокеанийских языков (фиджийский, ротуманский, полинезийские и др.), основывающийся на работах Биггза и Кэпмора; автор дает таблицу протофоном и звуковых соответствий. В. И. Беликов (Москва) в работе «К вопросу о субклассификации восточнополинезийских языков» на материале грамматической подсистемы видо-временных частиц демонстрирует большую близость гавайского языка к таитянской, нежели к маркизской подгруппе, что говорит в пользу классификационной схемы С. Эльберта и против пере-

смотря этой схемы, предложенного Р. Гринном.

К теоретическим докладам следует причислить работу В. Н. Топорова (Москва) «Парадоксы заимствований в сравнительно-исторической фонетике» и В. В. Мартынова (Минск) «Ареальный аспект в компаративистике» (где утверждается тезис о превентивности пространственно-временной стратификации лексемы в этимологических исследованиях). Доклад Ю. И. Смирнова (Москва) «Ностратические исследования и фольклор» содержит призыв к фольклористам использовать сравнительно-исторические методы в фольклорных разысканиях.

С внепрограммным сообщением выступил на конференции И. М. Дьяконов (Ленинград), информировав участников конференции о ходе работы над «Сравнительным словарем афразийских языков», ведущейся силами группы ленинградских и московских семитологов. Проект Словаря предусматривает реконструкцию в полном по возможности объеме праафразийского лексического фонда с указанием рефлексов в языках всех пяти групп афразийской семьи (семитская, берберская, кушитская, египетская, чадская). В на-

стоящее время ведется подготовка карточек по отдельным языкам; к концу 1977 г. планируется подготовить и издать пробный выпуск словаря.

В книге «Тезисов» имеется статья Р. В. Булатовой (Москва), которая содержит указатель славянских лексем и морфем, встречающихся в «Ностратическом словаре» В. М. Иллич-Свитыча (всего более 400 названий), а также хроникальная заметка о работе семинара имени В. М. Иллич-Свитыча, функционирующего при Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 1972 г. и объединившего в своем составе группу лингвистов-компаративистов старшего поколения и ряд представителей молодежи (сотрудников, студентов и аспирантов кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического ф-та МГУ, сектора языков Африки Института языкознания АН СССР, лингвистической группы Института Дальнего Востока АН СССР и других учреждений). Почти все участники семинара выступили с докладами на конференции.

Конференция показала исключительную научную актуальность и перспективность идей и выводов работ В. М. Иллич-Свитыча по ностратическому языкознанию.

Р. Булатова, Е. Хелижский

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1977 ГОДУ

СТАТЬИ

Багинский Э. С. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926—1929)	№ 3
Базылёв Л. Институт социалистических стран ПАН	№ 3
Бегунов Ю. К. «Мучение Иоанна Нового» Григория Цамблака в сборнике первой трети XV в. из собрания Н. П. Лихачева	№ 4
•Белозерова О. М. Йозеф Грегор Тайовский как представитель критического реализма в словацкой прозе начала XX века	№ 3
Бирман М. А. Промышленный пролетариат Болгарии начала XX в. (численность, структура)	№ 3
Бочкарева С. И. Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX века	№ 4
Главное событие XX века	№ 5
•Грушковиц М. Великая Октябрьская революция и Чехословакия	№ 5
Димитрова-Душкова С. Великий Октябрь и большевизация Болгарской коммунистической партии	№ 6
Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Первая послевоенная научная сессия по славяноведению	№ 1
Захаров В. В. К истории эфитевсиса в Далмации XIII—XIV вв.	№ 4
•Иванов Ю. Ф. Становление марксистской концепции гусистского наследия в межвоенной Чехословакии	№ 2
Ильина Г. Я. Мирослав Крлежа и становление революционной литературы в Югославии	№ 6
Исламов Т. М., Клеванский А. X. Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии	№ 1
К 60-летию Великого Октября	№ 4
Логачев К. И. Отечественная кирилло-мефодиевская текстология в 1910—1920-е годы (Из истории отечественной славистики)	№ 4
Макарова Г. В. Освещение солидарности трудящихся Советского Союза и Польши газетой «Грыбуна радзецка» (1927—1938)	№ 6
Марков Д. Ф. За глубину и синтетичность научных исследований (К 30-летию Института славяноведения и балканистики АН СССР)	№ 3
Михта Н. Значение Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши	№ 5
Михутина И. В. К вопросу о роли правых оппозиционных группировок в политической системе стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1930-е годы	№ 2
Молошная Т. Н. О новых адъективных словосочетаниях в современных славянских языках	№ 4
•Мыльников А. С. В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека	№ 2
•Недорезов А. И. Клемент Готвальд и революционное преобразование чехословацкого общества	№ 1
Непорожня Н. А. Гуманистическая концепция человека в антифашистском романе Михайло Лалича	№ 3
•Овчинникова Е. Н. Обзор словацкой и диалектной лексикологии и лексикографии последних десятилетий	№ 6
Октябрьский пленум ЦК КПСС и проблемы развития социалистического сотрудничества	№ 1
Парсаданова В. С. Советско-польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 годах	№ 2
Пиримкулов Ш. К истории создания Союза польских патриотов в СССР	№ 6
Пиастро Г. Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт. Сентябрь 1944 — май 1945 г.)	№ 1

- Решетникова О. Н. Фальсификация истории Отечественного фронта Болгарии 1942—1944 годов в буржуазной английской и американской историографии № 4
- Свадбова Б. Божена Немцова в прогрессивной чешской критике межвоенного двадцатилетия № 6
- Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII века № 3
- Светлов И. Монументы народной Польши № 1
- Скупский Б. И. Спорные случаи дательного самостоятельного в евангельских кодексах № 3
- Славин Г. М. Как трудящиеся Югославии праздновали годовщины Великого Октября № 5
- Соколовская О. В. Открытие Салоникского фронта державами Антанты осенью 1915 года и Греция № 6
- Соловьева А. Цикл рассказов в чешской и русской литературе XIX века № 4
- Сумарокова М. М. Подготовка Коммунистической партии Югославии к VII конгрессу Коминтерна и участие ее делегации в работе конгресса № 4
- Титова А. А. Проблема аграрной реформы в польском сейме (июль—декабрь 1923 г.) № 2
- Толстая С. М. К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках № 1
- Турилов А. А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII веков (По материалам древнерусской библиографии) № 1
- Улунян А. К вопросу о пребывании Христо Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 года № 2
- Урбаньчик С. Польский язык XVI века № 2
- Урибес Э. Балканский кризис и европейские державы № 1
- Фалькович С. М. К столетию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского № 6
- Хорев В. А. Октябрьская революция и становление социалистического реализма в польской литературе в 20-е годы № 5
- Цанев Г. Русская классическая и советская литература в моей жизни № 5
- Чуркина И. В. Освещение Октябрьской революции в работах Б. Зихерла и Д. Кермавера № 6
- Яжборовская И. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы № 5
- Ярош Б. Научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Польской Народной Республики (1947—1977) № 5

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Гудков В. П. К выяснению обстоятельств издания «Истории разных славянских народов» Йована Раича № 1
- Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым № 2
- Королюк В. Д. Чешский художник Вацлав Фиала № 4
- Моравец Д. Революционная роль Ивана Цанкара в словенском и югославском театре № 1
- Стеклова Ф. И. Тайна одного письма № 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Банин А. А., Канчавели Л. Г. Монография о болгарской народной музыке № 1
- Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Огнева А. Я., Скворцова Н. М., Смирнова Р. Н.) № 1—6
- Богомолова Н. J. Kwiatkowski. Poezja Jaroslawa Iwaszkiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego № 2
- Борис В. А. В. Lopuszański. Stowaryszenie ludu polskiego (1835—1841) № 1
- Виноградова А. И. Проблема средневекового города в словацкой марксистской историографии № 3
- Воронков И. А. Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель № 2
- Горский И. К. «Studia polono-slavica-orientalia» № 2
- Горский И. К. «Studia polono-slavica-orientalia» № 4
- Горский И. К. «Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза начала 70-х годов» № 5
- Григорян Э. А. Лингвистический сборник памяти профессора Ст. Стойкова № 1

Гутшмидт К. Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала) . . .	№ 2
Данилова А. Т. В. Вулетић. Мисао и реч Светозара Марковића . . .	№ 3
Зюзюкина Т. Димитрије Туцовић. Преписка . . .	№ 4
Каиров С. Л. В. Н. Казак. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран (1941—1945) . . .	№ 1
Калениченко П. М., Колесник В. П. «ZSSR — Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna» . . .	№ 5
Калениченко П. И., Мирошниченко И. М. «Братство по оружию» . . .	№ 6
Клепикова Г. П. W. Hemiczek-Morozowa. Terminologia polskiego państwa górskiego . . .	№ 1
Копылов В. Р. «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Сборник документов и материалов . . .	№ 5
Королюк В. Д. «Славяне и Запад» . . .	№ 3
Королюк В. Д. Л. І. Крушельницька. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза . . .	№ 6
Лаптева Л. П. Книга о Яне Арноште Смолене . . .	№ 3
Л. К. Чешская литература в ее связях с культурой Европы . . .	№ 6
Манько А. Болгарская историография о формировании ленинской стратегии и тактики БКП (1917—1923 гг.) . . .	№ 6
Мельцер Д. Б. Ценное издание по истории советско-болгарских отношений . . .	№ 5
Митина Н. П., Штакельберг Ю. И. О. П. Морозова. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце . . .	№ 1
Мокиенко В. Ryszard Stypuła. Słownik przysłów rosyjsko-polski u polskorozyjski . . .	№ 1
Молок Ф. KSC a naše priateľstvo a spojnectvo so ZSSR . . .	№ 5
Мохов Н. А. Исследование по аграрной истории Молдавии позднего феодализма . . .	№ 1
Мурашко Г. Новое исследование чехословацких историков о Кошицкой программе . . .	№ 1
Пашаева Н. М. A. S. Myl'nikov. Vznik narodně osvícenské ideologie v českých zemích 18. století. Prameny národního obrození . . .	№ 4
Покровская Г. «Бранко Гавелла — драма и театр» . . .	№ 2
Руколь Б. М. Zdeněk Nejedlý. Má vlast. Symfonie doby, života a díla . . .	№ 2
Северная О. А. Вопросы культурного строительства в европейских странах социализма . . .	№ 3
Смирнов И. Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. I. Барокко: литература/литературоведение . . .	№ 6
Соловьева А. Библиография трудов о Яне Неруде . . .	№ 3
Супрун В. И. Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby Таценко Т. Н. J. Kašpar. Uvod do novověké latinské paleografie se z vlastními zřeteli k českýmzemím . . .	№ 6
Фрейденберг М. М. Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма . . .	№ 1
Чернявский Г. И., Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг. . .	№ 4
Ястребичка А. Видукинд Корвейский. Деяния саксов . . .	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аксенова Е. П. 30 лет деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР . . .	№ 3
Булатова Р., Хелимский Е. Конференция по вопросам вострагического языкознания . . .	№ 6
Горенков А. Встреча советских и польских историков . . .	№ 6
Гусев В. Е. На 23 конгрессе фольклористов Югославии . . .	№ 2
Калужская И. IV Международная конференция по Общекарпатскому диалектологическому атласу . . .	№ 1
Краузе Г. Т. Научная конференция в Баупене . . .	№ 4
Мокиенко В. М. Международный симпозиум по богемистике . . .	№ 2
Мороз В. К. Научная конференция историков-полонистов во Львове . . .	№ 2
Петрова Н. К. Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР . . .	№ 6
Прокофьева Н. Деятельность международной Комиссии по истории славистики . . .	№ 1
Усачева В. V Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу» . . .	№ 4
Цивьян Т. В. Симпозиум по структуре балканского текста . . .	№ 3

CONTENTS

Dimitrova-Dushkova S. (Bulgaria). The Great October and Bolshevization of the Bulgarian Communist Party. *Falkovich S. M.* To the centennial of F. E. Dzerzhynskii. *Churkina I. V.* The problems of the October Revolution in B. Zihel's and D. Kermavner's works. *Pirimkulov Sh.* On the history of the fondation of the Polish Patriots League in the USSR. *Makarova G. V.* The «Trybuna radziecka» about the solidarity of the Soviet and Polish working masses. *Svadbova B.* (Czechoslovakia). Božena Němcová in the progressive Czech critique of the period between the two world wars. *Ilijina G. Ya.* Miroslav Krleža and the affirmation of the revolutionary literature in Yugoslavia. *Sokolovskaya O. V.* Opening of the Thessaloniki Front by the Entente Powes in autumn 1915 and Greece. *Ovchinnikova E. N.* A survey of slovak dialect lexicology and lexicography of recent decades. *Ekkert R* (GDR). About the route of the composed words and words-compositions by the definition of the semantics of the word in the old Slavonic 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Kalenichenko P. M., Miroshnichenko I. M. «The brotherhood in arms». *Mańko A.* The Bulgarian historiography on the forming of Leninist strategy and tactics of the ВКР (1917—1923). *Korolyuk V. D. L. I.* Крушельницька. Північне Прикарпаття и Західна Волинь за доби раннього заліза. *L. K.* The Chech literature in its connections with the European culture. *Smirnov I. И. А.* Чернов. Из лекцій по теоретическому литературоведению. *I. Барокко: литература/литературоведение.* *Tatsenko T. N. J.* Kašpar. Uvod do novověké latinské paliografie se zvláštním zřetelem k českým zemím 96

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1977 (continued). 113

SCIENTIFIC LIFE

Gorenkov A. A meeting of the Soviet Polish historians. *Petrova N. K.* A conference of the Commission of the historians of the USSR and Poland. *Bulatova R., Khelimskii Je.* A conference on the problems of nostratic linguistics 119
 Guide of articles and materials published in the Soviet Slavonic Studies in 1977 125

Magazine

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10/VIII-1977 г. Т-16833 Подписано к печати 18/X-1977 г. Тираж 1215 экз.
 Зак. 2712 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4,0 Уч.-изд. л. 12,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891